

The book cover features a dark, atmospheric illustration. At the top, a large, dark, winged figure with a snake coiled around its neck looms over a path. The path is flanked by gnarled, leafless trees and leads into a misty, green-hued forest. In the lower foreground, two skeletons are walking away from the viewer down the path, holding hands. The overall color palette is dominated by dark greens and blacks, with a bright green glow emanating from the background.

Сергей Рыжков

ИЗВОЗЧИК ДУШ

БЕГЛЕЦ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Рыжков

Извозчик душ 2. Беглец

«Автор»

2026

Рыжков С.

Извозчик душ 2. Беглец / С. Рыжков — «Автор», 2026

У Артура удалена личность. Свободный Легион побежден. Господин Смерть отстоял свой порядок. Но появляется новая угроза. Откуда не ожидали. От тех, кого всегда считали просто декорацией этого мира. Культа Химеры. И сможет ли в этот раз Артур сохранить верность Господину Смерть?

© Рыжков С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Рыжков

Извозчик душ 2. Беглец

СЕРГЕЙ РЫЖКОВ

ИЗВОЗЧИК ДУШ 2: БЕГЛЕЦ

Часть 1

Дорога в Ад

ПРОЛОГ

Почти месяцем ранее. Незадолго до битвы за Город Суда, Эльфийское Королевство.

После того, как Хантеры зачистили тут лагерь Солнечноликих, демонам оставалась грязная работа: искать в эльфийских кущах, остался ли кто-то из бунтовщиков, кого можно задержать или хотя бы поживиться какими-то магическими артефактами от них.

Демоны-охотники по-хозяйски расхаживают в эльфийской обители. Под их ногами умирают цветы, словно облитые щелочью. Обозленные от утомительной выездной работы черти рады всякой возможности ненароком поиздеваться над местным населением. То к эльфийке пристанут, то пошатаят за рога голову друида.

Эльфийская королева Ливенфель и Вождь Кентавров Вегарь благодарны хотя бы их командиру, закованному в алую броню, что скрывает лицо. Он постоянно одергивал подчиненных и пресекал бесчинства.

"Сохраняйте спокойствие. Не вмешивайтесь, и никто не пострадает", — заверил их бронированный демон на искаженном эльфийском. Сказочным правителям оставалось только подчиниться. Они не понаслышке знали, сколько смертей может принести хотя бы одно золотое оружие с дулом и спусковым крючком, что держат сейчас в руках демоны.

Вожди терпеливо наблюдали, как тяжелые дьявольские машины приминают поляну, как нагло топчут священное место ноги нечестивых!

Оттенок кожи Ливенфель от гнева наливался красным. Именно красным, как кровь, не розовым, как у человека после парилки.

Вегарь прекрасно понимал ее состояние. Он ощущал, как ракеты мертвецов оборвали жизни сотням его соплеменникам в Степи Шекха. И знал, что их народы далеко не единственные, кто пострадал в этих разборках мертвых.

Поэтому Вегарь, насколько мог, сделал свой голос тише и заговорил. С эльфом. Со своим заклятым врагом. Предлагая дружбу.

Ливенфель едва не сорвалась на крик от возмущения таким предложением.

— Я понимаю, что для тебя этот союз мерзок, как и для меня, но взгляни на то, что происходит, — сдерживая свой громовой бас, сказал Вегарь. — Сейчас наши народы терпят унижения и гибнут от их личных конфликтов. Но с каждым годом мертвецы становятся все сильнее и сильнее. Подумай, что будет, если они вдруг сочтут, что мы лишние в этом мире.

— И что же, по-твоему, мы вдвоем сделаем? Даже если я прощу твоим грязным коням столько пролитой эльфийской крови! — зло спросила королева.

— Мы объединимся не только с тобой, эльфийка, — Вегарь осмотрелся по сторонам и понизил голос: — Но и с остальными народами Таогара. Однако ваш народ даст этому союзу наибольшее преимущество.

— Это еще почему? — Ливенфель подняла бровь.

— Я точно знаю, что в недрах вашей Обители спрятана великая Мудрость. Мудрость, которую утратили многие другие народы.

ГЛАВА 1

Наши дни...

Большие колеса с яростью безумного медведя вырывают куски земли с травой, когда две тонны черного железа прорываются сквозь заросли.

Слабенькие деревья плаксиво трескаются позади машины. За ней с истошным воплем несется кожистая туша, закованная в броню. Ее всадник осыпает кузов заклинаниями, взрывающимися как маленькие петарды.

Укравкой смотрю на дисплей датчика состояния брони. С каждым таким попаданием цифра все уменьшается, а уклоняться на таком громоздком пикапе не удастся. Температура в салоне стремительно растет, а заклятья уже оставляют на капоте пылающие пятна.

В треснувшем зеркале заднего вида отражается безумный красноволосый эльф верхом на тираннозавре. Его «лошадка» уже клацает ротовой мясорубкой из загнутых кинжалов у бампера, а посох эльфа хлопает заклинаниями все чаще и точнее.

На заднем сиденье хрипит связанная, побитая девушка в разорванной одежде. Из-за нее тонны доисторического мяса, закованные в доспехи и эльфы, оседлавшие их, преследуют меня.

В кронах деревьев мелькают юркие силуэты с оранжевыми лицами и красными волосами, и в ту же секунду к колесам машины падает очередная самодельная бомба.

От взрывов пикап то и дело подскакивает, грозясь перевернуться, а назойливый всадник на тираннозавре продолжает осыпать кузов магическими ударами.

Заросли редеют и простора для маневра становится больше. Избавлюсь от ящерицы! Резкий поворот влево — грузная туша тираннозавра с эльфом на шее за мной, резко вправо — разворачивается, снова влево — чуть не запутавшись в ногах, пытается догнать, и снова беру вправо — хищник не успевает развернуться и отстает. Кидаю в окно гранату, чтобы задержать наверняка и ускоряюсь.

Взрыв! Древний хищник в доспехах исчез из виду. Маневренности им еще с Мелового периода не хватало.

Девушка на заднем сиденье, постанывая, чуть приподнимается.

— О, нет! — вдруг вскрикивает она, посмотрев в окно. Резко заворачиваю вправо, уклоняясь от прямого удара. Небывалых для своего вида размеров, словно откормленный на стероидах, рогатый ящер трицератопс вырывается из засады в зарослях кустарников и разрезает копьем рога бок внедорожника.

Динозавр, расписанный мерцающими рунами из свежей крови, проносится далеко вперед и уже разворачивается для нового удара. Три удлиненных рога раскаляются добела.

Как видно, красные эльфы не только подчинили себе доисторических рептилий, но и улучшили их с помощью колдовства.

Пока мой джип закрутило от мощного удара, с деревьев уже спрыгивают два эльфа, чтобы прилепить на кузов самодельные бомбы. Хватаю с правого сиденья обрез двустволки и, высунувшись, сношу двумя выстрелами головы уже запрыгнувших на крышу врагов.

Заколдованный живой танк—трицератопс уже развернулся и, вопя, как ошпаренный, несется насадить мою машину на рога. Вдавливаю педаль в пол, и, пробуксовывая, уношусь прочь.

Ящер на хвосте! Несмотря на свои габариты, он нагоняет нас, а его рог на носу уже готов проткнуть багажник.

Нахожу среди кучи оружия на сидении удобный однозарядный гранатомет, и, убедившись, что за пару секунд езды по прямой не воткнусь в дерево, спешно открываю дверь, высываюсь и отправляю один выстрел в морду разъяренного ящера.

Патрон смачно взрывается, разорвав щиток на голове трицератопса. Копья заколдованных рогов, разлетевшись в сторону, пронзают ближайшие деревья.

Лесополоса заканчивается, и пикап с рычанием вырывается на просеку. Едва ухабы под колесами сменяются более ровной дорогой, отключая режим внедорожника, и громадный зверь DodgeRam превращается в маневренный brutalный седан Charger.

Девушка на заднем сиденье что-то кричит, пытаясь вырваться из веревок. Истерика. Стандартное поведение для души, у которой после смерти еще не иссяк запас собственных эмоций.

Едва трансформирую машину, как из лесополосы выскакивают несколько мотоциклов с вооруженными эльфами за рулем.

Красные эльфы очень хорошо переняли демонские повадки, работу с современным оружием и техникой.

Некогда этот немногочисленный народ населял оазисы Огненной пустыни между Адом и Черным лесом и вскоре был видоизменен под влиянием демонов. Когда оазисы в пустыне начали увядать из-за огромных потоков негативной энергии с Ада, а монстры из Черного леса все чаще совершали набеги, племя Красных эльфов мигрировало на восток, в еще одни Джунгли динозавров, те, что чуть ближе к Раю.

Из-за влияния крови демонов, некогда благородное эльфийское племя, жившее в единении с природой, превратилось в шайку озлобленных дикарей, чьим уделом стали грабежи и убийства. От обычных эльфов их теперь легко отличить по рыжевато-красному оттенку кожи и ярко красным волосам. Этот признак они не могут изменить никакими превращениями.

Трофейные автоматы, доставшиеся им от демонов, застучали очередями вслед, пытаясь попасть по авто, но мой новый Charger по скорости обходил даже бывшую машину BMW. На извилистой лесной трассе у байкеров нет шансов.

Я уверенно вилял на поворотах, выжидая пространство для маневра. Крутая тропа постепенно вела к подножью холма, где меня встречала уже ровная дорога, откуда напрямик можно достигнуть Основной трассы. Притормаживаю, подпуская преследователей все ближе. Пять-шесть мотоциклов. Невольно вспоминается охота на Весельчаков.

Присмотрев в куче оружия внушительный револьвер Mateba, на ходу разворачиваю авто передом к эльфам и врубаю заднюю. Несколько пуль бьют по лобовому стеклу, оставляя трещинки. Чуть торможу. Высовываю левую руку с оружием и точными громкими выстрелами сношу троих всадников с железных коней. Остальные, видя это, тормозят, либо резко уходят прочь. Красным эльфам дорога их шкура.

Прогнав врагов, снова разворачиваю машину на сто восемьдесят градусов и вдавливаю педаль в пол.

DodgeCharger, выдвинув из багажника спойлер и подняв воздухозаборники, победоносно рванул вперед.

— ... я?! Что, черт возьми, происходит?! Куда меня везут?! — наконец, до моего внимания доходят разборчивые ругательства молодой девушки в рваном платье на заднем сиденье.

Минувшей ночью Красные эльфы напали на машину Извозчика, перевозившего ее. Водитель успел скрыться, а ее и машину разбойники уволокли в лагерь. Над девушкой не успели надругаться, поэтому ее душа еще в нормальном состоянии и может предстать перед Судом. Если бы душа была повреждена сильнее, пришлось бы так и оставить ее там. Весы Фемиды бы уже ничего не показали.

— Все в порядке, — спокойно отвечаю ей, не уводя взгляд от дороги. — Вы спасены и в ближайшие часы уже будете на Страшном Суде.

— Еще и Суд после всего, что я пережила?! Да меня должны в Рай отправить, как мученицу! — истерит она. — Да развяжи ты меня уже наконец!

Всегда поражали те мертвецы, которые и дня не пробыли в Море Мертвых, а уже пытаются качать права. Словно весь этот дикий и сказочный мир, представший перед ними после жизни, только для них. И они, увидев его, стали уникальны и имеют тут какие-то привилегии. Ни черта они не имеют. Ни один человек.

— Все решит Суд.

Девушка еще что-то кричит и тщетно пытается вырваться, но мне совершенно все равно. Мне уже давно на все плевать. Окончательно и бесповоротно. Еще с той вспышки в Здании Суда, когда я прострелил Луцию грудь.

— Артур, все в порядке? Я вовремя звоню? — на лобовом стекле появляется лицо Мораны. В ее голосе я слышу узнаваемые нотки материнского беспокойства.

— Да, вполне.

— Ты справился с задачей? — она пытается заглянуть на заднее сиденье салона.

— Да, объект спасен. Состояние удовлетворительное, может предстать перед Судом. Буду в Городе примерно через семь часов.

— Ты стал иначе общаться в последнее время...

Прекращаю связь и прибавляю скорость.

Едва я надавил на педаль газа, в голове мелькнула тень какого-то дежавю, связанного с этим действием. Мимолетная мертвая ассоциация.

Я встаю с мокрого асфальта.

Непонятное чувство слабости и в тоже время легкости окутывает меня. Расплывчатое изображение постепенно складывается в понятные образы, а в гудящей голове по кирпичикам складывается картина произошедшего.

Я попал в аварию. Дорогу переходила пожилая женщина. Я уклонился от нее и врезался в столб.

Где машина?

Вот она!

Горящая и смятая синяя БМВ слиплась со столбом. Странно, что я не справился с управлением. Даже на большой скорости реально было затормозить. От перекрестка, где проходила женщина до столба, где догорала моя машина — приличное расстояние.

Обессилено ковыляю к месту трагедии.

Каким образом я оказался так далеко от машины, и почему я вне салона? Не могло же меня так далеко выбить от удара?

Женщина истерически плачет рядом у "гармошки" моей БМВ и кричит, показывая на горящий салон пожарному.

— Он там!! Спасите его! Он сейчас сгорит! — кричит она. Пожарные спешно тушат остатки машины. Кого они хотят спасти? Вот же я, здесь.

— Я здесь! — кричу я, стараясь добежать к процессии. — Все в порядке! Я здесь!

Никто не оборачивается.

— Все, все, успокойтесь, я живой, — я стараюсь взять за плечи заплаканную женщину, которую чуть не сбил, но...

Мои руки отчего-то проходят сквозь нее!

— Женщина, очень жаль, но его было не спасти, — плачущую женщину обнимает пожарный, закончив работу с горящим куском металлолома. В салоне я замечаю чей-то изуродованный и обугленный силуэт.

Не может быть...

Я подбегаю к искореженной машине и вижу, что рядом с обезображенным до неузнаваемости телом сидит маленький мальчик в белой одежде и плачет.

— К... Кто ты?

— Прости, — его голова резко поворачивается в мою сторону. В кристально чистых голубых глазах слезы. — Я не спас тебя.

Внезапно он оказывается рядом со мной, а затем, всхлиывая, уносится куда-то прочь, растворившись в темноте.

Я, онемев от шока, отстраняюсь назад. По залитому дождем асфальту. Стена из дождя накрывает все вокруг и тут до меня доходит страшная мысль...

Я не чувствую его!

Я смотрю на свои руки, и они... не мокрые! Капли дождя заставляют промокать до ниточки всех, кроме меня. На меня они словно не падают.

Либо проходят насквозь...

Вокруг много людей. Пожарные, полиция, скорая, но я невидим для них. И их образы тоже теряют четкость. Фразы становятся все глуше, а их силуэты все прозрачней.

— Я что, умер?! — в панике восклицаю, бросившись бежать. Не важно, куда. Словно у этой дикой ситуации есть какие-то границы, и, если я их перебегу, то все останется позади. Просто сном, вспышкой больного воображения.

Сцена с моим трупом остается позади, привычный вид города искажается и меркнет. Темнота словно пасть неведомого чудовища поглощает каждый его уголок.

— Да, ты умер, — раздается бодрый женский голос из темноты.

На моем пути оказывается она. Сексипильная блондинка в строгом деловом черном костюме. Она стоит на фоне такой же черной как ночь Ауди, что слепит меня своими фарами.

— Кто ты?! — вскрикиваю я, осматриваясь по сторонам, не зная, что делать. — Почему ты меня видишь?!

— Потому что я тоже умерла, — промурлыкала блондинка.

— Так значит я... погиб?!

— Именно так, — она чуть улыбается уголком красивых губ. — Я когда-то тоже разбилась на машине, я тебя хорошо понимаю.

— Но... Кто ты и зачем ты здесь?! Ты Смерть?!

— Ха-ха. Какие вы все оригинальные, — девушка оценивающе разглядывает меня. — Не совсем. Я — Извозчица душ, ее Слуга. Я пришла забрать тебя отсюда.

Я молчу и смотрю то на искореженную машину с трупом, то на кокетливо подмигивающую красавицу в строгом костюме.

— Куда ты повезешь меня?

— Все довольно просто, на Страшный Суд. Наверняка слышал о таком?

Я смотрю по сторонам. Вокруг ничего, кроме стены дождя и девушки с ее машиной: весь остальной город померк, превратившись в незаметные тени и силуэты. Я щупаю свое тело и едва ощущаю его. Словно во сне.

— Откуда мне знать, что ты не обманешь?

— А ты видишь здесь еще кого-то, кому можно доверять? — девушка посмеивается. — Залезай в тачку, ковбой. Даже меня Извозчик быстрее уломал, чем я тебя.

Милое бледное лицо собеседницы улыбается, а в глазах поблескивает некое подобие жизни. Словно огромная лампочка, заменившая свет солнца искусственным. Наверное, такой взгляд и должен быть у души умершего.

— Ты... тоже была человеком?

— Все мы когда-то были людьми.

Вокруг уже ничего не осталось, кроме темноты, нещадного дождя и света фар, пронзавшего меня насквозь. Все кончено.

— Назад дороги нет, да?

— Уже нет. Ты больше никогда не будешь живым.

Я не мог вот так просто уйти. Не мог и не хотел. Погибнуть из-за такой глупости, когда у меня осталось так много важных дел... так много людей, перед которыми я несу ответственность. Так много судеб, что зависели от меня.

— Меня зовут Аня, кстати, — девушка, дав мне время подумать, снова заговорила. — Артур, я понимаю, что ты, может быть, важный и деловой человек при жизни был и у тебя еще полно работы. Но и ты тоже пойми. Мне нужно доставить твою душу на Суд, а твое сгоревшее тело уже явно ничего не изменит. Да и призраком ты тут долго не проходишь, все равно рано или поздно засосет в Мир Мертвых.

Как же все мерзко и глупо! Дела... важная миссия... ответственность перед людьми. Да на кой черт мне сдалась эта жизнь после того, что сделала она? Какой смысл теперь хвататься за нее и что-то пытаться менять. Все умерло. Все умножилось на ноль. Здесь больше нечего делать!

— Поехали! — я быстро иду к ее машине.

— А ты решительный, мне такие нравятся, — Анька, прыгает за руль.

ГЛАВА 2

Здание Суда обугленной черной иглой вонзается в небосвод и наполняет его облака густым ядом из мрака и печали. Рядом с ним, объятые изумрудным сиянием, медленно тянутся к небу унылые скелеты разрушенных небоскребов.

Город все еще оправлялся после битвы. Дворники монотонно стирали капли дождя с побитого лобового стекла. Потрескавшаяся статуя костлявой смерти вежливо указала косой на ворота Города, любезно приглашая заехать.

Лицо пассажирки стало бледным, а его выражение подавленным. Вид Города Суда в черно—серых тонах его зданий и обитателей с белыми потухшими лицами, не мог вызывать иных чувств. Зеленоватое сияние у разрушенных домов и шум подневольных гномов, что усиленно помогали ремонтировать их — единственное, что хоть как-то разбавляло привычную картину.

Все как обычно. Я спускаюсь в подземную стоянку Здания Суда, что похожа на бесконечную отполированную пещеру.

Напуганная девушка с круглыми глазами слушает, как я равнодушно рассказываю о Страшном Суде, что ее ожидает там, а затем мрачный громила Надзиратель уносит ее в темноту.

Очередной груз доставлен. «Додж» со скрежетом отъезжает назад, разворачивается и устремляется на свет.

Он обнажает легкие вмятины от заклиний на капоте, местами побитое стекло и глубокий порез на двери от заколдованного рога трицератопса. Самое время ремонта.

Объезжаю несколько кварталов, где в поте лица трудились над ремонтом дороги подневольные гномы. Коренной народ, населяющий плато, где раскинулся Город Суда, недовольно фыркая из-под черных пыльных капюшонов, заделывал чудовищные котлованы, оставшиеся от шагов Рабратрана.

Город сильно изменился. Обрушенные дома медленно воссоставали из праха и по кусочку лепили сами себя, рядом с ними расположились целые палаточные кварталы, где упокаивались по ночам оставшиеся без крова Слуги. Спешно были выстроены еще несколько убогих зданий Госпиталей, где раненые души возвращались к полноценному существованию после тяжелых повреждений.

Слуги изменились. Если присмотреться к ним, они больше не походили на ходячий строй из посмертных масок вместо лиц. Их глаза стали видны. В них угадывались отголоски страха и сомнений. Битва за Город Суда нанесла сильный урон по их обыденности. У Слуг практически

нет собственных эмоций, но чувство зоны комфорта в них надежно закреплено. И сам факт этой битвы втоптал в грязь их веру в стабильность, в неизменный порядок вещей.

И теперь их глаза не способны скрыть беспокойство, ожидание новых, более страшных перемен.

И лишь мои глаза в отражении зеркала заднего вида не выдавали ничего...

Мастерская, на удивление, хорошо перенесла битву. Кроме нескольких дыр в крыше и пулевых отверстий в стенах, она успешно уцелела среди руин близлежащих небоскребов.

— Артур! — меня окликает бодрый голос хозяина мастерской, Василия. — Я так понял, с твоей новой работой ты теперь ко мне будешь заезжать чаще!

— Да, теперь это неизбежно, — ставлю машину внутрь круглого светящегося символа и выхожу.

— Что там тебе поручают? Доставлять самые опасные души?

— Еще вытаскивать попавшие в плен или потерянные по дороге. Рисков в этом случае куда больше.

— Ну и тачку тебе потрясную для этого выделили, характеристики уж явно повыше, чем у других, — улыбается Василий и недовольно смотрит на разрезанные правые двери. — А это еще чей клинок тебя так резанул?

— Рог заколдованного динозавра. Красные эльфы.

— Красные эльфы? Это не те самые безбашенные разбойники на обходных трассах?

— Да, — я ловлю себя на том, что отвечаю на вопросы Василия монотонно, словно робот и совершенно не смотрю в его сторону.

— Слушай, Артур, ты все время какой-то мрачный. Тебя что там, на новой должности совсем не кормят?

— Нет, оболлов платят больше, чем раньше.

— Не, Артур, видно, что загибаешься, по глазам вижу. Вот, возьми, у меня лишние есть, — Василий, было, достает баночку с таблетками, но я останавливаю его.

— Не стоит.

— Ты смотри, если надо, заделюсь, не вопрос. А то, я думаю, Смерть, жмотяра, тебя эту тачку отрабатывать заставляет, — Вася кивает на мой "Додж".

— Не волнуйся, машина — подарок, — я достаю из кармана батончик и баночку с таблетками. — У меня достаточно Пищи.

— Ну, окей тогда, — пожимает плечами. — Через пару часиков забирай аппарат.

—...

Василий уже собирается уходить, но останавливается.

— Ты это... Арчи. Если что случилось, ты дай знать-то... Посидим вечером, обсудим.

— Да.

— Сам понимаешь, хоть мы и померли давно, но земляки все-таки. Нам, русским, и на том свете вместе держаться нужно.

— Да.

Не оборачиваясь, ухожу в парк. Дождаться машину. Новый автомобиль Смерть выделил мне через несколько дней после битвы. «Додж» имел более прочный каркас, выше маневренность и скорость, нежели у остальных машин Извозчиков.

Поскольку мне довелось побывать Хантером и иметь солидный боевой опыт, мне поручали осуществлять только самые сложные и опасные доставки душ. Платили мне, ясное дело, больше. Все-таки даже в мире, управляемым богами, не получилось добиться полного социального равенства, и какой-то подъем по карьерной лестнице здесь присутствует.

Противный мелкий дождик Города подлю поплеывал на улицы, постепенно мужая и роняя капли все быстрее, все тяжелее, превращаясь в стену дождя, заливавшую с ног до головы.

Я невозмутимо шагал под ее ударами, не мигая, смотря перед собой.

Я привык, что в последнее время мое окружение удивлялось тому, каким мрачным и безразличным я стал, но ведь это и есть подлинное состояние Слуги Смерти, и оно мне нравилось. Мне абсолютно все равно, и я совершенно спокоен. Белые таблетки покоя покоились на полке дома. Мне больше не нужно спать по ночам.

Эмоции? Эти пилюли лишь наполняли мое состояние вселенского покоя наслаждением.

Я просто в «Раю» ...

Я шел, не думая. С чистым разумом, не омраченным ничем более.

Ни воспоминаний, ни размышлений, ни сомнений.

Покой.

Упиваясь этим состоянием, я шел сквозь стену дождя, сам не зная куда. Полная свобода. Полное безразличие ко всему. Великолепно.

Треск! Земля резко уходит из-под ног, и я падаю куда-то в темноту. Рухнул я почти сразу, значит, здесь неглубоко. Какая-то подземная пещера?

Встаю, отряхиваюсь и осматриваюсь. Свет бьет сверху на высоте пары метров, почти полностью освещая место, в котором я очутился. Под ногами пол из гравия, выстланный старым, изгрызенным молью ковром. По бокам отполированные каменные стены с бесчисленным множеством крупных отверстий, заполненных свитками и книгами. Я в какой-то подземной библиотеке.

Судя по мерцанию обложек, их защищало от влаги и разрушения какое-то заклинание. Вскрабкаться по стеллажам в каменных глыбах не составит труда, для этого нужно несколько из них просто очистить от мусора.

И кому понадобилось запихивать сюда эту кучу бумаги? Сбрасываю со стеллажей книги и свитки, очищая полки для того, чтобы они послужили мне ступеньками, и тут моя рука, словно сама стискивает какой-то мерцающий ярче остальных свиток. Он словно прилип к моей руке. Я силой попытался скинуть его, но тем самым просто раскрыл его. Колдовство!

С пожелтевшего свитка на меня взирал ангел в черной одежде и такими же угольными крыльями.

Чуть выше изображения в воздухе подрагивала надпись:

*Слуга сил тьмы, чью душу озарит любовь
Живым из праха возродится вновь.*

Надпись как воды моря вальяжно и неспешно покачивается над свитком, а взгляд черного ангела словно живой. Наполнен какой-то бешеной энергетикой, от которой даже мне стало не по себе.

— Что за бред? — сворачиваю непонятный свиток и устремляю взор наверх. В этой яме творится что-то неладное. — СЭЭЭЭЭЭМ!

Свиток все еще держится в моих руках. Две лампочки глаз черного ангела просвечиваются с его обратной стороны, грозясь прожечь бумагу.

Стена впереди меня словно тает, превращаясь в вязкую серую массу, обретающую форму гневного оскала черепа.

— Ты... звааал... меняяяя? — прохрипела стена.

— Да, смотри.

Очертания черепа быстро утопают в стене, и та вновь становится твердой.

— Хм... впечатляет, — Смерть в своем привычном обличии веселого молодого человека появляется сзади и окидывает удивленным взглядом подземелье. — Руны Титанов, — оборачиваясь, вижу, как он разглядывает древнейшие символы на стенах. — Из-за них я все это время не видел этой кладовой. Удивительные создания Титаны. Могли обмануть саму Смерть...

— Что это? — я протягиваю Смерти свою руку, к которой намертво прилип свиток. Сэм легко отрывает его и разворачивает.

— Хмм... любопытно, — он мельком пробегаётся глазами по тексту.

Смерть, все еще не отрываясь, разглядывает покачивающиеся в воздухе слова.

— Похоже... на пророчество. Луций пытался упражняться в ясновидении.

— Луций?

Сэм настороженно прищурил глаза.

— Да, а ты разве не понял, куда провалился? Это же та самая библиотека Луция, где он хранил оставшуюся часть книг. Остальные не поместились в квартире. Мы сейчас в подвале его дома, Рабратран разнес здание во время своего гуляния по Городу.

Я поднял взгляд вверх. Капли дождя и тусклый свет лился через дыру в библиотеку. А ведь я отошел не так далеко от парка. Как раз в то место, где раньше стоял дом Луция!

— Артур. А что тебя сюда привело? — Смерть внимательно разглядывал меня, словно букашку под микроскопом.

Стены чуть слышно загудели, а затем поглотили в себя все книги и свитки. В один миг библиотека превратилась в голую подземную пещеру. Смерть убрал ее подальше.

— Сдал машину в ремонт. Шел, пока ее ремонтируют. Упал. Позвал тебя. Счел, что тебе это будет интересно, — мой ответ был спокоен, невозмутим и равнодушен. Внутри меня царила тишина сожженной дотла деревни, убитые жители которой лежали у своих домов.

— Молодец, Артур! Ты сделал все правильно, — Смерть положил в мою ладонь горсть монеток. — Иначе бы эту библиотеку мог найти кто-то другой. Нам еще один Луций не нужен.

Едва я поднял глаза, Смерть и пещера исчезли. Я стоял под дождем рядом с ямой посреди разрушенного до основания дома. Яма в считанные секунды заросла, словно ее и не было.

А образ Черного Ангела все еще колыхался у меня перед глазами...

Глава 3

— Знаешь, а ты хорошо держишься. Нечасто таких подвожу, — кокетничает не в меру счастливая Анька. Пелену дождя изредка прорезают фары черных спорткаров.

— Сейчас зарыдаю, чтобы не портить тебе статистику, — мрачно съязвил я, наблюдая как капли несутся наперегонки по лобовому стеклу.

— Да ладно, не кисни, красавчик, — она по-братски бьет меня кулачком в плечо. — У тебя вроде хорошее резюме. Ты за свои заслуги обязательно попадешь в Рай.

— На кой черт он мне нужен...

Дождь плакал по моей погибшей душе. Именно душе. Тело всего лишь последовало за ней...

Ангелы врут. Все их сладкие песни о любви, что я буду слышать в райских кущах, не подарят ничего, кроме боли. Их голоса будут ядовитыми лезвиями вонзаться в мое сердце. Каждая улыбка счастливых людей там станет напоминанием о крахе.

Краха всего того, во что я верил. Краха всего того, ради чего я готов был отдать жизнь. Краха того, что я любил...

К черту! Похоже, я слишком много думал. Я слишком сильно уверовал во все эти сказки о любви, о вечных и светлых чувствах, что поднимают нас к небесам и наполняют счастьем каждую клеточку тела. Бред. Весь этот чертов бред, выдуманный классиками, романтиками изжитой эпохи. Он потерпел такое же громкое крушение с реальностью, как мой автомобиль со столбом. Любовь лишь одурманила меня, окрылила и подняла над землей, но с одной единственной целью: сильнее шмякнуть меня вниз.

Сжимаю кулаки. Чувствую их, будто еще жив.

У меня было достаточно жизненного опыта, чтобы понять, как сильно я ошибся, а не валяться в собственных слезах посреди дороги. Как я мог так оступиться? Как юнец потерял голову и сделал Ее всем, поставил всю свою жизнь, все свои силы и устремления на эти чувства, чтобы разом все рухнуло. Так грязно и так глупо.

Рай станет для меня утешением только если он — это яма животного удовольствия без воспоминаний и терзаний, заполненный вечным кайфом и дурманом. Иначе мне там нечего делать. Мне нигде уже нет места. Все рухнуло. Все мои идеалы, мечты и чувства.

— Артур, ты бы ну..., — Извозчища изобразила беспокойство. — Такие упаднические настроения прекратил. После смерти спокойным нужно быть, а не угнетать себя. Тела больше нет, гормонов, которые могли бы регулировать твоё состояние тоже. Войдешь в депрессию или ярость — вернуться будет проблематично.

— Я спокоен.

— Отлично, — девушка провернула ключ зажигания. Мотор "Ауди" послушно заурчал под капотом. Звук, будто погладили сонного ручного тигра. — Если тебе нужно с кем-то попрощаться скажи: я привезу тебя, а потом мы поедем на тот свет. Мы всегда даем возможность попрощаться.

— Не нужно.

— Уверен? Другого шанса больше никогда не будет.

— Езжай!

Красотка пожала плечами и послушно тронулась. Загробная машина стремительно набирала ход, устремляясь в светлый тоннель посреди улицы. В мой последний путь.

— И все-таки: что заставило такого богача и красавчика как ты стать вдруг благодетелем и борцом за справедливость? — улыбнулась она, оценивающе поглядывая на меня.

— То, из-за чего я очутился здесь.

Я решил потратить горстку монет в чудом уцелевшей кафешке рядом со Зданием Суда. Таблеток у меня все равно хватало. Проклятый алкогольный напиток с глазом русалки на дне стакана пах карамелью. Бордовое пламя неспешно стелилось у граней.

Я неспешно пил его из соломки, чувствуя согревающее наслаждение. Окружающая серая действительность окрашивалась в красноватые и желтые тона, и с каждым глотком ее очертания становились все более вязкими и плавными.

— Я уже... Устала искать тебя по Городу! — слышу восторженный девичий крик. Рядом садится блондинка и торопливо целует в щеку. — Ты не выходил на связь со мной после той ночи, дома тоже я тебя не нашла!

Ее яркие, как неоновые лампы, глаза блестят будто вывески ночных клубов. Синтетической, искусственной радостью. Фраза, что говорит Анька, по идее должна выражать беспокойство, но говорит она с такой улыбкой и восторгом, словно не найти меня, это ее сокровенное желание.

— Я тоже рад тебя видеть, — дежурно отвечаю, не сильно фокусируя взгляд на собеседнице, что внезапно ворвалась в уют моего одиночества. — У меня была работа.

— Не ври мне, Арчи, — она захихикала, будто насмехаясь. — Может, ты просто избегаешь меня? — Анька под действием Пищи слишком уж откровенно строила глазки. Выглядит это так гротескно, словно бездарная актриса пытается сыграть женщину—вампа.

— Нет.

— Тебя что-то гложет, Артур? — она гладит меня по руке, поднимаясь все выше, по плечам, к шее, щеке. — Ты так странно общаешься.

Смешок. Отставляю ее руку. Не лучший момент ты, подруга, выбрала, чтобы пожалеть меня. Ее идиотский смех в разговоре создает впечатление, будто она смеется над якобы моими проблемами.

Я не обижаюсь. Потому что никаких проблем у меня нет, и даже если бы она смеялась надо мной, меня бы это тоже не тронуло.

Просто хочется, чтобы она ушла.

— Со мной все в порядке.

— Может, ты чего-то еще вспомнил? — продолжает она. Я заметил, что под действием эмоций восторга, большинство людей становятся избыточно настойчивы. — И это не дает тебе покоя. Что-то... ахаха... что связано с твоей жизнью?

— Возможно вспоминал, но после боя с Луцием уже совсем ничего не помню, — честно ответил я, отстраняя бокал. — И чувствую мало. Может, сильный выброс энергии. Не знаю. Какая разница, что было в прошлой жизни?

Иногда я пытался что-то вспомнить, даже делал волевые усилия для этого, но они лишь отзывались острой болью в голове и смутными разорванными образами. Очень скоро я бросил эту затею. Толку от нее никакого, а мне и в своем беспамятстве комфортно.

Анька взяла в руки меню, но не спешила заказывать. Она с любопытством ученого, увидевшего редкую бабочку, рассматривала меня. Я же не отрывался от коктейля.

Вдруг я краем глаза заметил, что в кафе резво зашел новый посетитель. Увидев нас, он спешно подбежал к столику и плюхнулся слева от меня.

— Чувак! — с более оглушительным восторгом, чем у Аньки обратился вошедший. Его выкрик похож на резкий писк комара астрономических размеров. Внешнемолодой парень. Сколько лет ему на самом деле — черт разберет. — Здравова! — он хлопнул меня по спине и протянул руку, не снимая кожаную перчатку. — Я искал тебя с самой Битвы за Город!

Еще один. И тоже под эмоциями. Серые глаза таращатся из орбит, упитанные червяки пухлых губ растянулись, являя улыбку дебила. Нейтрально дополняют его образ русые прилизанные волосы и узкий подбородок. Знакомое лицо.

— Здравова, — сухо отзеркалил его приветствие.

— Чувак, я тебя уже очень давно ищу. Я обязан с тобой срочно поговорить. Чувааак! Ты не поверишь — это такая честь для меня! — крикнул он в приступе экзальтации.

С минуту я изучал парня взглядом, пытаюсь вспомнить, кто этот псих. Эта улыбка, похожая на оскал Чеширского кота, выпученные глаза шизофреника и эта нервная манера говорить.

— Майкл?

— Да, Артур!!!

Я осторожно пожимаю его до сих пор протянутую, застывшую как у манекена руку. Он вцепляется в нее своей, как питбуль в кусок мраморной говядины, и радостно трясет.

— Успокойся, — вынимаю свою руку и чуть отстраняю Майкла. — Почему ты счастливый?

— Я? Я только сегодня такой! А завтра не знаю. У меня вообще нет завтра. Я живу здесь и сейчас. В конкретный. Гребаный. Момент. Времени! И тут я счастлив, что наконец-то встретил тебя! — он снова хлопает меня по плечу. — Ты понимаешь, чувак? Понимаешь?!

— Артур, — встряла в диалог Анька. Я поворачиваю глаза в ее сторону. Она хоть и навеселе, но выглядит куда более вменяемой, чем засранец слева. — Кто... этот мальчик?

— Мальчик?! — возмущенно вскрикнул Майкл, словно Анька заявила о распутной жизни его матери, наклонился через стойку, за которой я сидел и уставился на девушку. — Да чтоб мою задницу в гробу черти драли! Вот это буфера! — его гнев сменился на милость, едва он внимательней разглядел Аньку, одетую в деловую блузку. Несколько пуговиц сверху расстегнуты, демонстрируя соблазнительный вид на ее грудь. — Детка, будь у меня сейчас с собой красная таблетка, ты бы сутками стонала на весь этот загаженный город о том, какой я мужчина!

— Да? — искренне засмеялась Анька. — Боюсь, что твои сутки вряд ли делятся больше десяти секунд.

Темнокожий мужчина на баре, чья кожа после смерти приобрела смурый оттенок, скрипуче засмеялся.

— Что???! — Майкл вновь изменился в лице. Его гримаса быстро трансформировалась из восхищения в испепеляющую ненависть. Такая резкая перемена настроения говорила лишь об одном: он долго голодал по эмоциям, а потом хапнул их от души. Всех цветов и эффектов. — Да ты хоть знаешь, сколько я таких как ты на своем агрегате прокатал! — я чувствую, как он уперся грудью мне в плечо, словно старался достать до Аньки. — И я знаю, что это ты сейчас строишь из себя недотрогу, куколка, но стоит нам остаться один на один, как ты возьмешь у меня по самые гланды! — он в приступе злобы ткнул себя ладонью в горло.

Анька смеялась. Похоже, возможность с кем-то поскандальить ее раззадорила. Я почувствовал уже, как ее упругая грудь упирается мне в правое плечо.

— Судя по тому, как брызжешь слюной, у тебя ни то, что до гланд, до зубов-то едва достанет, — она уже почти наклонилась к нему через мою руку. — Наверняка для тебя было неприятным сюрпризом, что после жизни тела не меняют своей формы, и ты на тот свет унес своей микроскопический пенис, — она жестом показала расстояние между большим и указательным пальцем размером не больше бутылочной крышки.

— Пойдем ко мне домой, крошка, — он лихо переобулся и вместо топорных тирад начал кокетливо ей подмигивать. — Там ты поймешь, что моего жеребца тебе и в двух руках не удержать. Ты испытаешь такое....

— Я здесь, — напомнил этим двоим, когда они уже чуть ли не повисли у меня на руках. Давление их тел мне на плечи ослабло.

— Мы еще договорим с тобой, Артур, — она демонстративно наклонилась ко мне и поцеловала холодными губами. — Не забывай про меня!

И, смеясь, ушла. Майкл провожал ее взглядом.

Когда дверь закрылась, он резко приобнял меня:

— Блин, чувак, прости, я не думал, что ты ее пользуешь. Пойми, я-то еще похотливое животное, но на девушку друга я никогда не посмотрю! Ни-ни, даже не подумаю об этом, зуб тебе даю, Артур, руку на отсечение.

— Она не моя девушка, — я сделал еще один глоток. Серокожий бармен, протирая бокалы, продолжал с застывшей улыбкой пялиться на нас. Видно, егоизрядно позабавил диалог Аньки и Майкла. — Хочешь — забирай.

— Я всегда знал, что ты великодушен! Такой герой, как ты, не может быть жмотярой! — он ткнул кулаком в плечо, продолжая лыбиться. — А с телками надо жестко, согласен? — он обратился к бармену и тот механически закивал, не меняя выражения лица. — Ведь это же эволюция, чувак. Да ты и сам лучше меня все понимаешь. Ты видел, какая у нее задница? Видел, какие у нее сиськи? Да она в натуре Памела Андерсон! Помнишь такую? А... Ну да. О живых тут быстро забывают. Ну так вот, ты же знаешь, к ней полно, кто клеится. Ну, в смысле, к этой красоте... Как ее?

— Анна.

— Ммм, Анна, знавал я парочку таких, они любят пожестче как раз. Ну так вот. Ей, Анне, как самке, пусть и мертвой, просто физически не хватит ресурса ублажить всех. И как же она будет отсеивать, кому давать, кому нет? Элементарно! Она даст самому сильному мужчине. Самому наглому, напористому. Но как она поймет, кто сильнее?

— Врезать ей! — засмеявшись выдал бармен.

— Да, чувак, неплохая идея. Врезать хорошенько! — он наклонился через стойку и пожал пухлую руку бармена. — Артур, как ты считаешь, можно ли бить женщину?

— Мне все равно.

— Значит, ты еще джентльмен, ты еще веришь во всю эту рыцарскую хрень. Я тебе так скажу: знаешь, почему мир женщин такой подлый, вшивый, все они улыбаются друг дружке,

а за спиной строят козни? — его лицо выражало неподдельное отвращение, словно перед ним материализовалась тарелка со свежим дерьмом.

— Почему? — я обнаружил, что допил проклятый напиток, и попросил себе добавки, а Майклу условный "американо", в компоненте которого было множество таблеток умиротворения. По-другому я не знал, как можно заткнуть незваного гостя.

— Потому что в нашей, правильной, мужской среде мужики за косяки бьют друг другу морды. Они лишний раз подумают, прежде чем сморозить какую-то чушь, потому что можно спокойно отхватить по ебальнику. У баб так не принято, они не стоят лицом к лицу и не разбивают носы. Поэтому, чувак, они учатся решать проблемы подлостью, хитростью, ударами в спину. Понимаешь, да?

Бармен за обол сверху сделал кофе в два раза быстрее и подал передо мной. Отодвигаю Майклу.

— Угощайся.

— О, спасибо, чувак, ты просто ангел, твою мать! — он жадно отпил глоток. Наркоман, однозначно. Или, как у нас говорят, emotionman, человек, который употребляет эмоции вза-хлеб для ловли галлюцинаций. — А сколько наглости баб от безнаказанности! Вот хрен бы эта курица мне сейчас так хамила, если бы знала, что я могу ей в челюсть прописать. Телки вели бы себя куда лучше с парнями, зная, что могут огрести хорошенько... — он отпил еще один большой глоток, и прервал публичный акт словесного онанизма. Его лицо начало принимать безмятежное выражение. Таким я его начал узнавать больше. — Хорошо-то как, что я тебя встретил, Артур! — добавил он с усталым восхищением.

— Зачем ты меня искал?

Он будто обиделся на этот вопрос.

— Чувак, ты же мой друг. Как я мог тебя бросить одного в этом унылом городишке? Тем более, я слышал, как ты один остановил вторжение в Город! Одной пулей убил Луция! — он показал жестом, словно стрелял из невидимого пистолета.

Я даже не утруждаюсь рассуждать, откуда он знает о событиях в Здании Суда. Да и официально нигде не упоминалось про Луция.

Мир Мертвых слухами полнится.

— Я не был со всеми Слугами, когда их как скот загнали в коробки, я сражался наравне со всеми! — он браво ударил себя в грудь, но походу он гонит. На защиту Города отправляли только Надзирателей и Хантеров. — А ты герой, чувак, герой, ты один отстоял весь этот сраный городишко! — он снова вцепился схватил мою правую руку и начал трясти.

— Майкл, прекрати, — отталкиваю его. Похоже, внезапная бравада открыла у него второе дыхание, и его снова пробило трепаться. — И вообще завязывай с этим, emotion—man. Ведешь себя как психопат.

— Братан, как же ты еще после Голландца не понял? Вечную жизнь нужно жить на полную катушку, брать от нее все! Как можно полноценно кайфовать, кушая по крошке ежедневно? — его безумные глаза грозились вылезти из орбит, а улыбка постоянно трансформировалась в разные уродливые гримасы.

— Извиняй, дружище, я и тебя-то с трудом помню, не говоря уж о том, чему ты меня учил на корабле.

"Блоки памяти" моей головы прогружались, распаковывая папку с файлами, где содержались подробности об этом персонаже.

Майкл Тлэйт.

Американец.

С ним я познакомился на борту Летучего Голландца после Страшного Суда. На жуткой посудине, где будущему Извозчику нужно невыносимым трудом отработать свою машину.

— Ерунда, вспомнишь, — он махнул в мою сторону рукой. — Допивай свою бодягу и пошли ко мне. Я тут научился слеплять таблетки радости, восторга и энтузиазма и добавил один секретный ингредиент. Это такая тема! Я тебе обещаю, тебя вштырит так, что ты, мать твою, вспомнишь, не только всю свою жизнь, но и свои прошлые, и мои тоже. И даже этого нигера! Как тебя зовут? — он обратился к бармену. Тот, ничуть не обидевшись внезапному проявлению расизма, прохихотал: "Джим". — Ты вспомнишь даже как звали маму Джима! И о чем она думала, засовывая руку в трусики по ночам, — Майкл ехидно усмехнулся, а Джим продолжал хохотать, обнажая крупные зубы, похожие на потертые агаты. Видать, он целую горсть таблеток радости проглотил. — Тебе весь мир откроется, чувак, верь мне, и я тебе проведу в такие глубины Вселенной, где даже наш Бог не бывал!

— Нет. В ночь мне необходимо на выезд.

— Какой выезд ночью?! — Майкл возмущился и хлопнул меня по плечу. — Кончай уже! Старые друзья встретились, наконец! Мы обязаны отметить это. И никаких "но".

Просто так от него не избавиться, придется пойти на небольшой компромисс.

— Ладно, только недолго, — конечно, мне хотелось заказать еще один коктейль, и чтобы незванный гость растворился с окружающей реальностью. Он мешал моему комфортному одиночеству.

Вспомнив, что Майкл обожает много болтать ни о чем, я понял, как можно не участвовать в диалоге с ним и предоставить его самому себе.

Задав ему вопрос.

— Что было после того, как ты покинул Голландец?

— Мне дали, наконец, новую тачку. Такую, с кошкой на эмблеме...

— Ягуар?

— Да! В общем, машина-зверь. Не то, что до нее были. Я столько чудовищ мочил на ней и вообще каждый выезд как блокбастер. Все твари стреляют, преследуют, никто догнать не может. А у меня такой случай был. Я... — он болтал, кривлялся, сочиняя на ходу увлекательные и бредовые истории о своих подвигах, а я смотрел сквозь него и кивал. Чувство покоя и умиротворения снова нахлынуло на меня, а бубнящий Майкл остался статической фигурой, частью интерьера.

Не думать... Не помнить... Блаженство.

Такое, будто я никогда не переживал Страшный Суд.

Они ждали своего часа здесь. В тесноте и темноте, словно кильки в бочке. Тысячи людей. И столько вопросов, страхов и попыток выйти из толпы. Надзиратели мерными ударами дубинок и плетей подавляли любое восстание напуганной человеческой массы.

Темное помещение постоянно мигало. Огромная овальная дверь то открывалась, обдавая немыслимую комнату светом, то вновь закрываясь.

В момент, пока два Надзирателя, распахивали ее, я успевал увидеть, как много народу скопилось в этом помещении. Бесконечная гудящая толпа...

Дверь впереди открывалась, и в нее заталкивали очередного человека. Где-то далеко позади скрипела еще одна, через которую в комнату прибывали новые люди.

С каждым открытием—закрытием, нашу процессию подгоняли плети к той двери, за которой люди исчезали и больше не возвращались. В первую...

Настала моя очередь.

Я смело подошел к воротам в неизвестность без убедительной помощи Надзирателей. Они лишь распахнули их предо мной.

Ужас. Невыносимый ужас обрушился на меня внезапно, словно цунами, едва Зал ожидания остался позади.

Я сразу понял, что попал на Страшный Суд. Страшный во всех смыслах. Нечеловеческой силы страх зажал меня в тиски со всех сторон, не давая шелохнуться.

Меня окружили две стены: одна из великанов—ангелов, гордых идолов в белых одеждах. Ангелы. Адвокаты.

У другой пылали существа с чертами людей и животных.

Демоны. Обвинители.

В купол Здания Суда блондинистой головой упирается небоскреб тела Фемиды. Я вдвое меньше ногтя на мизинце этой ожившей горы. Под ее вытянутой рукой позвякивают два футбольных поля (чаши весов). Карающий меч Правосудия, клинком которого можно резать на части улицы, крепко сжат во второй руке.

Вокруг источают силу живые громадины, а я в их окружении подобен букашке перед препарированием.

Вместо скальпеля разрезать меня спустилась фиолетовая женщина с перепончатыми крыльями. «Она прямо порнокарриатура» — первое, что пришло в голову, едва ее обнаженное тело возникло передо мной.

Сочные арбузы ее упругих грудей затвердевшими черными сосками чуть не упираются мне в лицо, узкая талия с чуть заметными кубиками пресса плавно переходит в ее широченный таз и мощные гладкие ноги. Темные волоски дорожкой тянулись от ее истекающих гениталий.

Взгляд красных глаз хищно смотрел на меня как на добычу. Острые зубы из-под крупных алых губ расплылись в развратной улыбке.

За красотой и сексуальностью фиолетовой девушки с черно—синими волосами я едва успел заметить ее когтистую руку, по локоть залитую в крови.

Она легким движением вонзилась ножами своих ногтей в мою грудь и без труда вырвала сердце. Вспышка острой боли пронзила меня с головы до ног. Истекая кровью, я рухнул на пол от бессилия, а довольная демонница воспарила ввысь, к Чаше Весов Фемиды.

Лишь сейчас я заметил, что пол напрочь замызган кровью. Свежие красные лужи сегодняшних мертвецов разливались поверх слоев миллиардов предыдущих осужденных.

Да будет Суд...

На одной чаше — мое сердце, на второй — сердце Смерти. Если мое поднимется выше его — я попаду в Рай, если нет, гореть мне в Аду. Это мне по дороге рассказала Извозчица.

Задыхаясь, я взираю на Чаши. Они чуть подрагивают в свете роя свечей, но все еще стоят на одном уровне. Я лежу, не дыша и не двигаясь, наблюдая за их равновесием. Кажется, что проходит вечность, мучительно тянутся часы, дни, недели, пока Весы лишь легонько покачиваются, и ни одна из чаш не желает опуститься.

Стены Ангелов и демонов разразились каркающими, гремящими как камнепад голосами. Их лица угрожающе гримасничали, ноги топали, а руки то и дело тянулись к оружию. Они спорили, но их доводов нельзя было расслышать. Их дебаты словно ускорили в тысячи раз. Силы добра и зла срывали голоса, обильно жестикулировали, показывали какие-то письмена с... картинками из моей жизни?! И никто из них не желал уступить.

Сверху плавно спустилось несколько людей в черных одеждах. Они своим свистящим и хрипящим шепотом в считанные секунды осадил всех участников спора. В зале повисло гробовое молчание.

Затем с потолка скользнула черная птица.

Она была намного меньше присутствующих в Зале Суда существ, но тьма от ее крыльев заполняла пространство, словно пузырек чернил вылили в стакан воды.

— Ниннашиши, — прохрипела темнота, обретая очертания колоссального белого черепа.

Сквозь тьму крыльев Смерти отважно прорывается гипертрофированно—сексуальная демонница и непринужденно запихивает мое сердце обратно в грудь.

— *Что?! Что все это значит?! Ответьте!* — кричу участникам процесса. — *Куда я попал?!*

Два возникших из неоткуда Надзирателя хватают меня под руки и уводят прочь. Я продолжаю кричать, но никто из Судей не оборачивается. В Зал заводят новую душу. Процесс повторяется.

Мы идем с Майклом вдоль края плато. Волны сурово обдают его черной ледяной водой. Редкие корабли покачиваются на них, у скал спешно отстраиваются новые. Ненавистный великан Голландец все еще «зализывает» свои раны после битвы.

— Артур, а тебе реально повезло, что ты его не помнишь, — Майкл стал чуть серьезным, видя эту грозную уродливую, как старый покалеченный пират посудину.

— Очень смутно. Только то, что там было хреново.

Несколько чаек заклекотали над нами. Выстрел. Одна из них падает. Шкипер на высоком вороньем гнезде Голландца опять отстреливал птиц.

— Чуваак! Да я тебе все расскажу! — у Майкла снова случился приступ сумасшедшего восторга. Даже по меркам Города Суда, где все люди поголовно наркоманы, он казался совсем уж неменяемым. — На этом проклятом корабле мы с тобой вместе добывали себе пропитание, урывали кусочки, чтобы не скопытиться от депрессии. Даже разок воровали у Надзирателей, если ты помнишь. Ах да, ты и тогда ничего особо не помнил. У тебя амнезия постоянная. При жизни страдал, что ли?

— Не знаю, — сухо бросил я Майклу.

Я увидел, как ниточки, на которых держалась его улыбка, резко оборвались, взгляд стал серьезным и напряженным. Он презрительно обернулся по сторонам и, фыркнув, ускорил шаг. Происходящее вокруг раздражало его:

— Погнали ко мне домой! Мне срочно надо закинуться!

Быстрым шагом поворачиваем налево, минуем квартал старых домов, похожих на католические храмы и оказываемся у небоскреба. Его половина неровно срублена, в небо смотрят кривые куски арматуры и железа. Видимо, Рабратран неосторожно снес дом хвостом.

— О дааааа, — Майкл расплывается в улыбке и падает на кровать, когда дрожащей рукой отправляет себе в рот горсть порошка.

В комнате бардак: на столе несколько упаковок от леденцов и таблеток. Сами таблетки растолчены до порошка и тонким слоем размазаны по столу. Рядом валяются рваные газеты «DeathDaily»: часть из них скручена в сигары и набита толчеными таблетками. У кровати дощечки с нарисованными геометрическими фигурами. — Это офигенноооооо...

Пока Майкл пребывает в экстазе от гремучей смеси эмоций, я как статуя замираю у окна. Видно небо. На горизонте красные и золотые облака смешиваются друг с другом в Зоне Войны.

— Давно этим занимаешься? — не отрывая взгляда от горизонта, бросаю Майклу.

— Дрянь?! — он вскакивает с возмущенным лицом, а затем снова отращивает лыбу до ушей. — Чувак, ты ничего не смыслишь в вечной жизни. Посмотри, какая у тебя кислая рожа, и как счастлив я. Я свободен!

— У тебя страшные ломки, когда у тебя кончаются таблетки. А той смеси, что ты делаешь из эмоций, надолго не хватает. Ты больше мучаешься, чем кайфуешь.

— Плевать! Это стоит того! Чуть-чуть помучаюсь, а потом такой кайф, что башню сносит. Он заливается наигранным смехом, высоко запрокинув голову.

— Чувак, я никогда не жил так полно, как сейчас. Пойми, по большей части моя жизнь была похожа на работу Извозчика. Только дороги, по которым я ездил, были изсинтетических наркотиков, а заканчивались в женской промежности. А нев Аду, к примеру. А сейчас...

— Также?

— Почти, но куда круче. Пойми, в Мире Мертвых ништяков для человека куда больше, чем в хрупкой человеческой оболочке. Вот чего стоят одни эти таблетки эмоций! Ммммм, — он аж простонал. — Они не сравнятся ни с какими другими веществами в Мире Живых! Ты пойми, от таблеток эмоций нет похмелья, нет побочных, нет бэд-трипов, нет передоза. Они не вредят даже нервной системе, черт подери!

"По тебе и видно", — подумал про себя.

— И к тому же полный легалайз, правительство за них не сажает, не стоит забывать об этом!

— Здесь другие запреты.

— Пойми, чувак, со здешней аптекой не сравнится никакая земная дурь. Все так продумано и удобно! Допустим, я чисто захотел поугарать, взял таблетку и не у барыги, а в магазине, как цивилизованный гражданин. И я знаю, что от нее получу поистине божественную радость. Нирвану — и только, никаких сюрпризов вдогонку! Какой эффект захотел — такой и получил. Здесь хорошие вещества. Они... Справедливые, что ли? Справедливые, да!

— Твое дело.

— Единственный минус — в Городе Суда совершенно нет психоделики. Ну вот наркотики для тупых у них только, ограниченный рынок! — заключил Майкл. — Одни эйфоретики да стимуляторы. А для расширения сознания ничего нет. Но... — он вытягивает спину и гордо показывает на стол, где располагается его жалкая нарколаборатория. — Чувак, ты же понимаешь, что Я — гений, — добавил он с неподдельной любовью к себе. — Важно лишь правильно соблюсти процентное соотношение и дозировку, и можно совершенно просто синтезировать любой мир для себя, — он провел руками по воздуху, словно описывая ими форму глобуса. — Уверен, Бог, сотворяя Землю, думал, как я.

— Ты горишь себя.

— Артур, не начинай! — Майкл снова положил мне руку на плечо. — Посмотри, кем ты стал. Ты как горгулья на Здании Суда. А все потому, что варишься среди этих трупиков. А посмотри на меня! Я жив, мне все в радость, это настоящая жизнь!

— Что есть настоящая жизнь?

Он посмотрел на меня как на дурака.

— Вечный кайф, чувак! Вечные приключения! — он подошел ко мне, заглянул в глаза и скривил кислую мину: — Я тебе совсем ничего не смогу объяснить, ты оброс скорлупой. Надо тебе ее срочно разбивать. Давай вместе тусить, и ты поймешь, о чем я.

— Спасибо, — убираю его руку с плеча. — Мне это ни к чему.

Майкл насупился. Ему не понять, насколько мне комфортно в покое и безмятежности, что я обрел.

— Нет, чувак, — он отстраняется от меня. — С тобой явно что-то не то. Ты вообще общался с Луцием перед тем, как сокрушил его?

— Да.

— И ты ничему у него не научился?

— Чему?

— Черт возьми! — Майкл бежит глазами по комнате, затем находит самокрутку с порошком из эмоций, завернутый в газету и поджигает самодельной зажигалкой. Нервно затянувшись, он начинает истерически расхаживать от кровати до стола. — Этот человек чуть не перевернул весь мировой порядок. Разнес на куски Город Суда и знаешь для чего? Ведь знаешь!

— Нет, я смутно помню.

— А я знаю! Чтобы такие как ты отведали настоящую жизнь! Конечно, чувак, ты крут, что его завалил, но Луций все равно герой!

— Не стоит так говорить, — останавливаю его пламенную речь. — За доносы теперь платят.

— Да мне плевать! Я все равно буду жить, так, как я хочу! — Майкл замолкает и делает еще несколько нервных затяжек. С каждой такой его импровизированный косяк сгорает на четверть.

— Спрячь рисунки, — киваю на дощечки с нарисованными краской геометрическими фигурами у его кровати. Эдакий абстракционизм. — Творчество запрещено.

— Ты ведь не сдашь меня? — Майкл затянулся так, что пламя почти дошло до его пальцев, вновь расплылся в улыбке и чуть пошатнулся.

— Нет, мне все равно, что ты тут делаешь.

А Майкл как-то резко отвел от меня прожигающий восторгом своих речей взгляд. Он пошатнулся, а глаза закатились. Поплыл парень.

— Зак-куррри тоже, — протягивает мне косяк.

— Не стоит.

— Нуу блиииин, просто пооообро-буй, — Майкл осел на кровать. — Ни одна эмоция так не торкает, отвечаю!

Соглашаюсь, лишь бы отвалил. Все равно в этом косяке только Пицца, которую я употребляю регулярно и ничего больше. Только смешано.

Осторожно беру самокрутку и неспешно закуриваю. Твою ж мать! Закашливаюсь, в голову разъяренным поездом влетает хренова туча переживаний: радость, страх, горе, счастье, спокойствие, уверенность в себе, комната расплывается и окрашивается одновременно во все цвета сразу, беспорядочно смешиваясь и переходя друг в друга. Стены пульсируют словно дышат, а слова, которые я вижу на обрывках газет развеваются, словно флаг под порывами ветра.

— Что ты мне дал?! — голова закружилась, и я рухнул рядом на кровати.

— Ничего, сейчас пройдет, — усмехается Майкл. — С первого раза и у меня так было.

Головная боль, треск в голове от диссонанса противоречивых переживаний вскоре утихли, и небывалая волна блаженства накрыла меня.

Серые тона комнаты стали ярко-фиолетовыми, а лицо Майкла теряло очертания. Казалось, что с него слезает кожа и проглядывает оскал черепа...

И снова эта мимолетная тень чего-то из прошлого...

— Скоро тебя будет не узнать, — хрипло заверил полусгнивший труп. Его костлявые пальцы, сжимающие весло, едва держались на сухожилиях. Сквозь обноски одежды, через редкие лоскутки кожи, проглядывали желтые ребра, за которыми билось полусгнившее черное сердце.

Гниение не коснулось лишь шариков его серых глаз, грозящихся выпасть из черепа.

Такой же сгнивший труп рядом узнал меня и уже успел изумиться, как такой благодетель очутился в этой дыре. Видимо, этот тип умер недавно, если при жизни знал, кто я.

— Я стану такой же мумией, как и остальные?

— Именно, твое тело осталось на Земле, ты здесь просто материальная душа, — отвечает сероглазый собеседник. — И твой облик зависит от эмоций, которые ты получаешь. Эмоции ты можешь получать только из Пиццы, без нее ты становишься подобием сгнившего трупа. Как мы.

В отсеке закрепили половицы. С палубы во тьму к измученным душам спускался Надзиратель. Мешок в его руке заставил несчастных гребцов, чьи тела стали похожи на облезлые скелеты, броситься к нему навстречу. Однако тяжелые удары кнутом отбросили их назад.

Надзиратель неспешно развязал мешок и высыпал его содержимое. Десятки голодных оборванцев бросились к рассыпанным таблеткам и леденцам. Мертвецы жадно хватали Пиццу, вгрызались друг другу в глотки из-за нее, вырывали изо рта у тех, кто уже успел

заглотить. Мой собеседник тоже бросился в эту кучу и несколькими ударами самодельного кастета добыл себе маленькую горстку эмоций.

— Возьми, — отсыпает мне в руку несколько разноцветных таблеток. — В следующий раз будешь делиться со мной, если успеешь урвать.

— Спасибо, — не зная, зачем мне эти сладости, кладу их в карман разорванных брюк.

— Тех ошметков, что нам кидают, хватит лишь на то, чтобы окончательно не скиснуть. Через месяц ты будешь выглядеть как все на этом корабле.

Матросы, выглядевшие так, словно их убили и через месяц выкопали из могилы, дико хохоча, возвращались к веслам.

— Майкл, — собеседник протягивает обглоданную руку.

— Артур, — пожимаю в ответ. — Откуда ты знаешь про все?

Майкл закинулся таблетками и начал преображаться на глазах. В измученных глазах загорелся огонек и несколько мышечных волокон появились на его сгнившем лице и теле. Обретя жалкое подобие человеческой внешности, он криво улыбнулся:

— Я уже не в первый раз на этой посудине. Ухитрился сдохнуть в этом мире.

— Мы ведь уже умерли... Как мы можем еще раз умереть?

— Хех. Здесь физическая смерть немного другая. Ты полностью теряешь энергию при летальном повреждении. Валяешься в ауте, пока тебя не подберут и не притащат в Госпиталь, — Майкл закидывается еще одной таблеткой и обрастает порцией капилляров. — Я — Извозчик души, я развожу души. Чтобы снова вернуться в строй, я должен был полгода проваляться в Госпитале, пока мою душу восстановят, а затем еще полгода горбатиться здесь, чтобы заработать на новую машину. Тупорылая система!

— Через полгода я тоже получу машину?

— Ну, если ты сейчас торчишь на Голландце матросом, значит, ты будущий Извозчик, хаха! Это очевидно. Тебя определили.

Я замолкаю. За окном шумят волны, обдавая наш отсек ледяной водой. Сквозь вой слышны стоны души из трюма. Их везут в Ад. На востоке светлое зарево, куда отправляются красивые и стройные корабли. Рай.

Только мне нигде нет места...

Свист плети проносится совсем близко. Надзиратели забивают тех, кто, как им кажется, слабо гребет.

— Возьми весло, — сквозь зубы шепчет Майкл. — Тебе всыпят!

— Что?!

Мощный обжигающий удар плети ложится на плечи, чуть не сбивая с ног. Приходится работать веслом.

— Проклятье! Почему я не попал ни в Ад, ни в Рай?!

— Ахахаха, у всех новеньких Слуг такой вопрос, — Майкл впрягся в весло. — Лично я брал от жизни все. В Раю оказался не нужен и для Ада недостаточно зол... Правда, я грешил направо и налево. А ты кем при жизни был?

Я замялся с ответом. После Суда со мной что-то произошло. Какая-то крупномасштабная амнезия. Я словно все помнил, но не помнил, что именно. Ощущение, будто только проснулся и примерно, очень смутно понимаешь, что тебе снилось.

— Гребииши! — испуганно визжит мне мертвец справа.

Рядом с нами уже заносит свою стальную плеть Надзиратель.

Готовлюсь уклоняться от страшного удара внушительной цепью, которая с легкостью бы переломала живому человеку все кости, как вдруг меня и нескольких гребцов с грохотом бросает в кучу на пол. Нас накрывает щепками и обшивкой корабля, весло надломанным шестом втыкается спереди. Громила Надзиратель грузно валится на зад. В воздухе запахло порохом и горелым деревом.

Только приподнимаюсь, как что-то тяжелое со свистом прошибает борт корабля и сносит еще одну группу гребцов, втыкая их бесформенными тушами в развороченные стены. Затем раздается еще два оглушительных взрыва, и я снова падаю на пол, закрыв голову руками от осколков.

— Орки! — вопит кто-то на верхнем ярусе. — К оружию!

На верхних палубах слышна возня, матросы готовят пушки к бою. Сквозь обширные дыры в корпусе видно, как три орочных фрегата уверенно плывут в сторону Голландца.

— Огонь!

Канонада из пушечных залпов раздается с оружейной палубы...

— Ну как ты? В порядке? — я вижу улыбающееся лицо Майкла. На душе легко, настроение приподнятое и бодрое. Реальность вокруг нечеткая, цвета постоянно меняются с голубого на зеленоватый и розовый.

— В полном! — кажется, что мое лицо сейчас треснет от неестественно широкой улыбки. Она натягивалась сама собой, словно лилипуты воткнули в лицо Гулливера гарпуны и изо всех сил тянут веревки, растягивая мышцы лица.

Радоваться хотелось всему: и разбросанным кускам газет, и непонятным рисункам Майкла, и насекомым, что мерещились на потолке. Все вызывало порсячую радость и блаженство.

— Ну вот, чувак! Это совсем другое дело! Гляди, повеселел-то как! — Майкл радостно хлопает меня по плечу, делает еще одну затяжку и, заливаясь смехом, валится на кровать. — Охереть сегодня торкнуло! Правильно я умиление добавил в формулу.

— Это действительно хорошее состояние! — я, восхищенный, зашагал по комнате как тигр в вольере. — Столько... Не знаю, чего! — я крепко обнял радостного Майкла. — Это хорошо!

— Братан, но я же херни не посоветую, — гордый за себя, говорит Майкл. — Только ты имей в виду, такая дурь стоит недешево. Бабки нужны, у тебя есть?

— Конечно, конечно, дружище! — одурманенный, высыпаю ему в руку горсть оболгов от Смерти.

— О! Круто! — изумляется он. — А ты часто такие бабки получаешь?

— Сегодня получил премию получил от Смерти, библиотеку Луция накрыл! Ахах. В целом, получаю больше обычных Извозчиков. Хочешь на эту должность?

— Даааа! Чувааак, мы с тобой столько дури наделаем! Можно даже притон тут устроить!

Дальше мы оба падаем на кровать и обсуждаем несуществующие подвиги моего собеседника, как он соблазнял ангелочков и как катался в Зону Войны и на Юг.

Я не знаю, сколько просидел, угорая над какой-то чушью и, слушая бред Майкла, прежде чем встал, пожал ему руку и, обещав вернуться, свалил на шатающихся ногах.

Вечерело. Дойти до дома невероятно тяжело. Ноги похожи на веревки, ощущения ходьбы не было вообще: как будто я скользил по земле, дома закручивались спиралью, в небе кружились водовороты со страшными масками, а столбы то и дело покачивались, как хлипкие деревья в ураган.

Когда я подошел к своему дому, почувствовал, что меня отпускает и спокойно отыскал свою квартиру.

Черный пес Рекс начал радостно меня обнюхивать и с недоумением пытаться заглянуть мне в глаза. Он вроде узнавал меня, а вроде и нет. Словно я был собой, но притом каким-то чужим. Словно из меня выдернули что-то, что он знал и любил.

Тесный пиджак и белую удавку галстука я бросил на кровать, а сам встал у окна.

Ночь постепенно опускалась на Город Суда. Ледяная корка разрасталась по домам и площадям, в воздухе закружили первые снежинки. Зима здесь наступает каждую ночь. Наркотический эффект приподнятого настроения таял, уступая место привычному блаженству и покою. Голова пуста. Нет никаких мыслей. Нет ничего. Под моей черепной коробкой открытый Космос...Бесконечный и прекрасный.

Я хочу видеть его.

Я поднялся на последний этаж, залез на чердак и без труда проник на крышу. Гулять по ночам нельзя. Надзиратели сцапают, думая, что один на один с собой ты о чем-то философствуешь или замыслишь, но мне нечего бояться. Здесь наверху они меня не достанут, и к тому же мой разум как никогда чист.

Ничего не нужно. Я стою рядом со шпилем небоскреба и, окруженный облаками, смотрю ввышину. Целое небо звезд. Россыпь сверкающих жемчужин на бесконечном черном саване.

Иней оседает на моей одежде, а я равнодушно смотрю в эту спокойную и необъятную глубину над головой. Словно заглядываю в свою душу.

Там что-то есть. За пеленой безмятежного покоя я ощущаю, как нечто неуловимое шевелится в ней. На дне колодца беспмятства что-то подает признаки жизни и зовет меня. Но что?

Ничего...

Лишь приятная, ни к чему не обязывающая пустота. Ты вроде есть, а вроде и нет. Пустой, обезличенный и от этого свободный.

Но, прислушиваясь к себе я понимал, что обманываю себя. Там, внутри меня, *действительно* что-то есть. Оно словно бешеный пес рвется загрызть мой уютный безмятежный мирок.

Лишь какая-то цепь, установленная не мной, мешает ему это сделать.

Эмоции уже отпускали Аньку.

Она лежала на кровати в своей квартире, стены которой сказочно переливались изумрудным сиянием. Ее дом не уцелел, и поэтому она жила пока в его копии из энергетического поля. К магическому каркасу плавно крепились панели, оконные рамы, кирпичи и прочие части.

Она смотрела на танец кирпичиков, медленно становившихся друг на друга и думала.

Об Артуре...

Ох уж эта нелегкая женская доля. Напряженно размышлять о том, как в действительности мужчина относится к тебе, проводить целый анализ каждого сказанного им слова, фразы, жеста, жить в иллюзиях, касаясь его и жестоко разочаровываться, видя, что он совсем не такой, каким ты его нарисовала.

Но Анька уже давно не юная старшекласница, да и к тому же мертва.

И плакаться в подушку от того, что Артур ну совершенно не обращает на нее внимания в последнее время, она не будет.

Напротив. Сейчас Анька рассуждала предельно здраво. После той битвы с Луцием Артура как подменили. Он и раньше был достаточно серьезным, но его лицо не меняет выражения уже даже под эмоциями. Может, он переживает, что сокрушил своего друга ради нее и поэтому не хочет общаться?

Может, вообще не стоило ей тогда бросаться на Луция, а просто позволить ему сломать эти чертовы Весы? Тогда и Артуру не пришлось бы в него стрелять.

А ведь серьезно. Почему нельзя было сделать так? Разве ей так чертовски нравится текущий порядок вещей в этом мире? Нравится этот Город, нравятся эти постоянные выезды то в Ад, то в Рай? А, может быть, она отчаянно сражалась с Учителем ради денег?

"Не обманывай себя, Ань, — говорила она себе. — Внутри тебя живет все та же безбашенная пацанка, что пила водку, дралась в барах и воровала еду в магазинах. И тебя по-прежнему тянет искать приключения на свою задницу. Эта война за Мир Мертвых — лучшее приключение, которое вообще возможно испытать. Ты любишь сражаться, ты любишь риско-

вать, но ты не можешь принять решение сама. Никогда не могла. И тебе нужен лидер, который укажет тебе, кому выцарапывать глаза и перегрызть горло. И после жизни для тебя им стал Артур. Ты сражалась с Луцием только потому, что он с ним сражался. И если бы он отправился в Свободный Легион, ты бы не думая, понеслась за ним".

И сейчас, сверля сияющий потолок взглядом, Анька понимала, что ей не стоит ныть о безответной любви (любовь — уже смешно звучит) к Артуру.

Под действием эмоций, тогда, после боя, ей даже показалось, что он любит ее, что такие чувства есть, но сейчас она понимала, что у мертвецов их никак не может быть...

Но все же... Она ощущала какую-то привязанность к Артуру, ощущала, вопреки тому, что это невозможно, и ощущала одно из важных проявлений любви к человеку. Заботу.

Она должна позаботиться об Артуре, она должна взять быка за рога, и наконец-то помочь ему. Самой принять решение и сделать это. Помочь ему разобраться в своих мыслях и поступках. Прекратить все время думать о себе, а хоть раз подумать о нем.

Как о человеке.

Не как о кумире, которым можно восхищаться, за которым хочется идти и с которым приятно трахаться, а как со своим близким другом.

Хоть раз по-настоящему выслушать его.

Просто не спеша поговорить, глядя ему в глаза.

Как люди.

ГЛАВА 4

Два луча фар вонзились в ночную тьму Города Суда, и, рыгнув мотором, на замерзших улицах зарокотал Dodge Charger SRT8. Это была единственная машина, что выехала ночью из Города.

Мост пуст. На нем двигается только моя машина, да поднимающиеся из пучины вод камешки, которые складываются в его разрушенные фрески.

Вскоре здесь не останется никакого упоминания о минувшей битве, о стараниях Луция изменить мир.

Я доезжаю до конца моста. Под настилом одного из ответвлений Основной трассы, копошатся мертвые воды реки Стикс, которая впадает в Темное Море.

"Координаты загружены", — послушно выдает бортовой компьютер машины. Ребристый рычаг телепортации под рулем выдвигается. Но дергаю за него чуть позже. После битвы энергетика в этой местности потрепана и телепортироваться за душой в другое измерение сразу не получится. — Портал в Мир Живых активирован.

Пространство искажается, а впереди разрастается подобие черной дыры, готовое превратить могучую арку моста в жидкую размытую картинку и закрутить внутри своего водоворота.

Ударив по педали газа, влетаю в него. Усиленный дополнительными артефактами «Додж», в отличие от моей предыдущей машины, лучше переживал межпространственный прыжок. Вибрация была не столь чудовищна, а руль не собирался выпрыгивать из рук.

Впереди замаячил разрастающийся как на дрожжах квадратик света, пока он не заполнил собой весь коридор, вытеснив оттуда колыхающийся занавес из тьмы, и я оказался в Мире, откуда каждый из нас начинает свой путь. На Земле.

Мир Живых все тот же. Для мертвецов он всегда выглядит одинаково: прозрачные силуэты зданий и людей, напряженно озирающиеся по сторонам белоснежные ангелы-хранители и хищно патрулирующие улицы спорткары Киллеров.

Я высадился где-то в столице, о чем понял по набережной и нескольким небоскрегам, тянущим свои стеклянные безголовые тела к небу. По меркам Города Суда они крошечные, даже меньше наших жилых домов.

Но я помню, не знаю почему, что с крыши такого открывается вид на всю Москву: можно разглядеть башенки Красной Площади и золотые купола ее церквей, можно бросить взор в другую сторону и разглядеть памятную стелу на парке Победы, а также бескрайний зеленый массив Подмосковья. На горизонте его венчает внушительная вышка. Не знаю, где она находится, но помню, что теперь она бы мне напомнила иглу Здания Суда, которую видно в сотнях километров от нее.

Глазами мертвеца сквозь полупрозрачные кристаллы небоскребов, объятых дымкой, я вижу трон.

Он слеплен из костей невиданных размеров, словно какой-то далекий предок Рабратрана ушел на строительство этого кресла.

Кошт восседает на этом троне. Славянский бог, упокаивающий мертвецов и помогающий им пройти в мир иной пребывает наверху, наблюдая игру жизни и смерти.

Из-под черных древних лат на руках лишь местами видны его белые тонкие пальцы, могучую седую голову величает остроконечная корона. Она сдержанно мерцает целой сокровищницей чуть алых вулканических кристаллов. Взор Кошта из-под короны пылает, словно прожигая пространство, прорезая своим взглядом тропу из мира Яви в мир Нави.

Громадные черные вороны с поседевшими местами перьями, как истребители несутся со всех концов к его трону, чтобы доложить очередную новость. Они бесконечным пернатым потоком мчатся к нему и от него. А к ногам его шипящим ковром стелятся маслянистые черные змеи, обвивая исполинские кости трона, ползая по белому как мел костяному посоху в руках бога.

Бесчисленная армия разведчиков Кошта, сообщающая ему все. Именно поэтому этот Темный бог всеприсутствует, находясь в вечном покое.

Я ехал к точке на карте, где меня ждала очередная душа. Для этого нужно было свернуть с набережной к жилым домам. Стайка мелких хвостатых городских духов, напоминающих крыс, хаотично разбежалась по углам, когда я въехал в один из дворов.

У третьего подъезда типичнейшей для города девятиэтажки находилась клиентка.

Последний самый жестокий враг на жизненном пути человека — Старость. Так говорилось в поучительном трактате Карлоса Кастанеды. Его цитаты разлетелись по соцсетям и нашли широкое применение в рядах псевдофилософов, псевдоинтеллектуалов и юных наркоманов, возмнивших себя экспертами в магии и прочих духовных практиках.

Надежду эта чушь не интересовала.

Она не верила знахарям, колдунам и иным шарлатанам. Тяги к эзотерической литературе не испытывала, да и за ясностью ума обращалась не к чудо-травам.

Но с этой фразой она была согласна. Старость действительно самый страшный враг, на которого не найти управы.

На других она вроде нашла. Ей было почти сорок, когда умер ее любимый муж. Нет смысла распинаться о том, как много он для нее значил. Достаточно лишь того, что после его ухода ее жизнь остановилась.

Такое бывает, когда человек, как это небанально, является смыслом жизни. А точнее, катализатором смыслов. Пока он был жив, Надежда имела интересные занятия, цели и амбиции, но стоило уйти ему, и погасло все.

Суетливое движение мира под названием жизнь умножилось на ноль и потеряло всякое значение. Депрессивная апатия сменилась суицидальным поведением и, уже стоя на краю обрыва, глядя во всепоглощающую тьму загробного мира, она решила сохранить себе жизнь.

И она начала бежать. Как в переносном смысле — от проблем, так и в прямом.

Сначала вокруг дома, спотыкаясь от усталости и чуть не выплевывая легкие от отдышки.

Ей нравилось загонять себя. В состоянии, когда все тело ломит от нагрузки, а в горячей ванне усталое тело щедро поливает мозг эндорфином, депрессия пусть и не ушла, но по крайней мере не заходила в ее сознание. Маячила где-то у забора ее разума, скалясь и присматриваясь к нему, как голодная лиса к курятнику.

Затем кругов становилось все больше, упражнений тоже, тело крепло, дыхание становилось ровнее. И ход ее мыслей тоже выравнивался.

Она начала уже бегать для себя, а не от утраты. Она, наконец, приняла ее и приняла новую себя. Подтянутую и полную сил красивую женщину, что в сорок лет начала новую жизнь. Пока ее сверстницы с досадой провожали ушедшую молодость, свыкаясь с лишним весом и увяданием, она ловила на себе жадные взгляды прохожих мужчин.

Боль утраты заморозила жидким азотом и разломала на части и ее бывшее внутреннее "я", но она же позволила ей возродиться в новом облики.

Живя с мужем, Надежда была кроткой, счастливой женой, что радовалась теплоте домашнего очага и мечты ее были просты и искренни, как желания ребенка.

Прошлая она ушла под землю вместе с любимым мужем. Здесь уместна тавтология: Надежда обрела надежду. В светлое завтра. Новая она пылала энергией так, словно была совсем юна и впереди рассветом июльского солнца вспыхивала целая жизнь.

Еще долгие годы, которые можно прожить как хочется, а хотелось ей как можно ярче.

В этой эффектной женщине с ярко-красной помадой, костюме-трико в обтяжку и с громким и мелодичным, как журчание горной реки голосом, исчезли все черты ее прошлой.

Новая Надежда. Совсем как четвертый эпизод "Звездных войн", с которого она начала знакомство с молодежной культурой. Ей было интересно все, ей хотелось всего: прыгнуть с парашютом, пойти на уроки танго, взять ружье и спать в лесу под дождем на охоте.

Но человек в конечном итоге устает от всего. Даже от бесконечной череды приключений. И закономерно, что в конце концов, она, как уставший под утро мотылек, захотела вновь прилететь на огонек домашнего очага.

Все сложилось как нельзя лучше. Муж такой же усталый от приключений авантюрист, решивший остепениться. Несмотря на сомнительные прогнозы врачей, она все же родила здорового сына в сорок восемь лет. Ритм ее жизни значительно замедлился, и в какой-то момент счастливая жена и мать снова ощутила присутствие раздражающей тоски.

Она знала, что это старость. Пока Надежда жила на полную катушку, меняя досуг, страны и города, верная Слуга Смерти затаилась, чтобы впиться в нее острым комариным жалом и подготовить тело и разум женщины к встрече с Костлявой.

Как говорилось в трактате Кастанеды: "Старость — это самый жестокий враг, которого нельзя победить, можно лишь оттянуть свое поражение".

И она решила его оттягивать, насколько это возможно. Вновь пристрастилась к физическим упражнениям, косметологам и диетам. Только былых сил уже не было, самочувствие только ухудшалось, а внешность увядала быстрее, чем она успевала уследить за ней.

Борьба со старостью перешла в фазу отчаянной схватки, с поражением в которой упрямая, уже баба Надя, никак не хотела мириться. Как и не хотела ходить по врачам, считая это уделом старых пердунов. К советам мужа "Береги себя" она тоже относилась как к голосу слабого.

Неудивительно, что в один прекрасный день — это инфантильное пренебрежение законами природы привело ее к тому, что из квартиры она вышла в своем материальном теле, затем ощутила вспышку резкой боли в груди, и вот уже из дома она выходит через прозрачную дверь.

И все люди на улице прозрачны...

Плачущий в ладошки ангел — первое, что я вижу, подъезжая к клиентке. Крылья дрожат от всхлипов. Шаблонная реакция для хранителя, что не уберет подшефную душу.

Мимо со звуком пролетающего истребителя проносятся друг за другом три спорткара Киллеров. Вполне возможно, в случившемся нет его вины. Душа давно уже была на прицеле у сил Смерти, а с учетом того, что моя клиентка родилась в начале пятидесятых, шансов на успех у хранителя было немного.

Клиентка стоит в шаблонной реакции для мертвеца — ступоре. Поглядывает то на несостоявшегося пернатого защитника, то на полупрозрачные силуэты живых людей, то на переливающуюся как гирлянда шерсть астрального кота, что наблюдал за ней, усевшись в воздухе.

Надо как-то аккуратно начать с ней разговор, по-человечески, просто и душевно. Все-таки человек старшего поколения и недоверчивый. Я медленно подъезжаю так, чтобы левая сторона машины были параллельно ей, приоткрываю окно и говорю:

— Надежда, очнитесь, вы умерли от старости.

Женщина резко поворачивает остекленевший взор в мою сторону. Ее глаза сужаются до щелочек:

— Слушай, ты, молокосос с малокровием, ты кого старой назвал?! — выпалила она. Да уж, на «старую» она и впрямь едва тянет: высокая, подтянутая, вместо засаленного халата спортивный костюм в полоску. Волосы прямые и покрашены в темно-синий.

Несмотря на вульгарность образа, дама грамотно молодится, и еескорее стоит назвать приятно стареющей женщиной, нежели старухой.

— Прошу прощения, — натягиваю мышцы лица, чтобы придать ему виноватое выражение. Видно, со стороны это выглядело так мерзко, что Надежда поежилась. — Мертвецы не всегда могут быть корректны в высказываниях.

Ее глаза еще раз проделали быстрый путь от прохожего, к астральному коту и ангелу-хранителю в поисках ответа.

— Прощаю, Аид, — с напыщенным великодушием выдавила она. — Я бы тоже на твоём месте стала хамлом, если бы меня из богов разжаловали в таксисты, — Надежда указала пальцем на машину. В досье написано, что клиентка — мастерский острослов. И, похоже, для нее оставаться верной своим манерам куда интересней, чем собственная смерть.

— Я не Аид. Год назад я был таким же живым человеком... — смотрю на время ее смерти на дисплее в машине. — Пятнадцать минут назад.

— Значит, твой труп уже отворял свое, — диалог потихоньку складывался. Значит, она уже скоро станет моим пассажиром. — А ты пришел поздравить с тем, что мое тело, в которое я вложила столько сил и времени, ждет та же участь?

— А также напомнить, что у вас есть последний шанс попрощаться с родными, после чего я должен буду увезти вас на Страшный Суд, — прибавил, чтобы Надежде не захотелось ерничать в духе: "А что будет если я не захочу?" и прочее.

Выражение ее лица сменилось на озадаченное, и она с сомнениями обернулась на окна своего дома. Вновь повернувшись ко мне, она покачала головой и спросила со всей серьезностью:

— А с какого черта я должна с тобой ехать? Вдруг ты... черт, и в Ад меня хочешь затащить?

— Спросите у своего защитника — показываю пальцем на светящегося златокудрого юнца. Он продолжает театрально всхлипывать и вытирать пальцами слезы.

— Это Извозчик душ, — обреченно всплакнул он, а затем поднял на Надежду заплаканные глаза. — Прости, я не спас тебя.

Женщину эта сцена не разжалобила.

— Тряпка, — бросила она. — Знала бы, что вы такие, в жизни бы свечки вам не ставила. Она уверенно зашагала к машине, обошла спереди открыла правую дверь и села рядом.

— Поехали! — велела Надежда. — Я ненавижу бежать от обстоятельств, и от смерти тоже не собираюсь!

Мы отъехали. В зеркале заднего вида я увидел, как ангел решительно выпрямился и покрылся пламенем.

Шикарный гроб на колесах, Роллс-ройс «Фантом» одиноко рассекает ночную тьму начищенным до блеска бортом. Молчаливый водитель в строгом черном костюме не сводит глаз с дороги. Из колонок звучит ритмичный трек 80-х годов. Вроде Pet Shop Boys.

*...Everything I've ever done, everything I ever do,
Every place I've ever been, everywhere I'm going to, It's a sin!*

Грех. Считала ли девушка, сидящая на заднем сиденье себя грешницей? Да, ей было за что ответить перед Богом, но все эти проступки она сделала из-за большой любви, и суровое наказание она понесет, как не странно, не за свои прегрешения...

А за свою жертву.

За окном чудесный, словно сошедший с картин лес, где зажигают огоньки неведомые мистические существа. Над головой целое небо звезд и яркая, словно лампа, луна.

Она так ярко освещает дорогу, что кажется, будто машина несется по ее упавшему на землю лучу. Вокруг все так прекрасно, совсем как в сказке!

Виктория чувствовала себя принцессой, сидя в дорогой карете, но в ее глазах застыла печаль. Она первый и последний раз видит эту сказочную дорогу. Впереди ее ждет только боль, страх и унижения. Ад.

Вика долго размышляла о своем существовании в самом ужасном месте для человека, и никак не могла смириться с мыслью, что ее будут сжигать, резать и насиловать целую вечность.

Не думать. Не думать об этом. Наслаждаться последними часами спокойного существования. Ведь их больше никогда не будет...

— Почему мы повернули? — осведомилась Виктория, когда машина свернула с большой трассы куда-то в лес.

— Это короткий маршрут. Так быстрее, — бросил водитель.

Ну, спасибо, удружил. Теперь этих часов остается еще меньше. Перед глазами проносились лучшие моменты жизни: первый поцелуй с мальчишкой, которого она всегда считала недалеким, рождение младшего брата, как она качала его на руках: такого маленького, беспомощного и улыбающегося, как замерло ее сердце, когда она встретила свою настоящую любовь... Ради нее она была готова пойти на многие преступления и пошла... Удивительно, почему после этого Люцифер согласился выкупить ее душу. Едва ли он согласится совершать чудо, чтобы заполучить душу грешницы, которая итак к нему попадет.

Видимо, вся ее доброта, вся ее помощь, которую она дарила людям, просто так и ни за что, ее готовность пожертвовать собой перевесили грех, что она совершила.

Видимо, дьявол понимал, что она может попасть в Рай, и поэтому согласился сделать маленькое, но такое важное для нее чудо взамен на ее душу.

Даже несмотря на тот ужасный поступок...

За который не может быть прощения.

Конечно, ее мучила совесть из-за этого. Но потом. В тот момент, когда она совершила величайшее преступление в своей жизни, она не видела другого выхода для себя. Жалеть было не о чем.

Но, видимо, уже тогда дьявол ее заприметил. И пусть у нее был шанс попасть в Рай, но воспользоваться им Вике так и не удалось.

Совсем скоро лавиной на нее обрушилось несчастье. Словно наказание за тот грех, что настигло ее совершенно непостижимым образом.

Выхода из него не было, решения тоже, все кто хоть как-то мог помочь разочарованно разводили руками. Молитвы были бессильны. Всевышний ее не услышал, но услышал дьявол... Он пришел сразу же, как только она решила обратиться к нему.

Мы в Мире Мертвых. Телепортация прошла все также, рядом с мостом в Город Суда.

Пока я неспешно ехал вдоль его покоцанных битвой арок, успел узнать от Надежды, что я — бесполезный кусок дерьма.

Покинув Мир Живых, я рассказал даме о том, как устроен мир, где ей предстоит находиться вечно. В ответ она знакомила меня со всем многообразием своего арсенала ругательств.

Ее негодование началось с того, что я ответил на вопрос, почему большая часть зданий в Городе Суда пребывает в аварийном состоянии. А если быть точнее, она взорвалась после моего ответа на следующий вопрос: "Почему я тоже не восстал, как и те, что разворотил Город?"

Ответ в духе: "Мне плевать" ее явно не устроил.

— Такие как ты всегда не при делах! — декларировала она. — Вы всегда будете жаловаться на жизнь, но когда вас призовут к оружию, то отчего-то разбежитесь по норам! Вас всегда все устраивает, и вы всегда терпите...

Бла-бла-бла. Где-то я уже слышал нечто подобное. Надо спросить у Майкла, его мама, случайно, не русская?

— ... Так вот, Артур. Мой тебе совет. Попробуй хоть раз вынуть голову из задницы и что-то изменить в своем существовании. Я так поняла, жизнь тут продолжается какая-никакая. Так вот найди себя.

В ее словах ощущалась сильная энергетика, но она растопила меня с тем же успехом, как бутылка кипятка бассейн с жидким азотом. То есть, без особого эффекта.

Поворачиваюсь к ней. Изображаю перекошенное подобие усмешки.

— Я уже *потерял себя*.

От вида ухмыляющегося мертвеца бабке расхотелось дальше спорить, и она угрюмо уставилась вперед и снова замолчала.

Вихрь снежинок пронесся мимо машины, а затем сбоку сформировался в целую труппу духов-тенеплясов.

Похожие на человеческие силуэты стали лихо исполнять танец из странных движений руками и ногами. Со стороны казалось, что они дергаются под током, но очень-очень медленно.

— Знаешь, а я все-таки та еще грешница была, — Надежда вдруг нарушила тишину и пронзительно посмотрела на меня из-под ровной синей челки глазами цвета диких яблок. — Я боюсь Ада, Артур...

— Все боятся.

— Я вижу, у тебя тут приемник есть. Включи, и, если не против, сделай-ка пару кругов по этому стремному городу, — искренне попросила она. — Считай это моим последним желанием.

— Хорошо, — нажимаю на кнопку включения магнитолы.

Под мое настроение едва ли включится что-то более интересное, чем шум радиопомех, а вот взволнованное состояние Надежды заколдованная техника уловила сполна.

Ритмичные звуки металла из динамиков заставили качать головой в такт мелодии.

— А с радио у вас тут проблем нет! — живенько добавила она. — Как раз та песня, которую я бы хотела сейчас услышать.

Мысли читать приемник не умеет, машина только улавливает настроение пассажира, поэтому то, что попала та песня, о которой она подумала — скорее вопрос удачи

Вступление ускорилося, и Надежда хлопала по коленям, добавляя объемности звучанию.

— Гони быстрее! — воскликнула она и ткнула меня в плечо. — Не хочу плестись как черепаха под такие мотивы!

Выполняю. Трасса обледенела, но с моими навыками я не потеряю управления даже на скорости.

Когда заиграл припев, она высунулась в окно и проорала его строчку.

"I'm on the highway to hell" — "Я на шоссе в ад".

Судя по данным в биографии, Надежда зря волнуется, что ее ждет пекло. Но справляется, пусть и с надуманной угрозой, она стойко и позитивно.

Еще какое-то время я продолжал нарезать круги по Городу, пока она не велела отвезти ее на Суд.

Резко сворачиваю налево и двигаюсь к самому чудовищному строению в истории. С которого сурово взирают на город мрачноликие скульптуры.

ГЛАВА 5

События происходят спустя сутки после Битвы за Город Суда

У дерева добрые глаза. Зеленые как листва, сияющие и влажные. Казалось, готовые пустить слезу умиления.

Эльфийское заколдованное дерево, похожее на гору своей высотой, грациозно наклонило могучий ствол и щедро протянуло гостям на земле свою ладонь.

Только это не совсем ладонь, а очень мощная, длинная ветка, похожая на стройную женскую руку.

Она разжала тонкие изящные пальцы, и Вегарь с Ливенфель, эльфийской королевой, ступили на длань гигантского дерева.

Оно, не отрывая от них заботливых глаз, стало неторопливо разгибаться, поднимая и их. Это дерево словно высеченная скульптура женщины. Живая небывалая скульптура.

Вегарь едва не открывал рот от восхищения. Он никогда не думал, что сможет вот так попасть в святая святых эльфийского королевства, Храм Знания. С почестями. Как приглашенный гость, а не как завоеватель.

Но обстоятельства нынче совсем другие.

Поднимаясь, Вождь кентавров мотал косматой головой совсем как мальчишка. Он никогда не был на такой высоте и не видел таких красот.

Сначала перед его взором мелькает целый город из деревьев, связанный между собой паутиной мостов из веток.

По ним ловко, словно белки, носятся двуногие создания в капюшонах. Мимо пролетают большие птицы, с ярко-красным переливающимся оперением, словно каждое перышко в них — это крошечный пожар.

Ладонь дерева поднимается выше. Все ближе его заботливое женское лицо. Отчетливы видны очертания изящного носа, губ, даже тонкие брови из маленьких веток. Крона шумит прямо над головой дерева. Она выглядит как его густые кудрявые волосы.

Ладонь еще выше, уже у тонкой, относительно стана ствола, шеи.

Вегарь и Ливенфель уже над кронами жилых деревьев. Их необычные полупрозрачные листья словно витражи пропускают через себя еще теплые лучи заката, и взору Вегаря открывается море. Целое море, растянувшееся аж до Гномьих Гор. Колышущееся на ветру. Розово-зеленое море из листьев.

Рот дерева открывается, ладонь наклоняется над плитами зубов. Ливенфель ловко, по кошачьи, спрыгивает внутрь, а Вегарь неуклюже рушится на твердые копыта.

Да уж, чтобы ходить по эльфийским сооружениям, нужна недюжая сноровка. Да и не каждый день тебя "пожирает" дерево.

— Не ушибся? — с издевочкой спрашивает Ливенфель, прищулив фиолетовые озерца глаз.

— Все хорошо, эльфийка, — фыркнул Вегарь, устойчиво встав на валуны копыт.

Он хотел сказать что-то еще, но замолк. Атмосфера этого места обезоруживала сходу, заставляла смиренно соблюдать тишину.

Музыка. Тихая и ненавязчивая, но при этом как воздух заполняющая собой все. Всю эту сияющую воронку. Именно на это похож ствол дерева Храма Знания. Полый внутри, с широкими и округлыми как стадион стенами, каждый участок которой сияет и дышит.

Это бутоны. Размер у них такой, что внутри каждого можно встать.

Каждый бутон как гирлянда меняет свой цвет. Ощущение искусственности цветка вызывает то, что вытянутый пучок спящего бутона, похожий на лилию, практически прозрачен. Как стекло. Только неспешная пульсация лепестков, словно готовых вот-вот раскраскаться, выглядит живо и натурально.

Периодически цветы резко раскрываются: их лепестки загибаются назад как у настоящих лилий, и прямое тоненькое рыльце в окружении тычинок выступает вперед.

Вегарь присматривается к одной из таких лилий и видит, что на тычинке сидит, свесив ножки вниз, маленькое существо, словно сделанное из крошечного кусочка света. У него большая относительно тела голова с треугольными ушками, а в коротеньких тоненьких руках (или лапках) оно держит музыкальный инструмент и совсем немножко перебирает по нему.

Тихонький приятный звук раздается из бутона, и к нему прилетает бабочка. Ее крылья, как и лепестки цветов, тоже похожи на сияющие подвижные витражи.

Бабочка касается хоботом бутона и улетает, грациозно взмахивая парусами крыльев. Внутри воронки, до самого дна летают миллионы бабочек. Они как бесконечный подвижный калейдоскоп.

Тем временем, лилия закрылась, и звуки из нее прекратились. Но следом открывались еще и еще. По очереди, но в совершенно непонятной последовательности.

Каждый раз, когда лилия открывалась, музыка продолжала звучать немного с иной тональностью, и на нее садилась бабочка. Когда бабочка улетала, бутон снова закрывался, и открывалась следующая лилия. Так звук каждой лилии строил внутри дерева одну непрерывную мелодию.

— Бабочки — это знания, — видя то, как Вегарь таращит звериные глаза на все, пояснила Ливенфель. — Каждая из них хранит данные об истории народа или его опыте. Чем больше бабочка, тем важнее событие или знание, — и глумливо добавила — Тебе бы пригодилось пару бабочек в голове, не так ли?

Вегарь не ответил. Он внимательно посмотрел на эту тоненькую миниатюрную фигурку у своих ног, наклонился к ней и шепотом (иначе от его рева можно оглохнуть) спросил:

— Ты все еще дуешься, эльфийка?

— Я? — с сарказмом воскликнула она. — На что это еще, зверь?

Она быстро зашагала к краю деревянного настила, на которой они стояли. Подняла тонкую белую, как фарфоровую, руку и снизу подползла платформа.

Она выглядела как парящий кусок скалы, наверху которого процветал небольшой луг, укрытый ковром ромашек и одуванчиков.

Лапища Вегаря преградила путь Ливенфель. Та возмущенно подняла маленькую голову.

— Ты прекрасно знаешь, Ливенфель. Да после того, как недавно мертвые вторглись в наши владения и убили сотни наших братьев, мы подписали указы об объединении. Но до этого мы как самовлюбленные идиоты убивали друг друга, не видя настоящего врага.

— Ха, — усмехнулась эльфийка, нахмутив брови. — Не ты ли всегда считал наш лес своим и всячески пытался его оттяпать?

— Он и был моим, — удрученно согласился Вегарь. — Ты просто живешь не так давно, как я, и не видела, кому он полагался до рождения Духа Леса... Но теперь это неважно. Я клянусь, что после войны с мертвыми, мы больше никогда не потревожим ваш народ, и лес останется за вами... И именно у вас есть знания, о том, что поможет нам победить в этой войне.

— Химера? — Ливенфель произнесла это так, словно пробовала слово на вкус. — Культ Химеры, я слышала ты упомянул о нем, когда по моей обители рыскали демоны. Это древняя сказка, Вегарь, конечно, помогла бы объединить наши народы, — с долей насмешки продолжала она — Но это всего лишь легенда. Случайно, не ради нее ты напросился в наш Храм Знания?

— Ради нее.

Эльфийка недовольно выдохнула и закатила прекрасные глаза. Она открыто выражала свой скепсис.

— Но пойми, Ливенфель, я бы никогда не пришел в ваш священный Храм из-за слухов. Я родился в Начале Времен, когда еще Дух Леса не породил вас и не растворился в природе. Мы были первыми сыновьями Химеры. Мы с моим братом Паном и Спящим Камнем еще помним ее заботу, помним, как совсем маленькими божествами чувствовали тепло ее рук, видели ее, наполненные любовью, глаза. Она существовала...

— И что же с ней случилось?

— Нас разлучили...

— Кто? — эльфийка начала проявлять интерес. Может, и есть что-то в этой затее, если эта безмозглая груда мяса лично с ней знакома?

— Те, кто уничтожил расу, жившую здесь до нас. Те, кто дал каждому из нас править своим народом, но отнял у нас Мать. Те, кто наслал легионы мертвых людей на наш мир...

Недовольство на лице Ливенфель сменилось озадаченностью.

Когда Вегарь убрал руку, она встала на платформу и поманила его пальцем. Гигантское божество кентавров едва уместилось на летящей скале. Показалось даже, она чуть просела под весом Вегаря.

Платформа плавно подалась вперед и стала спускаться вниз.

По пути они видели эльфиек, облаченных в длинные яркие платья, что ухаживали за лилиями. У каждой за спиной мелькали как лопасти четыре прозрачных крыла.

— И что же ты хочешь найти здесь, Вегарь? Ты одно из древнейших существ нашего мира. А если Дух Леса родился позже тебя, вряд ли ты найдешь здесь больше, чем знаешь сам.

— Дух Леса не меньше меня любил Химеру и знал о природе жизни куда больше, чем все его братья и сестры.

— Ближе к делу, — нетерпеливо потребовала Ливенфель.

— Химера была совершенным существом, абсолютным. Ее создатели ее боялись. И когда она взбунтовалась против них, защищая нас... Ее уничтожили, — Вегарь поднял суровый взгляд.

— И вы не собирались отомстить за нее?

— Собирались, но все было тщетно. Мы полностью утратили связь с теми, кто нас создал. И ворваться к ним мы тоже не могли. Ни в солнечное королевство на востоке, ни в огненное на западе, ни даже в мрачное, на острове.

Ливенфель сразу поняла, что речь была о местах, где были огромные колонии мертвецов из другого мира.

— Подожди, то есть, наши создатели — люди?

— Нет, но наши создатели породили и их, — ответил Вегарь и продолжил ответ на первый вопрос — Прошло много лет после убийства Химеры, мы пытались отомстить за нее, но годы

шли и к успеху мы так и не приблизились. Да и не до того уже стало: у каждого из нас был свой народ, о котором стоило заботиться. Потихоньку пути всех наших рас разошлись.

Ливенфель задумалась. Платформа неспешно ползла ниже. Становилось все темнее. Именно там, на дне Храма располагались древние знания эльфов.

— Я расскажу тебе, как все было, — Вегарь снова посмотрел на меня. — От Начала Времени, от сотворения наших народов.

ГЛАВА 6

Культ Химеры

Последняя Война Титанов превратила весь мир в подобие Огненной Пустыни.

Жестокие атакующие заклинания вместе с килотоннами снарядов заставили большую и прекрасную планету умирать в агонии. Словно лес в пожаре.

Они сидели на пепелище погибшего мира. Среди оплавленного оружия, гниющих тел и остовов покинутых зданий, которые скоро похоронит время.

Сидели, держась за руки, под куполом, заполненным искусственной атмосферой и жизнью. Два последних выживших Титана.

Их имена практически непереводимы на людские языки, но в легенды на Землю их очень искаженная история дошла под именем Тифона и Ехидны.

Законсервированные Титаны, для которых время остановилось под их куполом. В их персональном, бесконечном Раю. В долгом, затянувшимся на годы, а может и сотни тысяч лет ожидании чуда.

Но это не было мучительным ожиданием. Под куполом им было хорошо вместе.

Тифон смотрел на Ехидну с надеждой и любовью. Отводя взгляд только на сладкоголового змея, что стелился у его ног и давал советы. Практически его полный тезка. Пифон.

Он говорил, что пришел с далеких звезд, что его хозяева спасут их и помогут возродить погибший мир. И Тифон верил этому существу. Его большие глаза смотрели серьезно и были полны решимости делать все, как скажет гад.

Только Ехидне было не по себе. Змей не внушал доверия, и ей все больше казалось, что купол наполнен какой-то скверной энергией, которая непрерывно пронизывает их.

Но Тифон ее не слушал и продолжал верить змею.

Шли годы, дни сменяли ночи и однажды Ехидна снесла яйцо от последнего Титана. И почему-то единственное. Столько не бывает в кладке Титанов, но это не столь важно. На него было возложено столько надежд по возрождению их расы.

Черное как отполированный уголь яйцо. Вовсе не такие откладываются у Титанов.

Тифон не беспокоился, Пифон как-то объяснил ему почему так произошло, и что бояться нечего.

Но Ехидна боялась. Продолжала ухаживать за яйцом, но боялась его. Ей казалось, что она породила что-то страшное. Не будущую надежду своей расы, а жирную точку в истории ее существования.

И то, как Пифон жадно смотрел на яйцо и постоянно скручивал свои змеиные кольца вокруг него, лишь добавляло опасений.

Муж утверждал, что все в порядке. Он был как никогда счастлив, его глаза смеялись. Он с воодушевлением рассказывал Ехидне о будущем: как они вместе построят новый мир, в котором все будут счастливы, что в нем никогда не будет такой войны, которая превратила планету в пепел, и что их дитя будет расти в любви и мире.

Ехидна кивала, но знала, что так не будет. С ужасом она смотрела на полную луну в погибшем небе. Цикл закончился, и яйцо должно вот-вот проклюнуться.

Словно мир трескался на части, когда из яйца стало вылупляться... Оно.

Не мужчина и не женщина, не рептилия и не животное. И уж точно не Титан. Гермифродит с головой, полной кишачих змей!

Ехидну охватила паника. Ее худшие опасения подтвердились, глаза ее мужа наливались яростью, и только Пифон, приняв облик маленького относительно них, двуногого существа, закутанного в плащ, скрестил руки и прошипел:

— Пррррревосходно.

Тифон бросился на него, но замер. Его взгляд застыл, а кожа заледенела и окаменела прежде, чем последний мужчина их расы покрылся трещинами и разрушился на тысячи осколков.

Следом и Ехидна почувствовала холод. Руки и ноги вросли в землю, а взгляд, прежде чем на вечность померкнуть, остался пронзительно смотреть на злобное существо в капюшоне.

Так родилась Химера.

Не зная своих родителей, маленькое, но чудовищно сильное и самостоятельное существо, отбрасывая сильными лапами скорлупу, вышло на свет.

Пифон изрядно потрудился над ним. Его генетический код похож на букет из сотен видов, включая человека, а кровь Титана дает великолепный потенциал к магии.

Это существо было способно к самооплодотворению, и готово было само породить все, что будет угодно хозяину.

Ради этого Химеру и создали. Ради воспроизводства.

Чудовище кормили, оберегали, Пифон занимался его воспитанием и рассказывал ей сказки уже о грядущем могуществе ее детей, и как весь мир будет цвести.

Но в этом случае мир действительно зацвел, а Химера рожала, заселяя его новыми существами.

Каждые роды проходили под контролем могущественных хозяев, поэтому Химера рожала в четкой последовательности: сначала сильного бессмертного бога, который навечно должен был стать Идолом народа и двух смертных существ, которые должны были дать начало этому роду, плодиться и размножаться.

Появились кентавры, вервольфы, фавны и сатиры, заселившие леса и степи.

Они жили в мире и процветании, но Химера рожала снова и снова. Этот конвейер не прекращался.

Ее заставляли производить. И она рожала все более совершенных существ, в которых было все меньше от животных и все больше от человека.

Взамен неудавшихся рептилоидов появились могучие орки, а также каменные люди, из которых впоследствии произошли гномы.

Цивилизации всех этих созданий развивались сумасшедшими темпами. Не без помощи Высших Сущностей и любящей матери Химеры они учились говорить, сочиняли языки, отстраивали города.

Вскоре такому количеству разумных существ стало мало места на одной планете. Они развивались, расширяли границы и уже начинали наступать друг другу на пятки, и в этот момент Химера рождает последнюю, наиболее совершенную расу.

Эльфы. Под предводительством Духа Леса.

Их поселили прямо в бесконечных лесных массивах, где уже главенствовали рогачи и кентавры. Полностью единая с природой раса, обладающая врожденными способностями в магии, способная принимать любое обличье.

Эта раса стремительно плодилась, селясь на все новых и новых территориях. В какой-то момент даже их божество — Дух Леса решил, что его народу больше не нужен идол, и теперь эльфы сами могут выбирать свою судьбу.

Он растворился в природе, полностью пропитав лес своими чарами.

И тут неудержимое процветание всех вышеперечисленных рас закончилось.

Внезапно.

Сначала эльфам запретили распространяться и изолировали их в пределах своего леса, затем другие расы ограничили в техническом и магическом прогрессе, и полностью лишили их возможности занимать новые территории.

Химера пришла в бешенство. Ее родовые нити, которые так стремительно росли и развивались, оборвали, не дав полностью раскрыться.

Пифон пытался ей что-то объяснить, мол, так необходимо, что для них так будет даже лучше, но Химеру было не остановить.

Она поняла, что ей и ее детьми просто воспользовались.

В той страшной битве кучу первых демонов пострадали от чудовища прежде, чем на помощь пришли Высшие Сущности и утихомирили свое творение.

Никто не знает, уничтожили ли тогда Химеру, усыпили, спрятали в другое пространство, но ясно, что сотворили что-то ужасное. А память... Память о ней по-прежнему живет в глубине души каждого живого существа с разумом.

На планете Таогар. Ту, что люди называют Миром Мертвых...

ГЛАВА 7

— И с тех пор мы потеряли связь с хозяевами нашей Матери, — завершил свою историю Вегарь.

— И какие они? — продолжала расспрашивать Ливенфель. Платформа опускалась ниже. Здесь было темнее: вместо лилий питали знания какие-то чуть мерцающие лишайники. Никаких светящихся "котят с флейтами" тут не было, поэтому царила гробовая тишина. Ее нарушал лишь шелест крыльев тех знаний, которые пролетали вплотную.

Ни черта общего они уже с бабочками не имели. В полумраке летало какое-то жуткое подобие гигантских стрекоз, толи комаров.

— Они контактировали, в основном, с Химерой, но... Они страшные.

— Не то, чтобы страшные. Они меня раздражают, — эльфийка вспомнила о визите Вольных Демонов и последующем "обыске" от обычных демонов.

— Я не про людей, а про их хозяев, эльфийка! Бывших хозяев Химеры. Они всемогущие воплощения тьмы! Им подвластно ВСЕ! — Вегарь даже сорвался на свой оглушительный рев. — Добро и зло, жизнь и смерть, поэтому я и хочу возродить Химеру. Только она сумела повергнуть их в ужас, и с ее помощью мы сможем победить.

Платформа опустилась практически на самое дно колодца. На секунду Ливенфель нахмурила брови, словно что-то напряженно вспоминала.

— Хейль! — позвала она.

Из полумрака, держа фонарь в вытянутой руке, вынырнуло нечто совсем непохожее на то, во что эльфы привыкли превращаться.

Фея ростом с человека, какие летали наверху, но ее крылья сморщились и потускнели, а фигура была старческая, скрюченная и... одеревеневшая?

Да, она сама выглядела как деревянная статуя старухи. Притом скульптура выглядела совсем не ново: дерево посерело и покрылось пятнами мха.

— Оооо, Ливенфель, — закашлявшись, проскрипела старуха, разглядывая эльфийку. — Ты так выросла, стала такая красивая, такая важная! А я помню, как ты еще совсем маленькая сбегала от родителей в Храм. Ты прилетала сюда маленькой синичкой, а затем превращалась в девочку с рыжей кожей и веснушками, — она умиленно заулыбалась. — Я тогда поила тебя настойкой из ягод...

— Хейль, я по делу.

— Что у тебя на голове? Ты получила какой-то титул? — большие глаза деревянной эльфийки с театральной заинтересованностью пялились на королеву из-под круглых приспособлений. «Вроде их называют очки», — подумал Вегарь.

— Хейль, я теперь наша королева, и нам нужна твоя помощь.

— Королева?! Это что ж, Фаралькон женился на тебе?! — почти пищала фея. — Так и знала, что он на малолеток заглядывается, старый извращенец!

— Хейль, — терпеливо говорила Ливенфель. — Фаралькон умер несколько столетий назад.

— Что?! — воскликнула старушка и выпучила глаза. Из-за очков они вообще казались как блюдца. — Фаралькон умер? — и тут из ее глазниц брызнули слезы. Как не бывает в жизни, струйками. — Умер, родной! Наш кормилец, наш спаситель! — она быстро для своих потрепанных крыльев подлетела к Ливенфель вплотную, кинула куда-то фонарик болтаться в воздухе как в невесомости и впиалась в эльфийскую королеву, заливая ее слезами. — Одна ты, одинешенька осталась, Лива, как же ты теперь одна править-то будешь? Как же мы от кентавров защищаться-то будем? — причитала храмовница, обнимая ее все крепче. — Осиротели мы с тобой без Фаралькона, осиротели.

— Хейль. Это... Было давно, — едва удерживаясь от того, чтобы не толкнуть старуху, выдавила королева. Она чуть отодвигает ее за плечи от себя и искренне глядя в круглые глаза, говорит: — Все хорошо, моя родная, я справляюсь.

Она грустно закивала, глядя на Ливенфель, но тут ее взгляд упал на очень массивного персонажа рядом.

— Ай! — вскрикнула Хейль и, громко застрекотав крыльями, упорхнула с лужка. Она сняла очки, снова надела их, затем снова сняла быстро протерла и опять надела. Слезы высохли, а глаза выпучились от испуга. — Это же... Это же Идол кентавров, Вегарь! Ливенфель, что он делает в нашей обители?! Ты егопустила сюда?! Они нас захватили?!

— Хейль...

— Что ж творится-то? Пока я тут была, всех нас поработили! Что же делать? Что же делать?!

— Хейль! — Ливенфель прикрикнула на нее, и крылатая присмирела. — Все изменилось, теперь они наши союзники! Мы объединились против более могущественного врага. И нам, — королева пристально смотрела на нее и чуть ли не по слогам говорила: — Всем. Чтобы наши народы выжили. Нужна. Твоя. Помощь.

Хейль помолчала, затем как-то встрепенулась и с серьезным видом спросила:

— Что вы хотите узнать?

— Нам нужна информация по Химере.

— Химере? Сейчас поищу, — храмовница лихо застрекотала крыльями и скрылась где-то в темноте.

Вегарь вопросительно посмотрел на Ливенфель.

— Вы их из этого дерева, что ли, никогда не выпускаете?

— Выпускаем, — вздохнула королева. — Но этой особе, похоже, и тут хорошо. С самого моего детства отсюда не выходит.

— Хорошо, что мы не строим домов, — глубокомысленно заключил Вегарь.

— Нашла, — Хейль вылетает из темноты. Ее деревянные руки скрипят от напряжения того предмета, который она держит. — Вот, — и роняет на лужайку чудовищных размеров фолиант. Под толстым слоем вековой пыли даже не видно, из чего сделана обложка. По всей видимости, эта книга написана еще на древнеэльфийском, еще до того, как знания стали хранить в бабочках. — Три тысячи пятьсот семьдесят девятая страница. Как сейчас помню! — гордая за себя, произнесла фея.

— Спасибо, моя дорогая, — Ливенфель вежливо улыбнулась ей, нащупала плавающий в воздухе фонарь и пододвинула к книге. Затем эльфийка склонилась над фолиантом, толщина которого была ей почти до колена и двумя руками открыла том. — Вегарь, похоже мы тут надолго.

ГЛАВА 8

Наши дни...

Водитель "Роллс-Ройса" не выбирал маршрут. Проехать здесь было указание свыше. Оно и понятно: после нападения Вольных демонов и бесчинств жуков-Титанов эльфы и гномы готовы палить из всех орудий, едва завидят черную машину. Головорезы Луция разнесли в пух и прах их королевства.

Проезд через сатиров был относительно безопасен. Как правило, эти лесные гибриды человека и животного больше увлечены своими плясками и редко вступают в контакт с черными телегами, что молниеносно проносятся мимо их селений. Добродушные одиночки фавны с козлиными рогами вскоре подружились с горячими и темпераментными сатирами (существами с бараньими рогами) и образовали вечно пьющий и веселящийся интернационал.

Хотя, кто знает, как они поведут себя после того, как жуки-Титаны высвободились из горы и навели шороху даже в их селениях...

Через пару часов по сделанным наспех шалашам и массовым хороводам у костров Извозчик понял, что достиг их селений и притормозил, чтобы случайно не сбить зазевавшееся парнокопытное.

Веселились все. Вокруг больших костров носились в хороводе сотни особой мускулистых сатиров с большими гениталиями и бараньими рогами, и крепких волосатых фавнов с козлиными рожками на головах.

Казалось, что гулянка растянулась на километр и вовлечены в нее все жители селения. Кто-то, сидя на ветках редких деревьев, стучал в барабан или играл на флейте, кто-то, обнявшись, пел задорные песни, останавливаясь на то, чтобы отпить медовухи из глиняных кувшинов, кто-то совокуплялся или испражнялся прямо на улице.

Рядом с маленькими кострами, через которые прыгали дети, взрослые не стеснялись устраивать массовые оргии.

Если присмотреться, в водовороте тел фавнов и сатиров можно увидеть крошечные обнаженные тела гномов и грациозные эльфийские силуэты. А если присмотреться еще лучше, можно увидеть, что их руки связаны. А если еще и прислушаться, то можно услышать истошные вопли о помощи сквозь веселую музыку. Все-таки вечный кутеж и праздность этих похотливых существ стоят на чьих-то страданиях.

Сатиры и фавны готовы предаться блуду со всем, что шевелится. Под песни и фонтаны хмельных напитков один козлоголовый крепко обхватил молодую лань и с идиотской улыбкой совокуплялся с ней, из барачков выводили связанных кентавров и тоже пытались пристроиться под их конские хвосты.

— О, господи! — вскрикнула девушка, поднеся руки к губам. — Какой ужас! Это уже Ад?

— Еще нет, — равнодушно ответил Извозчик. — Местные обитатели развлекаются.

— Мы должны что-то сделать! Их надо спасти! — кричала шокированная девушка.

— Я Извозчик, а не Ангел, мне нет дела до местной фауны. Даже ангелы в нее не вмешиваются, — холодно отрезал водитель.

Машина медленно проезжала через поселение лесных содомитов.

— Черт, — процедил водитель сквозь зубы. Веселящаяся толпа обступила машину со всех сторон, один фавн подошел с кубком вина и постучал в окно.

Извозчик нехотя опустил стекло, сунул в ухо что-то похожее на гарнитуру и произнес на незнакомом для девушки языке:

— Тебе чего?

— Выходи, повеселись с нами, милый человек, — лыбилась придурковатая харя фавна с козлиной бородкой.

— Я спешу. Прошу разойтись, — отрезал шофер, его правая рука аккуратно опускалась на кобуру с пистолетом.

— Боже мой! Какая прелесть! — воскликнул фавн, завидев девушку на заднем сиденье. В его глазах тут же загорелась влюбленность и животная страсть. — Отдай нам ее! Я дам тебе все вино, что у меня есть!

— Рядом есть лес, там найдешь, к кому пристроиться, это мой пассажир. Отойди от машины. — фавн грязными мохнатыми руками оставил два отпечатка на стекле Роллс-Ройса.

— Хорошо, — полуживотное убрало руки, но девушку на заднем сиденье завидело еще несколько похотливых морд.

Звериная толпа замычала о своих грязных намерениях, хватая машину в надежде поближе подобраться к объекту вожделения.

— Брат, ну давай мы тебе ее подменим на кого-нибудь, твои там не заменят, и бочку вина тебе в придачу отдадим, — дипломатично попытался договориться фавн, сдерживая своих брызжущих слюной друзей.

— Последнее предупреждение, — водитель наставил на него дуло пистолета. — Разойдитесь, или я открою огонь.

Фавн испуганно отпрыгнул от машины и показал открытые ладони, мол, без проблем, проезжай. Процессия нехотя разошлась, дав дорогу Роллс-ройсу.

Спрятав пистолет, Извозчик усмехнулся и уже собрался победоносно вдавить педаль в пол, как вдруг лесная толпа с ревом бросилась на автомобиль. Шофер резко ударил по газам, но машина не двинулась с места: мотор рычал, фары сверлили чашу впереди, кузов тряся, но что-то удерживало зверя из двух тонн магического сплава и энергии.

Пьяная нечисть подняла его на руки, и колеса бессмысленно вращались в сантиметрах от земли. Извозчик быстро потянулся за оружием, но тут перед глазами все круто развернулось, а его голова больно ударилась в потолок. Машина перевернулась, а улюлюкающая толпа уже пыталась оторвать дверь.

Элитный автомобиль лежит на крыше, кругом чудовища, сзади кричащая девушка, которую не спасти. Другого выхода нет. Извозчик принял единственно правильное для себе решение: он кое-как открыл дверь, выкатился из машины и, распугав выстрелами из пистолета кучу лесных чудовищ, бросился наутек.

Сатиры еще с минуту провожали водителя тупыми овечьими взорами, прежде чем он скрылся в темноте чащи, и снова переключились на машину.

Его они нагонят позже.

Девушка в ней оцепенела от ужаса. Она осталась одна в черном саркофаге, который уже начинали вскрывать десятки грязных волосатых лап.

Она металась по салону, стараясь куда-нибудь забиться, но тщетно.

Монстры недолго боролись с машиной, а с ней еще меньше. Несколько рук с легкостью вытащили кричащую девушку из машины. Она отчаянно билась ногами, вопила о помощи и пыталась выцарапать глаза рогатым насильникам, но калейдоскоп из тупорылых вонючих рож лишь улыбался и улюлюкал. Две ручищи больно сжали ее запястье, две ноги, а одна нахально трогала ниже талии.

«Кажется, я попала в Ад раньше», — успела подумать она, когда хохочущий смердящий старикашка с рогами попытался стащить с нее одежду.

— АЖ КХА МЕТУ МАХХГА! — что-то большое и очень сильное загремело за спиной. Фавны с сатирами, заблеяв как овцы, испуганно бросили девушку, словно раскаленный уголек.

Недоуменно она посмотрела на своего спасителя, и увидела, как к селению приближается... Пан! Она хорошо знала мифологию и ни с кем не могла его спутать.

Мохнатое лесное божество, высотой как три взрослых мужчины, громовой поступью внушительных копыт шагало к ним.

В Пане было мало человеческого: практически все тело заросло мхом и шерстью, вытянутое лицо больше походило на козлиную морду, два громадных желтых глаза светились в темноте словно прожекторы, а тяжелые рога в половину его роста то и дело цеплялись за ветви.

Неужели сам бог дикой природы пришел ее спасти?

Лесные содомиты прижилась друг к дружке и дрожали, созерцая своего повелителя.

— ХА! ХА! ХА! ХУТАКХА! — захохотал он, завидев кучку напуганных слуг. Он достал внушительную самодельную бутылку из ствола дерева, отпил из нее и громоподобно рыгнув, прогудел: — ВОТУГА НА МАГАК? ХА БЫ КЕРШ! — Пан достает из-за спины трепыхающийся мешок и осторожно высыпает содержимое. На землю падают несколько обнаженных женских тел: эльфийки, кентаврихи, гномихи и даже редкие горные феи: прекрасные юные девушки человеческого роста с яркими волосами и крыльями бабочек. Пьяная толпа животных заплотировала и запрыгала на месте от счастья, видя такой улов. — ХА ХАКИ-ТА! — довольно объявил он. Ядовитой иглой вонзилось осознание того, что это никакое не спасение. Просто лесной бог предложил им что-то получше. — ГА ПАЧИ-ЧИН-ХА! — он указал пальцем на нее, подтвердив опасения.

Оцепеневшая жертва, чудом избежавшая насилия, едва заметила, как упитанные самки панов, у которых от коз были только хвост над пышными задницами, копытца и маленькие рожки, взяли ее под руки, дотащили до какого-то сарая, швырнули в него и закрыли.

Сегодня ей удалось избежать досрочного попадания в Ад. А что будет завтра? А послезавтра? И доедет ли она вообще до настоящего Ада?

Она лежала в куче сена и не шевелилась. Крики жертв, вопли фавнов и сатиров под леденящий душу смех Пана невыносимой стеной страха вдавливали ее в землю, заставляя все ближе прижиматься к ней: пытаться зарыться, исчезнуть.

ГЛАВА 9

После перевозки я не спал, а сидел у себя дома на кровати. Пес Рекс смотрел на меня с опаской, принимая каждую минуту. Словно меня подменили.

Я встаю и открываю дверь.

— Уходи, — тихо говорю собаке.

Он встает и недоуменно поворачивает жуткую голову.

— Уходи, тебе больше не нужен хозяин.

Вопросительное скуление слышится от кошмарного черного пса.

— Уходи, ты мне тоже больше не нужен.

Пес колеблется, смотря мне в глаза своими багровыми искорками, а затем опускает голову и, поджимает хвост.

— Пошел! — толкаю его ногой, и только после этого, он обреченно ковыляет из квартиры.

Я не помнил этого пса, не помнил чувств к нему. Не знаю, зачем он последовал за мной в Мир Мертвых. Без него мне будет лучше.

Снова сажусь на кровать и смотрю в серую пустоту стены. Уже один.

Мое каменное одиночество, без движений, без мыслей могло продолжаться бесконечно долго, пока я не увидел на столе выпуск DeathDaily, который машинально взял у мальчишки пару дней назад.

Бледными холодными пальцами я взял выпуск. Первая полоса вещала:

ВЕРНЫМ СЛУГАМ — СИЛЬНЫЙ ГОРОД

После восстановления Город Суда станет еще крепче, а жителей ждут прибавки к жалованию. Об этом сообщил вчера корреспонденту "DD" пресс-секретарь Господина Смерть, Владо Танески.

Город стремительно оправляется от удара, нанесенного всечеловеческим преступником, Азазелем.

В пресс-службе аппарата Смерти сообщили, что Город восстановлен уже на 70 процентов, но строительство на этом не закончится.

— Чтобы впредь пресекать подобные инциденты, вокруг плато будет выстроена мощная заколдованная стена с дополнительными орудийными башнями, — сообщил Владо Танески, глава пресс-службы Смерти. — Президент Мира Мертвых лично будет контролировать ход работ, чтобы впредь ничто не угрожало жителям Города.

Также в загробной канцелярии отметили, что вместе со строительством стены для Слуг построят дополнительные фабрики по производству эмоций. Новые рабочие места, и приток инвестиций даст возможность увеличить жалование для каждого жителя Города...

Воспоминание. Оно есть. О моем первом прочтении DeathDaily. Около года назад я уже видел нечто подобное об увеличении жалования Слугам, если верить старожилам, такое печатается постоянно, но больше оболов выдавать не стали. Про инвестиции. Чьи инвестиции? Какие еще инвестиции, когда все делается за счет магии Смерти?

Я прекратил спрашивать себя. В Городе Суда не принято задавать вопросы.

Но что-то мне казалось, что и строительство дополнительных фабрик эмоций до конца не доведут...

Читаю дальше.

... что позволит повысить уровень счастья наших жителей.

Данные опросов показывают, что уровень удовольствия от существования работников Города Суда возрос на двадцать процентов.

«Вопреки всему в Городе становится лучше и лучше существовать», — считает скандинавская богиня Смерти. — И этому мы обязаны именно вам, наши дорогие Слуги. Вы отважно встретили угрозу в лице Азазеля и не было зафиксировано ни единого случая добровольного дезертирства на его сторону...

«Не было», — это наглая ложь, но меня не смущала эта нечестность. Как и то, что нигде не был упомянут Луций. Его нигде официально не упоминают, чтобы не было лишних вопросов.

Читать же эту пропагандистскую брошюру было просто любопытно. Не более того.

... Да и кто в здравом уме способен встать на сторону того, кто хотел разрушить порядок, нерушимый тысячи лет? Порядок, созданный Богами...

В дверь постучали.

Оставляю газету на кровати и иду к двери.

За ней встречаю два больших голубых глаза на белом изящном лице.

Анька.

Хорошо, что не Майкл, который сядет на уши и будет ездить по ним, пока задницу себе в кровь не раздерет. Но плохо, что не могу ее выставить также легко, как и собаку.

— Не мешаю? — спросила она. — Я видела твою машину у дома.

— Нет, проходи, — я подхожу к кровати и снова усаживаюсь на нее в ту же самую позу, только теперь смотрю не на стену, а на нее. — Что ты хотела?

На лице у нее написано, как ни странно, что пришла она не за тем, чтобы уложить меня на кровать.

— Я хочу поговорить с тобой, Артур.

— О чем? — мне несложно говорить. Хочет — пускай. Я каждый день с кем-то говорю. Только хотелось бы побыстрее.

— О тебе...

Поворачиваю голову в ее сторону.

— О чем именно?

Анька быстро шагает к кровати и садится рядом со мной.

— Артур. Может, ты сейчас не совсем осознаешь, но это для тебя очень-очень важно. Скажи, что случилось после того, как ты ушел от меня в ту ночь, после боя?

Ночь после боя. А что там могло случиться?

— Я не помню. Ты же знаешь, что я давно ничего не помню.

— Все ты помнишь! Тебя зовут Артур Орловский, незадолго до сражения ты расспрашивал меня о себе, тебя чертовски интересовало, кем ты был. Ты выглядел взволнованным, ты очень хотел узнать все, прошлое стало возвращаться к тебе!

Ее голос замедлился. Замедлился сначала до растянутого неженственного баса, пока не перерос в вой двигателя. Неистовый вой двигателя, а следом громкий, чудовищно громкий, будто весь мир взорвался, удар. Он и вывел меня из ступора, заставив вздрогнуть и снова посмотреть на Аньку.

— Я не помню. Может из-за выброса энергии, когда я выстрелил в Луция.

— Что? Артур, не неси чушь! Какой выброс энергии? Ты дальше всех других Хантеров от него был.

Я почувствовал раздражение. Не знаю, почему. Словно черепаха, которой сверлят панцирь.

— Аня, спасибо, я в норме. Я не нуждаюсь в твоей помощи и чувствую себя лучше, чем раньше.

Анька вскочила с кресла и пугающе пристально вгляделась в меня.

— Артур, я так и думала... Они стерли тебе личность.

Снова тот звук ужасного удара застыл в памяти. Удара, оборвавшего мне жизнь. Треск стекла следом за ним. И треск, превращающийся в скрежет скальпеля... По черепу.

— За то, что ты слишком много знал и сделал... Я ненавижу их, Артур, за это.

— Ты не можешь ненавидеть, у тебя нет собственных чувств, — я встал и стал надевать пиджак. — Мне нужно идти работать.

Я спешно пошел к выходу из квартиры.

Анька за мной.

— Артур, тебе не сбежать от себя, — она перегородила мне дорогу. Но я оттолкнул ее. Я чувствовал, что она угрожает моему новому спокойному миру. Она пожар в моем тихом лесу, где я никого не хочу видеть. — Артур! Я помогу тебе, слышишь?! Артур! — она кричала вслед, а я быстро спускался вниз.

Вслед мне смотрел и грустный взор Рекса, сидящего на лестнице.

Он все еще не верил, что больше не со мной.

ГЛАВА 10

"Господи, ну почему я даже в Ад нормально попасть не могу!", — взмолилась Вика в плену фавнов. В вонючем сарае, где помимо нее вопило еще одно существо, очень похожее на стройную девушку.

Но то, как выгибалось в темноте ее связанное тело, и какие душераздирающие вопли она издавала, говорило об ее нечеловеческом происхождении.

Вика была даже рада этим яростным воплям бессилия в паре метрах от нее. Они заглушали другие крики, те, что снаружи. Те, в которых яростной, но бесполезной борьбы было куда больше.

В какофонии звериных и человеческих воплей, мужских и женских голосов. Эти звуки ей предстоит не только слышать, но и издавать в Аду, если она каким-то чудом выберется отсюда. Или здесь, если не выберется. В сущности, разницы нет. И там, и там ее будут мучить рогатые бездушные твари.

С ней никогда такого не могло произойти в жизни.

Всю свою жизнь она практически не выходила из дома без охранника. Его нанимал отец, который старался уберечь ее буквально от всего: в доме не должно быть никаких острых углов, все игрушки надежно проверены на наличие заразы, вся еда только с домашнего стола, где его готовит личный повар, и, конечно же, на улице она и шага не могла сделать без контроля.

Отец запугивал ее рассказами про своих врагов и маньяков, которые поджидают ее в темноте и готовы выпрыгнуть оттуда. И никто не поможет, кричи не кричи. Грубые, безобразные руки как когти стервятника утащат ее в темноту, ужасное склизкое щупальце между ног надругается над ней, а перед глазами, не мигая, будут два стеклянных глаза, равнодушных к ее мучениям. И улыбка. Тонкая, изогнутая, как шрам от ножа, полоска ухмылки маньяка. Отголосок радости от чужих страданий в его разлагающейся душе.

Да, ее мучили кошмары об этом, да, она сама начинала верить в то, что дом — это крепость, за пределами которой ее не ждет ничего, кроме страшных чудовищ и раскаленной лавы.

Она была совершенно не готова к обществу.

Поэтому ей было так тяжело в элитной школе для богатых, среди самовлюбленных малолеток, которых родители завалили подарками и безделушками и каждый день напоминал соревнование, кого маменька больше озолотила на новый телефон или прикупила пиджачок от элитного бренда.

Вика была слишком скромной и слишком умной, чтобы существовать в этом обществе постоянного турнира чужих статусов. Сначала в школе она была замкнутой девочкой, старалась выглядеть как серая мышка и не высовываться, но результат был обратный. Ее скромность и делала из нее белую ворону, изгоя, предмет для всеобщих насмешек от противных, хвастливых человеческих выродков.

Со временем она перестала учиться. Ее куда больше занимало рисование и музыка, то, где можно быть самой собой. Творить, витать в облаках, создавать и проживать тот мир, который она пожелает. Вика могла часами проводить в своих грезах и мечтаниях и даже пробовала писать фантастические истории о рыцарях и принцессах.

Но такой расклад продолжался совсем недолго.

Весь ее маленький уютный мирок, в котором она бежала от одиночества и несвободы, разрушила ее мать. На ее похоронах Вика плакала и скорее от счастья, чем от боли.

В голове хлопками выстрелов всю жизнь звучали ее фразы: "Да ты же никчемная! Посмотри, как ты учишься", "Да без нас ты вообще никто!", "Ты настолько глупая, что у тебя и не может быть друзей!". Все эти фразы ее мать, одаренная тонкими аристократическими чер-

тами лица, произносила надменно подняв величавую голову. Ее тонкие губы едва отлеплялись друг от друга, когда она топила свою дочь этими словами.

Поэтому Вика любила только своего отца и слушалась его, выдерживая эту чрезмерную опеку над ней, а с матерью пылал костер взаимной ненависти, в который мать от души подбрасывала свежих дров.

В молодости она была несостоявшейся актрисой. Она хотела денег и славы, и относилась к творчеству именно как к их потенциальному источнику. Видимо, поэтому у нее ничего не вышло на сцене, зато ей повезло в другом: выскочить замуж за богатого, но нелюбимого мужчину. И идея обзавестись ребенком исходила исключительно от него. С неохотой, чтобы не быть выброшенной обратно в нищету из такого удачного брака, Таисия согласилась и даже первые несколько месяцев после родов изображала повышенный интерес к дочке.

Но потом ребенок, опека над ним, да и вообще роль порядочной матери вместо желанной женщины на сцене, стала для нее омерзительной.

Настолько, что она не видела в дочери ничего, кроме вечно унылого проклятья с мокрым местом там, где глаза.

Таисия бы с радостью спихнула Вику на попечительство няnek и прочих третьих лиц, но строгий муж считал, что дочь должны воспитывать родители, а не какие-то "левые люди". Хотя и сам-то редко появлялся дома, уделяя львиную долю времени своему бизнесу.

Таисию это все бесило. Она, как и Вика стала птицей в роскошной, золотой, отделанной бриллиантами и орнаментами, но клетке. Они были сокамерницами в этом плену, где у тебя есть абсолютно все, где ты с головой окунаешься в океан роскоши, но все эти блески и стразы меркнут, и счастье тоже становится искусственным, как и все эти драгоценности, когда у тебя нет свободы.

Не в деньгах счастье.

С этим поспорит бедняк, который еле наскребает копейку, чтобы прокормить свою семью, и у которого вечные ссоры с женой на почве финансов.

Но никакой недостаток не заставит человека по-настоящему радоваться жизни, когда он несвободен. Неважно от чего, хотя бы от того же мнения окружающих, которым он должен постоянно доказывать свой статус.

Неволя многолика.

Это и невозможность быть самим собой, говорить и делать то, что ты действительно хочешь, панически дрожа за свою репутацию. Это и постоянная конкурентная борьба, чтобы быть первым, чтобы заслужить уважение людей, большей части из которых ты хочешь просто утереть нос.

Но не об этом сейчас речь. Речь о том, что случилось одним майским вечером, когда Вика училась в третьем классе. Речь о тех роковых семи вечерах, когда мать нашла тетрадку с ее рассказами и картинками.

— Этим ты занимаешься вместо учебы? — снова процедила она сквозь зубы. С таким неподдельным отвращением, словно нашла в ее вещах дохлого грызуна. — Мозги включай, а не в облаках витаешь! Чего ты этим в жизни добьешься?

И разорвала ее работы. Которые она делала целый год, который с любовью разрисовывала разноцветными ручками, над которыми часами размышляла, сидя у окна и, довольная собой, перечитывала и рассматривала.

На ее глазах мать цинично и с презрением разорвала целую огромную часть ее души и втоптала ее в грязь. Тогда Вика, как дикий зверек кинулась на нее, пыталась кусаться и царапаться, а мать отбивалась от нее, еще больше покрывая ее унижениями и оскорблениями. Именно тогда она увидела свою мамочку во всей красе: озлобленным существом, всем сердцем ненавидевшем своего ребенка.

И теперь вместо обиды и страха, в сердце Вики раковой опухолью разрослась ненависть. Не только к матери, но и ко всему, что ее окружало. Она перестала быть серой мышкой в своем классе, а постоянно хамила учителям и вступала в серьезные конфликты с одноклассниками, после которых в школу со строгим видом приходили их родители.

Все закончилось тем, что к четвертому классу Вика перешла на домашнее обучение, а депрессия, одиночество и нелюбовь матери испортили ей психику. В раннем возрасте она села на антидепрессанты, потому что ее состояние угнетения и паники стало невыносимым.

И она бы уже начинала вынашивать планы на самоубийство, которые исполнит, когда повзрослеет, если бы у нее еще в раннем детстве не появился первый, настоящий друг. Она с ним познакомилась, когда их семья ездила в их богатый загородный дом.

Это был соседский мальчишка, а впоследствии и ее одноклассник, сын одного известного военного чиновника...

Вспышка пронзительного крика взрывается за стенами сарая.

Вика бросается к небольшой щели между досками и смотрит туда.

Апофеоз разврата. Эльфийка, как взбесившийся светофор: ее обнаженная кожа истерически меняет свой цвет, покрывается древесной коркой или животной шкурой, но фавн с выражением лица бывшего наркомана хватает ее тело своими грязными руками, два других: что есть силы тянут ее руки веревками в разные стороны, так что слышен хруст суставов.

Крик эльфийки становится громче, а эротический припадок от этого становится на лице фавна еще более жутким. Он уже брызжет слюной, а его большой козлий член пускает густые белесые капли.

И когда крик эльфийки срывается на сдавленный хрип, он что есть силы входит в нее. Ее гладкие стройные ноги окрашиваются алыми струйками крови.

Звучит следующий вопль, в этот раз яростный. Маленький, но коренастый гном пытается освободиться из оков, но сатир позади, затыкает его ударом топора по голове. Но свежий труп не бросают. Другой сатир подхватывает падающее тело подмышки, аккуратно ставит его на колени, обхватывает голову, и...

Вика отпрыгивает от щели в стене.

ГЛАВА 11

С Анькой срочно нужно разрывать все контакты, избегать встречи с ней, стараться не пересекаться.

Об этом думал я, быстро ехав к кабаку "Утопленник" неподалеку от пристани.

В сущности, она ничего не сказала, но я ощущал какое-то беспокойство внутри себя: что-то там в глубине не просто шевелилось, а вцепилось лапами в прутья решетки и раскачивало свою клетку так, что шаталось все сознание.

Я принял несколько таблеток, но сильно легче не стало.

Нужно было напиться.

Убийственных магических коктейлей, чтобы наверняка перебить нечто внутри себя.

Удалили личность...

Да как такое вообще могло произойти?

Снова представляю, как острый скальпель прорезает кожу моего затылка, вгрызается в череп, а я беспомощно пытаюсь вырваться.

Нет, с этим надо кончать.

"Утопленник" похож на поломанную опрокинутую бочку с окнами. На стенах декоративно прилеплены искусственные фигуры утонувших людей с закатанными глазами, зелеными лицами и ужасающе раздутыми телами от нахождения в водном плену.

Машин совсем немного, поэтому "Додж" поставил без проблем. Сюда ходят, в основном, моряки в перерывах между плаваниями.

На входе в бар обыскивает вышибала, какой-то здоровенный Слуга в простом сером деловом костюме. Даже не Надзиратель. Все оружие осталось в машине, поэтому без проблем прохожу в эту обитель маргинальности Города Суда.

Если ты был образцовым бойцом морской пехоты или флота, ты вряд ли сможешь стать моряком, будучи Слугой. Ты будешь слишком хорош для этой работы.

То, что сидело за прокуренными и прожженными столами, хотелось назвать сбродом. Это чумазные мужики в перепачканных и рваных стеганных куртках только и делали, что громко ржали, матерились и пошло шутили.

И все бы ничего, если бы эмоции, растворенные в волшебных напитках, не побуждали их к действиям.

Один усатый матрос в оборванном плаще, похожий на трубочиста, навязчиво пристает к официантке, совершенно обычной человеческой девушке, немножко полноватой, с чуть горбатым носом, но достаточно симпатичной. Видать, принял, "Черта из табакерки", красновато-черный напиток с добавлением эмоций восторга и красной таблетки, запускающей механизм полового влечения.

Но охрана здесь работала исправно: высокий верзила с окладистой бородой усмирил его двумя ударами под дых и почти подмышкой тащил к выходу.

В сущности, "Утопленник" мало чем отличался от провинциального кабака в Мире Живых, разве что на сцене невозмутимо пел шансон человек-тюлень с брутальнейшим выражением лица, а битые стаканы и мусор за посетителями убирали флегматичные черепахи, закутанные в грязные мафории.

Заказываю "Экстаз камикадзе", бордовая как от марганцовки жижа, в которой так подобрено соотношение эмоций, что обретаешь задор вместе с бешеной уверенностью в себе.

После такого коктейля можно послать все к черту. Хоть ненадолго.

Наливают его в стеклянный стаканчик как виски. Беру, кидаю официанту, тоже человеку, несколько монеток и сажусь за пустой столик в темноте. Один.

Успеваю заметить еще двух одиноко сидячих Извозчиков.

В одном из них узнаю одного древнего. Его лицо знакомо, мы пересекались с ним в отряде Хантеров. Кажется, его зовут Валентин.

Он молод, потому что умер в таком возрасте, но я знал, что ему сотни лет. Он, как и я одиноко сидит и пьет куда-то в стену невидящий взор. Он, как и я, не поворачивается в сторону шумных матросов. Он, как и я, сосредоточенно пьет тот же самый напиток.

Старые Извозчики всегда отличались своей нелюдимостью, они практически ни с кем не разговаривали, они просто делали свою работу и их все устраивало. Прямо как...

...Я

Куда-то в стену моей черепной коробки светит прожектор. И на ней кадр черно-белого фильма, на котором болезненно усмехается размытое сгнившее лицо. Его чахлая и сухая, как осенний лист, щека осыпается от каждого движения лицевых мышц.

— ...Артур. Ты понимаешь, личность вредная и болезненная вещь для Слуги Смерти, со временем от нее нужно избавляться, как от молочных зубов.

Почти у всех старых Извозчиков удалены личности. Небезопасно для Смерти держать таких опытных людей. Эта мысль как какое-то очевидное положение всплывает у меня в голове.

Непонятное и неконтролируемое ощущение беспокойства снова шевелится во мне. Как скованный дракон, он едва движется, но я ощущаю его мощь. Что будет, если оно вырвется...

Я изучаю бардовое содержимое стакана, на дне которого покоится черная куриная лапка. В самом деле, если бы у меня не было личности, смог бы я беспокоиться об этом? Почему меня вообще тогда стал заботить этот вопрос?

— *Ты забыл, Артур, —* в голове появляется подобие голоса, снисходительный и мягкий. Как у Луция. — *Они личность блокируют, а не стирают, ее нельзя стереть, а если она очень сильная, как у тебя, то будет проситься наружу...*

Поток мыслей и причинно-следственных связей пришел в движение, как беспощадный поток реки, прорвавшийся через плотину. Я уже не мог его остановить.

Как и другой Извозчик, сидящий в этом кабаке, я сижу один. Значит, и он не любит компании, ему не нужно общение, и он старается его избегать. Плюс, я опять почти ничего не помню о себе, хотя Анька говорит, и я ей почему-то верю, что до битвы действительно начал что-то вспоминать о своей жизни.

А сегодня я избавился от нее, хотя все свое время в Мире Мертвых был с ней в тесных отношениях и даже воевал вместе. А еще выгнал своего пса.

Я резко изменился после битвы за Город Суда, и Анька права: причиной тому не выброс энергии из Луция, когда я выстрелил в него. Это...

Мое сознание вопило и орало, сигнал тревоги грохотал в каждом синапсе мертвой материальной души, поток моих мыслей начал блокироваться, словно в туннелях моего рассудка резко приказали задраить иллюзы. Меня силой вытаскивали из осознания этого.

Ощущение, что голова тебе перестала принадлежать было настолько мучительным, что я схватил стакан и осушил половину.

И из-за этого другая песня заиграла в голове и в теле. Я почувствовал себя сильным и стремительным, как дикий зверь. В считанные секунды эти чувства захлестнули все предыдущие мысли. Я сидел, и каждый мускул моего тела был напряжен, словно я готов к прыжку.

Эта энергия требовала выхода. Любого. И немедленно.

К счастью, я заметил движение в другой стороне кабака. Очередная драка, мат-перемат, и я вижу, как трое дюжих моряка избивают какого-то парня. Двое держат его за руки, а третий наносит размашистые удары по лицу и животу. После каждого хлопка мощным кулаком по голове, избитый продолжает орать и плевать в своего мучителя.

Присматриваюсь. В роли груши для битья с лицом, залитым густой мертвой кровью, я едва узнаю... Майкла?!

Хотя это неудивительно, его можно случайно встретить в любом питейном заведении Города Суда, где он просаживает оболочки за игрой в карты, или пытается прибиться к собутыльнику, который станет его угощать.

Присматриваюсь еще, и вижу, кто его избивает. Невозможно спутать. Мятая треуголка поверх лысой головы с уродливым шрамом на затылке, невысокий рост и широкие плечи. Даже со спины он узнаваем, даже в этой новенькой, еще пока чистой шинели.

Шкипер. Филипп Ван дер Деккен. Капитан того гигантского судна, в которое когда-то превратили Летучий Голландец. Судна, на котором мы с Майклом работали.

Этот человек знал толк в том, как превратить твою жизнь в Ад. Ежедневные пытки и истязания матросов под руководством его свиты были в порядке вещей. Сломать матросу ногу, бросить его на корм акулам, подвесить под палубой — для него это ежедневное развлечение.

Голландец — один из самых крупных кораблей в Городе Суда, и единственный, кто управляется демоном (Филипп еще живым заключил сделку с дьяволом), но жесток он не поэтому. Говорят, что и при жизни Деккен не славился хорошим нравом и даже убил возлюбленную одной девушки, которую перевозил, чтобы сделать ей предложение. Но после курорта

в "дьявольском санатории" его рассудок подвинулся окончательно. Его тяга к насилию стала маниакальной.

Картинка происходящего в баре встала на свои места.

Шкипер после очередного плавания в Ад для доставки свежей партии будущих демонов, зашел со своей проклятой командой пропустить пару...рюмок? Нет, пожалуй, божек, а потом его встретил Майкл, который прекрасно помнит, как Деккен с ним обращался.

Полюбому сначала Майкл сделал вид, что не заметил его. Мертвым все равно, а потом он принял на грудь, и ощутил порыв большой и сильной "любви" к своему бывшему капитану. Вот он и накинудся на него.

А избивание Майкла, тем временем, продолжалось. Охрана стояла и не вмешивалась, осматривая другие участки бара. Явно Шкипера здесь боятся.

Залпом допиваю остаток напитка.

Взор Майкла размыт, но даже сквозь него видна ухмылка Шкипера.

Очередная ухмылка маньяка, довольного тем, что может причинять страдания.

— Я буду медленно забивать тебя до смерти, — смакуя каждое слово, наслаждался Деккен. — А потом сожгу твою машину. Чтобы ты страдал в вашем сраном Госпитале, а затем снова попал ко мне на корабль...

Шкипер занес свой волосатый кулачище для удара, но не успел пустить его в ход, а всем телом упал на Майкла, а затем на пол. Под треск разбитого об его голову стула.

Разбитого мной.

Двухметровый бородатый костолом, что держал Майкла под левую руку размашисто ударил кулаком в сторону моей головы.

За капитана.

Легким боксерским движением ныряю ему под руку, бью сильный прямой правой рукой под дых, а затем левой в челюсть, и мощным апперкотом снизу срубаю громилу. Его накачанная тяжелая туша рушится на пол.

Официантка, аккуратно проходившая мимо с железным подносом, на котором лежало две пустые бутылки, собирается побыстрее убраться, но я выхватываю стальной четырехугольник из ее рук.

Звук битого стекла упавшей с подноса бутылки. Ультразвук ее крика (скорее, дань привычки кричать в подобных ситуациях, нежели настоящий страх) и звон железа от удара подносом в лицо второго верзилы.

Пока он вслушивается в симфонию звона в ушах, глаза бегают за звездочками, а ноги подкашиваются, бью голенью в середину бедра, чтобы ускорить его встречу с полом.

На подходе третий: он орет и бежит на меня. Тощий, в рваной рубашке, с щетиной и длинными волосами. Впалые щеки и серые безумные глаза. Он несется, открыв все, что можно для удара.

Крайне глупо атаковать так бойца рукопашного боя. Делаю подшаг боком в его сторону опорной левой ногой, а правую вколачиваю ему прямо в грудь. Удар был как бампером внедорожника. Моряка швырнуло на стол, где он снес бутылки, а затем беспомощно свалился с него.

— Ах ты сука! — я услышал крик Майкла. Он оказался на Шкипере сверху и уже беспорядочно молотил его кулаками.

А меня отвлекает еще один треск битого стекла. В этот раз другой подручный Деккена разбил бутылку и хочет проколоть меня "розочкой".

Что ж, после смерти растяжка не пропадает...

Удар ногой в прыжке с разворота!

"Вертушка" в голову получилась настолько хорошей, что бедолагу даже в воздухе крутануло прежде, чем рухнул.

А Шкипер, тем временем, перехватил инициативу и уже сверху накидывал удары по затылку Майкла. Тот отчаянно пытался закрыться и скинуть ненавистного капитана.

На шум пришел еще один член команды Деккена. Наглухо обкуренный, он стоял в дверях, в шляпе и потертом кожаном плаще. Завидев меня и побитых товарищей, он тянется за мушкетом...

Я все еще сжимаю поднос...

Рука моряка вынимает такой же потертый, как он сам мушкет...

Я оказываюсь быстрее!

Как тарелка для игры во фрисби поднос влетает ему прямо в горло. Подручный Шкипера хватается за горло и случайно стреляет в люстру. В кабаке становится чуть темнее.

На столе, куда я ударом ноги отправил тощего моряка, стоит тоже весьма увесистый подсвечник в форме пушечного ядра, но с отверстием под свечу посередине.

Не даю голландцу оправиться и швыряю предмет ему в голову. Еще один глухой стук по черепушке, и вот бравый мореход уже развалился в дверях.

Следующий удар носком ботинка достается Шкиперу. Тот моментально отлетает от Майкла, но быстро встает и с криком достает изогнутую абордажную саблю.

Напиток дал мне невероятную реакцию и силу. Я словно зверь, которого ни подловить, ни убить.

Шкипер бесится, его рот открыт от злобы, он режет воздух саблей, а я уклоняюсь и отступаю, выжидая момент.

И тут он взмахивает рукой так сильно, что заваливается назад. В этот момент делаю шаг вперед, вцепляюсь в запястье и бью коленом в пах. Не знаю, насколько мертвецу это больно, но яростный вопль застрял у Деккена в горле.

Не давая ему оправиться, бью головой в нос, и когда его крепкая кисть разжимается, ломаю ее нехитрым приемом. Меч падает на пол, а Шкипер издает сдавленный хрип.

Добиваю капитана легендарного Летучего Голландца, потянув его за одежду на себя и воткнув локоть в челюсть.

От такого встречного удара и "гроза морей" падает.

— Вот блядь, Артур, а ты еще круче, чем я думал, — говорит Майкл, когда я помогаю ему встать. Выглядит он не очень. Лицо в синих гематомах и кровоподтеках.

Пару зеленых таблеток и оправится.

Помогаю ему добраться до свободного столика и усаживаю за него. Охрана не выгоняет нас, она отвернулась. Как и все остальные посетители бара, которые сначала отвлеклись на драку, а потом снова приступили к выпивке.

Как ни в чем не бывало.

Только побитые голландцы уползли, бормоча проклятия, а Шкипер угрожал чем-то вроде расправы и жалобами лично Смерти.

Пропускаю мимо ушей. Ни черта мне не сделают.

— Девушка! — обращаюсь к официантке, которая все еще стояла как восковая фигура. Та, у которой я выхватил поднос. — Принесите нам меню.

ГЛАВА 12

Та, что посетила хозяина, ушла, и Рекс совсем один остался на лестнице. Он ждал, опустив голову на лапы.

Ждал, что хозяин, с которым он провел всю свою жизнь и за которым пошел на тот свет, еще вернется. Как всегда, скажет что-то ласковое и потреплет его по щеке.

Но что-то внутри пса холодно и безнадежно подсказывало, что в этот раз такого не произойдет.

Хозяин стал *другим*... Он стал еще холоднее, чем был, он почти перестал обращать на него внимание.

И вполне возможно, что теперь Рекс стал ему больше не нужен.

Пес долго не хотел верить этому. Он все еще сидел и ждал. Может, случится чудо, и хозяин вернется? Одно маленькое, но такое важное чудо...

Но хозяин, уходя, даже не взглянул на него.

В соседнюю квартиру пришел скрюченный маленький Слуга и стал неуверенно кричать на большого пса.

Рекс раздраженно оскалился, и тот убрался восвояси за дверь. Он почувствовал себя чужим, никому не нужным здесь и неспешно побрел по лестнице вниз.

Пес покинул дом и еще какое-то время постоял у входа, опять же, надеясь на чудо.

Но когда его снова не случилось, он уныло зашагал на мускулистых черных лапах по Городу. Городу, где носятся тысячи черных машин, как у хозяина. Городу, где ходят тысячи таких же как хозяин людей в черных шкурах, которые они снимают вечерами.

Но нет знакомого родного запаха, нет в проходящих мимо бледных лицах знакомого выражения.

Без хозяина все это большое пространство стало бесполезным и мучительным. Оно напоминало Рексу об Артуре, как они гуляли здесь вместе, как он резвился в его парках, как лаял на прохожих, которые шарахались от большого чудовищного пса, как Артур кидал ему палку, а затем трепал за ушком и называл "хорошим мальчиком".

Здесь невыносимо находиться.

Здесь слишком холодно и слишком одиноко.

Это как смерть или даже хуже. Последний раз он чувствовал себя так, когда хозяин погиб. Несколько дней пес ничего не ел и не пил, сидя в своей комнате. Он знал, что Артур больше не в этом мире, и, не видя, смысла находиться без него здесь — пошел следом. По белому туннелю, что открылся перед его усталым, изможденным от голода и жажды взором.

Но куда теперь пойти за хозяином, если он тебя прогнал?

Да, пожалуй, это куда хуже смерти, эта брошенность и ненужность.

Как на смертном одре перед глазами пса проходили лучшие моменты его жизни с Артуром.

Миска с теплым молочком в дождливый холодный день, какие часто бывают в этом Городе. Он тогда напуганный и дрожащий набрел на его дом в лесу и сначала с опаской, а потом жадно лакал оттуда, пачкая молоком мокрый носик.

Как Артур выбегал с ним рано утром, и, едва солнечные лучи прогревали улицу, они мчались с ним по парку. Хозяин улыбался и трепал его по уху, а затем делал какие-то странные вещи на вертикальных и горизонтальных приспособлениях: подтягивался и отжимался, а затем они шли на площадку, где уже сам Рекс восторженно перескакивал через заборы, прыгал и резвился.

И все это время ему было весело, он слышал добрый голос хозяина и чувствовал его сильную руку, которая никогда не поднималась против него.

А вечерами, в том же самом загородном доме, где хозяин и подобрал его, часто бывала гроза.

Рекс боялся грозы, она заставляла его вспоминать те ужасные моменты, когда он еще щенком бродил по лесу, и лишь то, что он вышел к дому Артура спасло его. Тогда он забирался к хозяину в кровать, а тот смеялся и обнимал его.

Его хозяин был очень смелым. Как-то злые люди, от которых очень неприятно пахло таким жутким напитком, от которых люди становятся бешеными, напали на него. Хозяин раскидал всех, а Рекс вцепился одному в ногу и так горд был тем, что спас хозяина. Он тогда дал ему еще очень вкусного мяса и снова одобряюще трепал по уху.

Где же теперь это все... Что случилось? Где же он так согрешил?

В Городе Суда, из которого несутся черные машины по длинному широкому мосту.

Медленно идет по его тротуару только большой черный пес. Горестно опустив голову, неспешно подтягивая одну лапу к другой.

ГЛАВА 13

— Как же мы этих мразей отделали! За все, что делали с нами! — широко улыбается Майкл. Денег у него, как я и предполагал не было, поэтому купил себе и ему "Свежесть бытия". Зеленоватый коктейль с трубочкой, отдающий мятой.

С каждым его глотком, у Майкла затягивались раны на лице, а у меня исчезало желание почесать об кого-то кулаки.

— Ты сегодня возил кого-нибудь?

— Да, ночью, женщину одну.

— Красивая? — Майкл похотливо усмехнулся.

— Она в возрасте, но старой себя не чувствует. Верит, что возраст не имеет значения, жила на полную катушку.

— Ооо, я бы с ней побеседовал, — встречает мой недоуменный взгляд. — Ну, не как с девушкой, — снова усмехается. — Мне нравятся такие люди. Амбициозные. Рисковые. С ними можно устроить, — он наклоняется ко мне и шепотом: — Революцию.

— Что?

— Ну а с кем ты еще революцию хочешь делать? Газеты молчат, но в Городе уже много, кто знает, что погром устроил Луций. И знают об его идеях.

— Откуда?

Майкл заговорщицким тоном сказал, резко оглянувшись по сторонам:

— Не весь персонал Здания Суда эвакуировали в тот день. Кое-кто из простых Слуг просек, что происходит и рассказал остальным, а там и сарафанное радио сработало, да и живем мы в не в таком уж большом городе. В общем, слушок пошел. Но проблема знаешь, в чем...

— В чем?

— Почти все Слуги — это сплошные овощи, — он развел руками. — Они все знают, все понимают, но никто не хочет ничего менять! Они недовольны, что те эмоции, на которые они зарабатывают, не дают полноценной жизни, что они вечно работают за копейки, что их лишают личности за творчество и другие проявления себя, но... они не хотят объединяться! Совсем! Хотят все оставить как есть. Представь, насколько они аморфны! Они живут так тысячи лет, и только Луций по-настоящему дерзнул что-то поменять...

— Неудачно.

— Это не поражение, Артур, — Майкл довольно потянулся за стаканом. — Луций достиг главного: он заставил Слуг увидеть, что их участь не вечна, что Смерть можно победить, что простой человек может быть таким феерически сильным, что раскидает богов, — он сделал длинный глоток так, что трубочка отозвалась звуком всасывания. — Это уже победа. В головах, — он показывает пальцем на лоб.

— Зачем ты мне это рассказываешь? Этоя остановил Луция, и разрушил все надежды вашей... оппозиции.

— Вот именно поэтому, Артур! Ты оказался хитрее и сильнее его, и понимаешь, что к чему. С тобой можно иметь дело, — он похлопал меня по плечу, насколько позволяла ширина деревянного стола. — Чувак, мы создадим сопротивление. Но нам нужен хороший способ завлечь людей, — Майкл начал быстро говорить: — Я предлагаю снять фильм. Чувак, у меня уже есть идеи! Есть сценарий!

— Майкл...

— Поверь, и опыт у меня тоже есть. Чувак, я жил в Америке, я учился в Лос-Анджелесе на курсах у лучших мастеров Голливуда. Короче...

— Майкл...

— В общем, мы найдем актеров, мы снимем его, и люди зашевелятся в своих норах.

— Майкл, в Городе Суда нет телевизоров. ТВ собираются ввести, чтобы можно было лучше доносить информацию до Слуг, но сейчас его нет. А к экранам, которые транслируют на здания, мы не подключимся.

Майкл замолчал, словно я дал ему какое-то божественное откровение.

— Черт, а ты прав. Это их идеологическое упущение, что они еще не ввели телевизор, так было бы проще управлять массовым сознанием, и нам было бы проще донести наш фильм всем. Ну ничего. Мы напишем книгу или издадим свою газету...

Мысли Майкла отвлекла приближающая официантка. Симпатичная брюнетка с короткой стрижкой и чуть круглыми щеками. Она несла нам добавку. Завидев ее, Майкл резко, будто солдат, просыпающийся в казарме, снял уже не совсем белый, пропитанный кровью галстук и расстегнул две пуговицы на своей черной рубашке.

— Ваша "Свежесть бытия", пожалуйста, — объявляет девушка, снимая с подноса два напитка.

Майкл не сводит с нее глаз.

— Постой, — он осторожно берет ее за руку. Она непонимающе смотрит на него. — Ты с виду вся такая приличная, но я вижу в твоих глазах неистовый огонек. Нашей надвигающейся близости... — с особым акцентом на последнее слово выдал он.

— Что? — вяло спросила она. Для возмущения девушке явно не хватало эмоций.

— Присядь, я тебе сейчас все расскажу.

Официантка сканирует его с каменным выражением лица.

— Крошка, мы не только хорошо деремся, мы еще и творческие люди, мы хотим издавать свои книги для Слуг Смерти, ты бы очень помогла нам. Я к тому же еще режиссер, учился в Голливуде. Короче...

— Мне пора, — девушка, не меняя выражения лица, механически разворачивается и уходит.

— От черт! — огрызается Майкл. — Как же тяжело с этими мертвыми телками. При жизни всегда прокатывало. Ошеломил их, сразил наповал, и, пока она пытается понять, что происходит, вешаешь ей на уши чего угодно, и вот она уже у тебя в койке. Гениально просто!

— Трудно ошеломить человека без эмоций.

И чего он хотел от этой девушки? Без красной таблетки у него всегда "на полшестого", а эмоции как Луций он вряд ли может чувствовать самостоятельно.

Вдруг пространство начало искажаться. И нет, это не от напитка. Я вцепился в уголок стола, чувствуя, как все дрожит, будто началось землетрясение. Судя по тому, что Майкл что-то увлеченно отвечал мне в ответ, а официантки продолжали снова по "Утопленнику", такое состояние было только у меня.

А затем, звуки стали затихать так, будто кто-то схватил колонку и побежал с ней куда-то, а люди в кабаке исчезли. Как и свет. Я словно оказался в закрытом на ночь заведении.

— Артур, — с треском холода передо мной возникла Мара. Там, где сидел Майкл. — Душу схватили в плен в районе Шерстистых Холмов.

Снова треск ломающегося льда, свет и звук вернулись, а передо мной лицо Майкла.

— Ты чего залип, Артур?

— Мара связалась со мной, — я быстро встаю из-за стола, не допив коктейль. — Нужно ехать за душой. Местные.

— Я с тобой! — Майкл тоже вскочил.

— Там может быть опасно.

— Чувак, мне это и нужно! — он залпом осушил стакан, выронив трубочку. — Я подсоблю тебе, если что.

— Как знаешь. Только не путайся под ногами.

— Чувак, я буду поддерживать тебя издалека, у меня в багажнике есть СВД. Мой отец воевал на Ближнем Востоке и научил ей пользоваться!

Зная, что Майкл любит изрядно приукрасить свои достижения, я скептически кивнул:

— Хорошо.

Мы направились к выходу.

Снова работа. Снова мои мысли из моего внутреннего мира целиком и полностью перенеслись во внешний. Снова мне не нужно размышлять о том, есть у меня личность или нет.

Умиротворение. Это сладкое умиротворение.

ГЛАВА 14

Эльфийское королевство, События происходят спустя сутки после Битвы за Город Суда,

— Что там, эльфийка? — нетерпеливо спрашивает Вегарь у Ливенфель, которая склонилась над фолиантом и неторопливо перелистывает большие страницы.

— Все очень странно... И непонятно! — возмущенно фыркает она. Ее фиолетовые глаза ярко засияли и с напряжением бегали по строчкам. — Здесь написано и о хозяевах Химеры, но что-то очень странное. Что это повелители нашего мира, во главе которых стоит сущность, которой подвластна сила смерти. И что наш мир, и мир, откуда поступают люди, не один — их бесчисленное множество! И на далеких звездах, и в параллельных мирах...

— Какие знания были доступны вам, — изумился Вегарь.

— Но хозяева настолько могущественные, что мы не могли ими воспользоваться против них, — Ливенфель все еще бежит глазами по тексту. — Они полностью контролируют весь этот мир и только магия Титанов, изначального народа нашего мира, позволили бы как-то изменить ситуацию... Но все попытки были неудачны: без Химеры, порожденной Титанами, этого не удавалось достичь.

— Странно, когда рухнула Гора Гномов, именно человек смог пробудить их древнюю силу... Но как?

— Здесь не сказано. Здесь ни слова о людях.

— А о Химере? Написано, как мы можем ее возродить? — нетерпеливо допытывался бог кентавров.

— Сейчас, — глаза Ливенфель вспыхнули еще сильнее, и зрачки бешено забегали. Она перелистывала одну страницу за другой. — Эльфы не способны возродить Химеру в одиночку... Написано, что были попытки... Так... Вот! Есть предположение, что ее смогут возродить только совместными усилиями наших народов.

— КАК? — Вегарь в нетерпении сошел на свой громогласный бас.

— Тут только предположения. Что это могут сделать Идолы каждого изначального народа. Но все эти попытки прекратили потому, что наши народы либо разбросало по свету, либо мы стали непримиримыми врагами, — она дочитывает главу до конца. — Все. Разве что написано, что нужно провести какой-то ритуал... Там, где эра Титанов закончилась. Где до сих пор вопят их души.

— Долина Бешеного Камня, — выпучив глаза от осознания того, как все просто прошептал Вегарь.

— Но что это может быть за ритуал? — Ливенфель недоуменно уставилась на Вегаря.

— Ритуал крови, — ответил Вегарь. — Ритуал, призывающий духа предков. Поскольку мы первые в своем роду, и каждый из Идолов призовет ее, то этой силы хватит, чтобы Ее Дух откликнулся на Зов. ХИМЕРА ПРИДЕТ...

Ливенфель поняла, к чему он клонит. Бог не все свое время присутствует рядом со своим народом. Его призывают в особенные моменты: либо по Празднованиям, связанным со сменой времен года, либо, когда народ особенно в нем нуждается: в решающих сражениях или, когда народу грозит опасность.

К примеру, кентавры давно воют с эльфами, но сам Вегарь пришел лишь в решающем сражении, когда они уже почти захватили эльфийскую обитель.

Вегарь пришел и преломил ход сражения в пользу кентавров. Все остальное время бог народа прибывает в состоянии, схожем со сном.

В нем он неустанно следит за каждым существом своего рода, за его судьбой, поступками. Бог народа из этого состояния может слышать молитвы, помогать нуждающимся или карать тех, кто поступает бесчестно.

Поэтому эльфы верят, что Дух Леса не растворился в природе, пропитав магией каждый уголок их обители. Он пребывает в покое, но по-прежнему слышит каждого из них. И однажды обязательно вернется...

Но речь не об этом. Когда народу грозит опасность, когда наступает Праздник смены времен, каждый народ проводит собственный Ритуал крови.

Во время него у алтаря собираются все, кто является частью своего народа и берут в руки ритуальные ножи.

В разгар ритуала нужно чтобы пролилась кровь.

Каждый, кто стоит в круге, должен нанести себе порез и произнести клятву верности своему Идолу. В унисон. Единовременно.

Поэтому Вегарь и сказал, что для ритуала, который может вернуть ушедшую Химеру, или хотя бы призвать ее дух, нужно, чтобы каждый ее отпрыск принес в жертву свою кровь...

То есть, все Идолы должны собраться вместе и провести свой ритуал. Как же это сделать, когда многие народы уже давно не призывают даже своих богов?

— Но Дух Леса... растворился, — сказала Ливенфель. — Как он сможет участвовать в вашем ритуале?

Вегарь замолчал, опустив косматую голову.

— Даже если мы соберем других Идолов... — начала эльфийская королева, но промолчала. Все итак понятно. Затея провальна.

Блюдца глаз Вегаря забегали, словно он пытался спешно придумать решение, но в голову ничего толкового не лезло. Наконец он выдал:

— В Ритуале Крови не всегда присутствуют все мои дети. Раненые войны, разбитые усталостью старики и маленькие дети, едва научившиеся стоять на копытах, могут не приходить к моему алтарю. Тем не менее, энергии оставшихся хватает для того, чтобы пробудить меня ото сна и дать явиться к своему народу в истинном облики.

— Ты намекаешь на то, чтобы провести этот ритуал без Духа Леса?

Вегарь одобрительно кивнул. Кусты его бороды заколыхались как от ветра.

— И во что я ввязалась? — вздохнула она. — Ты ведь знаешь, что народ эльфов велик, и Дух Леса был величайшим из всех Идолов, которые только существовали. Без него у вас ничего не вый...

— ТЕБЕ НЕ К ЧЕМУ РАСПИНАТЬСЯ, ЭЛЬФИЙКА! — погасил Вегарь разгорающуюся пламенную речь Ливенфель о могуществе эльфов. — Я ЗНАЮ, КАК СИЛЕН БЫЛ ДУХ ЛЕСА, И КАКОЙ МАГИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИЕЙ ОН ОБЛАДАЛ! И Я ПРЕКРАСНО ПОНИМАЮ, ЧТО БЕЗ НЕГО МОЖЕТ НЕ ПОЛУЧИТЬСЯ...

— Это авантюра, чистейшая авантюра, — Ливенфель отвернулась от фолианта. — Мы будем пытаться объединить все народы, с которыми не контактировали и даже враждовали, чтобы они призывали легенду!

— Я ЕЕ СЫН, ЭЛЬФИЙКА, И ДЛЯ МЕНЯ ОНА ТАКЖЕ РЕАЛЬНА, КАК ТЫ! — снова прикрикнул на нее Вегарь и подался вперед, но Ливенфель уже не боялась выпадов гигантского Идола. Видя, как эльфийка снова насупилась, бог смягчился: — Поверь, мы сумеем, нам хватит сил, чтобы освободить ее из заточения и снова призвать в наш мир. И тогда они уже не смогут безнаказанно убивать нас, — Лицо Ливенфель не дрогнуло от этого аргумента, поэтому он воспользовался вторым, который был куда более действенным в общении с эльфами, помешанными на своей исключительности. — И никто не сможет безнаказанно унижать ваш народ и топтать вашу обитель. Никто больше не сможет усомниться в вашем величии.

Лицо королевы переменялось, в нем было больше, если не теплоты, то уж точно лояльности.

— Хорошо, мы попробуем... и что от нас потребуется?

— Отправить гонцов ко всем народам, порожденным Великой Химерой, вызвать их лидеров на общее собрание, договориться об единении наших усилий, а также о Ритуале крови. Гномов я беру на себя, можешь не переживать, что вашим придется с ними общаться.

— Собрать гонцов и послать по свету? Это легко организовать, но все это можно сделать и без нашего вмешательства. От нас тебе нужны были только наша самая храбрая армия в Таогаре и эти записи? — с упреком спросила она.

— Не только, — ответил Вегарь. — Зная Духа Леса, я, как и вы, не думаю, что он окончательно растворился в природе и оставил вас на произвол судьбы.

Ливенфель недовольно сощурилась. Под фразой «оставил на произвол судьбы» эльфам привычней и приятнее было считать «дал свободу».

— Я верю, что его разум еще живет в природе этого Леса, и вы все еще можете до него достучаться.

ГЛАВА 15

Наши дни...

"Додж" и "Ягуар" уматывают из Города.

Майкл несется позади, я вижу его в зеркале заднего вида.

В углу лобового стекла точка моей машины быстро скользит по карте в пункт назначения: Содом.

Так обозначили место, где находятся селения фавнов и сатиров. Эти народы свели весь смысл существования к веселью, чревоугодию и похоти. Но, поскольку природа этих существ несильно отличается от людей, они также быстро ко всему привыкали.

Поэтому их веселье приобретало все более и более изощренные формы...

Метеорами промчавшись по Основной трассе, мы ударили по тормозам и свернули на короткую.

Если Майкл не врет, касаясь своих снайперских способностей, то местность Содомас предполагает для того, чтобы организовать ему точку.

Большая часть селений расположена на относительно открытом пространстве в окружении покрытых лесным массивом холмов. Идеально, чтобы организовать засаду, и местность простреливается.

Поэтому сворачиваем с короткой трассы, переключая машины в режим внедорожника. Зеленоватое свечение, машина сегментируется на несколько деталей, которые меняют свою форму и размер, и вот уже два джипа тихонько заворачивают на холм.

Подвеска на моем шикарная, на ухабах совсем чуть-чуть потряхивает. Майкл что-то ворчит по прямой связи. Видать, ему повезло меньше.

Утром фавны с сатирами не так активны: все их бесчинства приходятся обычно на ночь, поэтому утром они либо страдают от похмелья, либо храпят в обнимку с очередной жертвой изнасилования.

Забираю из машины темные очки: одно из новшеств в арсенале Извозчика-Освободителя, позволяет видеть души людей, если их где-то запрятали и выхожу из машины. Надеваю гарнитуру, чтобы понимать, о чем переговаривается местная живность.

Наши машины стоят на краю холма, впереди на склоне все внимание на себя берет завеса кустарников, а тьма леса скрывает очертания машин. Внизу сизыми веточками догорают ночные костры, а из лачуг доносятся громкие, но вялые звуки. Словно лежащие пьяницы пытаются позвать на помощь.

Но недооценивать даже "убитых" фавнов и сатиров не стоит. Во-первых, их ловкость и сила куда больше моей, во-вторых, они владеют простенькой магией, а в-третьих, их элементарно дохренища.

Подходя к багажнику, я прекрасно знал, что могу не выйти из этого боя, а мое бездыханное ослабленное тело будут совокуплять эти твари, пока кто-то отважный не освободит меня и не приведет в Госпиталь.

Но во мне была лишь ледяная уверенность в себе после коктейлей, да и инстинкт самосохранения – удел тех, у кого бьются сердца.

Я открыл багажник, расстегнул пиджак и рубашку, скинул туда, вместо этого надел на голое тело бронежилет. Внешне как обычный, из тех, что носят полицейские, но внутри несколько пластин с защитными рунами. Ботинки тоже снял, в лакированных туфлях особо не побегаешь и надел удобные эльфийские сапоги из зачарованной коры. Брюки снимать не стал, ткань хороша, не рвется и в них можно свободно перемещаться.

Оружие. В обновленном арсенале Доджа нахожу копию автомата Калашникова, цевье которого украшали руны, с подствольным гранатометом. В магазине заколдованные пули — все, как и положено, если решил пострелять местных.

Цепляю на ремень кобуру с "береттой" и охотничий нож из орочьей стали. На всякий пожарный. К бронежилету можно закрепить баночку с эмоциями (аптечка, только зеленые таблетки) и несколько запасных магазинов.

Вроде готов.

Слышу негромкий щелчок затвора. Рядом становится Майкл со снайперской винтовкой Драгунова наперевес. Держит уверенно и выглядит он с ней вполне убедительно. Думаю, он умеет ей пользоваться.

Да и не просто же так ему ее в арсенал включили.

– Ну ты Рембо, – приговаривает он, видя меня в таком необычном виде. – Повоюем? Киваю.

Фавн настороженно вдыхает воздух. Плоским, но широким носом, почти как у настоящего козла. Нюх у них не самый лучший, поэтому мертвеца, притаившегося в засаде, он вряд ли учует.

Несмотря на вечный загул, о безопасности все-таки развратники думают. Этот парень стоит на окраине бревенчатого лагеря, здания которого напоминают убогие и простецкие лачуги как у гоблинов. В руках у него, похожий на осколок магматической породы, автомат демонов. В который раз. Кажись, пора запрещать дьявольским отродиям покидать пределы своего царства войны. А то постоянно у аборигенов в руках оказывается что-то опаснее палки.

Я смотрю на охранника из кустов. Он стоит спиной ко мне, его фигура через очки по-вражески окрашена красноватым сиянием, поза расслаблена.

Нечасто рогатым приходится ждать нападения. Мало, кто захочет сунуться туда, где тебя не только могут убить, но еще расчлениить и надругаться. Причем, последовательность может быть самой разной.

Осторожно кладу "Калаш" на землю и медленно достаю нож. Козлиное ухо трясется в сторону тихого звука, но сам фавн не поворачивается.

Мышцы ног напряжены как пружины и выстреливают тело вперед.левой рукой хватаю козла впереди рта, чувствуя щетину его бородки, а правой молниеносно перерезаю ему горло. Теплая кровь стекает по ладони, а фавн еще трепыхается в конвульсиях, когда я оттаскиваю его в кусты.

Как же отточены мои движения, а все тело словно слаженный механизм для убийства. Я точно был спецназовцем при жизни.

Вытираю нож, перекидываю автомат на ремешке через руку, достаю из кобуры беретту и прикручиваю глушитель.

Или наемным убийцей.

Тихо, на полусогнутых ногах, благо, у мертвецов они не затекают, подбегаю к другой, заросшей густым мхом, хижине и выглядываю за угол.

На крыше другой величаво стоит сатир.

Назвать его просто помесью человека и барана сложно. И демоном тоже тяжело, иначе бы у него была уродливая баранья голова. Он был достаточно красив, шерсть напоминала скорее чуть лиловый развитый волосяной покров, все тело покрыто канатами мышц, а голову с прекрасным человеческим лицом венчают два огромных бараньих рога.

Должно быть, для такой роскоши требуется очень мощная шея.

В руке сатира кусок веревки, на конце которого покачивается увесистый камень. Праща.

Изгибаю позвоночник, высовываясь из укрытия, и, когда рогатая башка попадает на мушку, жму на спусковой крючок. Тихий стук, и величавое тело человекозверя падает на крышу. Благо, там мягко, и шума это не вызвало.

Перемещаюсь дальше, осматривая лачуги сквозь стекла поисковых очков. Похоже, на них наколдовали хороший искусственный интеллект. Изображение моделируется под ситуацию: силуэты сатиров и фавнов окрашены красным, других существ желтым, если существо или рогач внутри здания — силуэт чуть светлее.

Вижу яркое зеленое мерцание вокруг вполне человеческих очертаний. Через две лачуги.

Тенью скольжу туда.

По сути дома фавнов наклеплены друг рядом с другом, оставляя большое пространство для поляны. Там проходит дорога и их оргии. Вокруг нее кольцом зудят мухи и копошатся черви. Там лежат трупы погибших существ, не выживших во время игр.

На обглоданных костях пируют черные вороны. Совершенно обычные, как в Мире Живых.

Маленький кучерявый мальчик с рожками сидит рядом с такой кучей. Он с интересом вертит в руках обглоданную черепушку и дебилно улыбается ей.

Вот до чего доводит вседозволенность. Когда она достигает пика, общество вечно пирует и тупо улыбается, окруженная трупами и болью, но его это лишь забавляет. Его сексуальная энергия, насытившись всем, чем можно, безумно носится, хватая все подручные предметы, все явления, сопряженные с сильными эмоциями.

Старое быстро надоедает, поэтому нужно искать что-то новое. И желательно экзотичней. Что-то, о чем подумывать страшно.

Это общество маньяков. Жизнь в удовольствие может выйти из-под контроля, как видно на примере их цивилизации. И тогда поиск новых, все более изощренных удовольствий, становится манией. Как поиск воды в пустыне.

Не знаю, как цивилизация фавнов и сатиров живет так тысячи лет, не преследуя ни развития культуры, ни научного прогресса, а честно и искренне стремясь к праздности. У людей бы такие цивилизации рассыпались как замки из карандашей.

Хорошо, что эти картины быта рогатых меня не трогают. Потому что я без малейшего намека на злобу или отвращение убил следующего фавна у двери в лачугу.

В грязной руке с нестриженными длинными ногтями дрожит глиняная кружка. Напиток проливается на волосатые ноги козлочеловека.

Он настолько пьян, что не подал тревоги, заметив меня. Глаза словно слипались, уши тупо дергались, копыта едва перебирали, держа его крепкое тело на ногах, шары яиц били по мохнатым бедрам.

— Оооо... человек? — он поднял мне навстречу кружку, а я быстро прислонил к его лбу дуло глушителя пистолета и спустил крючок. Кровавый брызг из его головы, пенный брызг из его упавшей кружки на полу.

Подхожу к лачуге. Дверь в нее заперта на несколько деревянных засосов снаружи. Видать, железо они не стали обрабатывать. Гоблины хоть до этого додумались.

Осматриваясь по сторонам, сдвигаю засовы и тихонько захожу в лачугу. Тут пищат крысы, копошатся черные жуки и вонь. Мертвому плевать на вонь. Я знаю, что она есть и эмоционально ее никак не обозначаю.

Одни трупы. Протухшие гномы, эльфы, да еще и расчлененные и один человек. Живой, если так можно сказать, о таких как я. В черном, ставшем серым и коричневым от грязи, костюме. Извозчик. Видимо, он вез похищенную душу.

Увидев меня, он лениво пристал. В глазах тоска, несмотря на приход спасителя. Оно и понятно, таблетницу с эмоциями ему в плен вряд ли разрешили взять.

Самому ему отсюда не выбраться, будет еле ноги волочить от депрессии, идти со мной тоже нельзя, будет мешаться под ногами только.

— Возьми, — даю ему в руки пистолет, предварительно открутив глушитель, Извозчик понимающе взял и кивнул, поблагодарив. — Выйдешь на дорогу незаметно и иди в сторону эльфов. Там часто ездят Извозчики, тебя подберут.

К чему такая доброта отдать ему пистолет? А не доброта это никакая. Вопрос самосохранения. Если Извозчики будут безоговорочно помогать друг другу на коротких трассах, то у каждого из нас больше шансов доехать.

— Спасибо, — выдавил он.

— Не за что. Где объект?

— Сарай у поляны.

— Принял.

У поляны рогатые, пусть и пьяные вдрызг, но их там толпа. Так что потеря пистолета с глушителем ничего не решит, все равно придется отстреливаться.

Оставил Извозчика и уже с автоматом наперевес последовал к поляне.

Самое страшное, что ее не клонило в сон.

Иначе бы она забылась хотя бы на несколько часов.

Вика пережила целую ночь ужасов, когда сквозь сарай часами проходили вереницы бесформенных теней. Они кричали, плакали, ревели от боли. Судя по всему, это были души замученных здесь существ.

Тени исчезли с первыми лучами рассвета, проникающими узкими полосками сквозь щели в бараке. Рогатые насильники притихли, но ужас все еще не покидал ее.

И она молилась. Чувствуя, как это глупо и бесполезно, она молилась. Чтобы хоть кто-то пришел ее спасти. Пока она не сошла с ума, пока она не окажется разорванной игрушкой в лапах безжалостных извращенцев.

Предупреждать о своем появлении излишне.

Подходя к поляне, где у потухшего костра опохмелялись не меньше десятка фавнов, я без слов взвел автомат и нажал на спусковой крючок.

!!!

Заколдованный "Калаш" стучит также громогласно, как и обычный. Отдача в плечо, кислотавый запах пороха.

Рогачи как голуби, услышавшие хлопок: подлетели со своих мест, но часть из них тут же рухнула.

Автомат недаром заколдован. Выстрел не просто прошивал их туши, а взрывался светящимся шаром, так что моему зору предстал фейерверк из красных гирлянд выпущенных кишок, салют мозгов и взмахи оторванных рук.

Только вот реакцию и скорость этих тварей я недооценил...

Несколько рогачей попадали кровавыми тушами, а остальные лихо как горные козлы, оттолкнулись копытами и в рассыпную рассредоточились по поляне.

Я же один, открыт перед ними...

Из их ртов раздается не то крик атаки, не то ослиный рев, а волосатые руки взмахивают. Целая куча примитивных, но мощных атакующих заклинаний бьет в мою сторону, расшибая части хижин в щепки.

Еще один хруст! Невидимое как пуля на лету атакующее заклинание кулачищем бьет мне в плечо.

Боль. Не такая как у живого. Ты понимаешь, что получил чудовищное повреждение, и это очень-оченьплохо, но не теряешь из-за нее рассудок.

Убого отстреливаясь, держа автомат правой рукой, отступаю и прячусь за хижину.

Рука беспомощно болтается и готова гнуться во все стороны, словно змея с кучей позвонков. В голове неистово кричит: "больно-больно-больно!", походу мне там все кости переломало в руке.

Звериные вопли еще слышны позади меня, атакующие заклинания все еще лупят в мою сторону сильнее и сильнее. Хижина, за которой я спрятался, швыряется щепками и готова вот-вотразвалиться.

Слышу приближающийся стук копыт и тошнотворное бляенье.

Правой рукой достаю таблетницу, проглатываю несколько зеленых пилюль. Тепло по телу, жар по руке, дофаминовый уход боли и хруст вправляющихся на место костей. Рука снова боеспособна.

Тянусь за автоматом, но тут сверху, сделав грациозное сальто, прилетает сатир. На лице ярость, в руке копье. Потертое деревянное острие в считанных сантиметрах от меня.

Приплыли. Вот и повоевал один с рогачами. Кто ж знал, что они так сильно кастовать заклинания умеют.

Доли секунды до проникновения древка мне в шею, как слева раздается глухой хлопок выстрела. Вместо шершавого дерева внутри себя, ощущаю теплые брызги крови на лице и густые частички мозгов. Расколота как арбуз голова с криво покосившимися рогами и выкатанные шарики глаз в кровавом соусе — вот что теперь венчает могучее тело падающего сатира.

Майкл! А ведь не врал, что снайпер.

Выскакиваю из укрытия. Встречаю обалдевший взгляд козла и бью прикладом в челюсть. Тварь потеряла равновесие, но не рухнула. Крепкие уроды. Но автоматная очередь разрывными заставила его развалиться бесформенной кучей, окрасив другие хижины в алый.

Следующий за ним козлобород собирается отомстить за друга и метнуть атакующее заклинание, но слева опять прилетает точный выстрел из снайперки, заставив его резко дернуть головой вправо и забыться вечным сном.

Другой сатир рядом с ним успевает метнуть заклятье, но я прыгаю в бок, делаю кувырок и превращаю барана в решето залпом из автомата.

Затвор вхолостую защелкал, снова прячусь за какой-то амбар и достаю новый магазин. За это время раздается еще два выстрела, а следом беспокойное блеяние мечущихся животных. Снова выскакиваю из укрытия и, пустив очередь куда-то в сторону движущихся фигур на поляне, бегу к другому сараю.

Мне вслед еще прилетают с задержкой пару заклинаний, но хилых. Зверям уже не до меня: они мечутся в поисках укрытия, а их невидимый палач с холма продолжает выстрелом отсчитывать каждому из тех, кто попал в прицел, последнюю секунду жизни.

Не зря все-таки взял с собой Майкла.

Сшибаю ногой с разбега, а дверь сарая. В углу сидит девушка, напряженно обхватив руками колени.

— Артур?! — изумленно спрашивает она.

Это что еще за шутки? Откуда она знает мое имя?

Смотрю в лицо. Совершенно незнакомое: милый аккуратный подбородок, небольшой тоненький нос, такие же тонкие губы. Непонятный цвет глаз: то ли зеленый, то ли серый. Они жадно глядят на меня сквозь спутанные каштановые волосы. Девушка привстает. Невысокая стройная брюнетка. Фигура не секс-бомбы как у Аньки или у Алисы, но выглядит очень даже привлекательно.

Такая девушка в рабочей обстановке будет всегда казаться симпатичной, но серенькой мышкой. Но если наденет спортивный костюм или вечернее платье, мужики глаз не оторвут.

Но ничего знакомого в девушке нет.

— Артур... — еще раз произнесла она, не спеша, с опаской подходя ко мне. В этот раз это звучало как утверждение.

Она подошла ближе, и я детальней рассмотрел ее лицо. Все еще незнакомое, но... но...

— Вик, этого мальчика зовут Артур. Подойди — поздоровайся.

Она сжимала кулачки и строго смотрела на этого темноволосого худощавого пацаненка в футболке-камуфляжке, которая болтается на нем как парусина. Мальчик выглядел смущенно и неказисто.

"Никогда я с ним дружить не буду, а уж тем более играть. Играть с мальчишкой — это отстой", — думала Вика.

Их родители словно не чувствовали напряжения между своими детьми, улыбались друг другу, обсуждали какие-то житейские дела, работу и прочие взрослые вещи, которые для пятилетнего ребенка находятся где-то на уровне формул по геометрии старших классов. Непонятно, да и не очень-то интересно.

Но, судя по тому, как хорошо их родители общались, ей все-таки придется видаться вместе с этим мальчишкой. Мама и папа Артура приобрели соседний дачный участок с большим кирпичным домом.

Отец Артура какой-то военный: крепкий мужчина с густыми черными усами, который много и громко смеется, а также не расстаётся с кружкой пива. Мать высокая и статная блондинка, величавая словно лебедь, но улыбка и приятная. Не такая противная и язвительная как мамаша Вики.

На фоне своих родителей Артур выглядит крошечным эльфом в окружении добрых великанов.

Уже спустя несколько дней опасения Вики касаясь общения с мальчишкой подтвердились. Родители Артура праздновали новоселье, поэтому взрослые закрылись на веранде, достали какие-то темные бутылки и весело беседовали о взрослых вещах. Детей же отправили за пределы тайного и сложного взрослого мира, в песочницу.

Викю неммыслимо раздражали звуки, которые издавал мальчишка, играя в своих солдатиков.

Солдаты. Для Вики это такие же куклы, только мальчишеские, вот только на ее ряженых девчонок с большими глазами Артур смотрел надменно, с пренебрежением и словно намеренно продолжал противно подражать звукам выстрелов и взрывов.

И все бы ничего, если бы он еще не плевался при этом. И не навязывал свои правила игры.

— Мы захватываем твою базу! — он в наглую потащил своих солдатиков к ее куклам, уютно расположившихся на краешке песочницы. Вика знала, что играть с мальчишками отстой, но еще терпела. Но вот когда Артур взял своего зеленого как болотная лягушка солдата, и, имитируя, будто он пинает куклки ногами, сбил их, терпение Вики иссякло.

Она схватила самую большую куклу и от души врезала мальчишке по голове.

Сначала она испытала подлое демоническое торжество, видя, как заносчивый пацаненок схватился за голову и расплакался, а потом на крики прибежали родители, оторвавшись от своего дорогого пиришества.

И следом она испытала страх. Не только потому, что ее наругают. Отец смотрел сурово, ее мать и мама Артура тоже. Поступок Вики только что нарушил гармонию, которая была между их родителями. Значит, она подвела отца.

Лишь один человек не смотрел укоризненно на Викю. Здоровенный отец Артура, он строго взирал на своего сына и даже не пытался его утешить. Кажется, ему было противно видеть, как он ревет после того, как его ударила девчонка.

Конфликт замяли, Вика испытала несколько страшных минут сурового разговора с отцом, а Артуру мама вытирала слезы платком.

Ребят рассадили в разные углы на веранде, общение родителей и дальше продолжилось, но уже куда холоднее. Вечер был безнадежно испорчен.

С той поры их родители общались редко и обменивались лишь парой фраз, встречаясь на выходе со своих участков и дежурно улыбаясь друг другу.

Вика теперь видела Артура только из окна самого высокого этажа их семейного замка, его отец держал на руках какие-то странные резиновые накладки похожие на лапы и строго что-то командовал Артуру. Тот сжимал маленькие кулачки у подбородка и по команде неуверенно бил по этим гигантским перчаткам на руках отца.

Отец Вики постоянно уезжал по делам, мать сидела дома у телевизора и периодически ругалась на нее, поэтому Вика любила сидеть в одиночестве и наблюдать, как утром и вечером уса́тый папа Артура "гоняет" своего сына, заставляет делать упражнения и учит драться.

С каждым таким занятием движения Артура становились все более уверенными, а выглядел он куда собранней.

Но Викю это еще не впечатляло. Пройдет еще много времени, прежде чем она начнет засматриваться на спортивных парней, а пока за Артуром было примерно также интересно наблюдать как за рыбками в аквариуме.

Чуть-чуть посмотреть за движениями плавников, окрасом, как она плывет внутри своего стеклянного домика, да и уйти дальше заниматься своими делами.

Но такие "отношения" с Артуром продлились недолго.

Как оказалось, пауза в общении между их семьями затянулась не больше, чем на неделю. Да и образовалась она, скорее, не из-за конфликта маленьких детей, а из-за того, что ее отец постоянно куда-то уезжал по работе и им некогда было собраться за столом.

В этот раз их семьи решили покататься на озере, на берегу которого расположился дачный поселок.

Отец Артура раньше служил в десантных войсках, но часто грезил о море: о далеких плаваниях, о борьбе со штурмами и прыгающих на волнах дельфинах.

Обо всем этом Вика узнает, когда этот крепкий усатый мужчина снова щеголяет рядом с ее отцом с бутылочкой потного холодного пива в руках.

— Вот она... красавелла! — мечтательно протягивает он, показывая на воплощение своей мечты о мореходстве, стоимостью в миллионы денег. Белоснежная яхта с надписью "Флагман" на борту.

Вика уже не видит и не слышит других людей, что вместе с ней заходят на яхту. Ее занимает сама яхта и предвкушение плавания.

Она никогда не была на судне, и ее чуткий детский взор примечал каждую деталь: покачивающийся борт, с которого боишься упасть, мощные узлы канатов, не дающие яхте уплыть, прохладная каюта с мягкими кожаными диванами и круглые иллюминаторы, сквозь которые виден бесконечный жидкий кристалл озера.

Яхта тронулась с места, зарокотал работающий двигатель.

Отец Артура (его зовут Валерий) с удовольствием подходит к холодильнику в каюте и достает еще пива, протягивая одну бутылку ее отцу.

Пока мужчины пошли за штурвал, женщины и дети остались в каюте. Вика смотрела в иллюминатор, мама Артура (Светлана) что-то весело рассказывала ее мамаше, на что та дружелюбно скалилась и изображала интерес.

Сам Артур сидел как бы отстраненно от всех и опять сжимал в руках две фигурки солдатиков, и все также противно подражая звукам взрывов. Похоже, он уже не раз плавал с отцом, и очередная прогулка на яхте ему неинтересна.

— Артур, прекрати уже! — сурово прошипела ему Вика. Его игры отвлекали ее от романтического созерцания водной глади.

Но Артур, как и в тот раз, сделал "звуковое сопровождение" своего развлечения еще громче.

— Что в них интересного? — возмущенно спросила она. — Ты только постоянно бьешь их.

— Уж получишь твоих кукол, — фыркнул Артур, продолжая играть.

Вика замолчала, поймав укоризненный взор матери, но прошипела:

— У тебя тоже куклы вообще-то!

— Нет, у меня суперсолдаты две тысячи! — с пафосным видом произнес он: — А куклы — это девчачья скукотень. Как вы вообще в такое играете?

Артур сидел слишком далеко, чтобы Вика стукнула его, да и вряд ли теперь это получится сделать неожиданно. Валерий почти всю неделю тренировал его.

Поэтому Вика не придумала ничего лучше, как уйти из каюты. Подальше от этого глупого мальчишки и своей зловредной мамашки.

Вика села на нос яхты и с удовольствием наблюдала за тем, как уверенно судно разрезает волну.

Вскоре яхта остановилась, а отцы пошли в каюту за удочками. Пока мужчины снова говорили о работе, а звук их голосов лишь изредка становился громче из-за валериного восклицания: "Ключееееет!», Вика села на нос и погрузилась в себя, высматривая рыбу.

Но, видимо, вся рыбешка засела на глубине, да и не разглядеть ее на глади озера, слишком нестерпимо жгут глаза отраженные солнечные лучи.

Вика не знала, сколько прошло времени. На заднем плане она уже слышала голос Артура, которому, видимо, тоже стало скучно в каюте, но к ней он не подходил.

Она сидела, погруженная в мечты. Об алом парусе, принце из дальних стран, как они держатся за руки на носу корабля, устремив счастливые взоры на закат.

Вика встала и подошла к краю носа, чтобы ощутить себя Ассолью, которая стоит и вглядывается далеко за горизонт в ожидании Грея.

Парус... Море... Алый закат... Далекие-далекие плавания.

Вика чувствовала, что ее клонит в сон, но как-то... слишком быстро... как-то... как-то тяжело стоять на ногах. Через мгновение мир уже покатился кубарем, и она вскричала от страшного ощущения режущего всепроникающего холода, который пираньями вгрызся с нее со всех сторон.

Она кричала, но чувствовала, как смерть уже проникает в нее, затопляя ее крик, заполняя легкие. Вика беспомощно машет руками и ногами не помня себя, рвет из себя все силы что у нее есть, всю свое естество и жизнь, лишь бы спасти ее, но видит она все меньше, а чудовищной боли от воды в легких все больше. Она трепыхается, все быстрее, все сильнее пытаясь отчаянно поднять голову над водой, чтобы поймать хоть чуть-чуть воздуха, и ей почти удается это, но нет... Боль пронзает ее конечности, и они больше не слушаются ее, а легкие судорожно хватают воздух вместе с водой, прежде, чем она ощущает, как водный плен уже почти полностью сожрал ее.

Напоследок успевает увидеть, как какой-то силуэт прыгает в воду с яхты.

У синего моря, где бушуют бураны,
Жила там девчонка с именем странным.
И часто бывало: она на просторе
В мечтах уплывала за синее море...

Вика очнулась вновь на яхте. Первое, что она видит: это пол яхты, и как она кашляет, вернее, тошнит водой, заливая палубу. Ее рвало, а чьи-то сильные волосатые руки крепко держат ее и упирают животом в твердое массивное колено. Фоном слышно, как горестно кричит ее папа, произнося ее имя.

Но едва Вика начинает кашлять, и он крепко обнимает ее и осыпает лицо поцелуями.

Она жива. Все позади.

Потом Вика видит мать Артура, смутно свою и самого Артура: он закутан полотенце и дрожит. Валерий, который ее реанимировал, тоже весь мокрый.

Уже из разговоров в перемишку с матом она узнает, что Артур первый бросился за ней в воду, но такое резко погружение сковало его тельце судорогой, и их обоих уже вытаскивал Валерий.

Артур дрожал и безучастно смотрел на Вику. Этот противный докучающий мальчишка, с которым она не хотела даже общаться и как-то пересекаться, пытался спасти ее жизнь. И даже рискнул своей ради этого.

Дальше она слышит ругань своего отца с матерью и упреки за то, что та не удосужилась проследить за дочерью и даже не сказала, что та забыла илянку в каюте, из-за чего ей напекло голову, и она упала.

Но это уже неважно.

Пусть Артур не годился на роль героя ее детских романтических мечтаний, но она понимала: с этого момента они точно станут друзьями.

А сейчас тот, кто спас ее тогда на озере, делал это снова. Он стоял в странных очках, в бронежилете на голое тело, покрытое свежей кровью и сжимал в руках автомат.

Он ничего не сказал ей, а крепко схватил за руку и потащил на свободу.

Вовремя! В этот момент ко входу подошел фавн с пращей, и существо, прошипев не то, как змея, не то, как дикая кошка с грациозной быстротой вцепляется длинными когтями сбоку его шеи и с торжественным воплем отрывает рогатую голову.

Прежде, чем убежать в лес, существо замирает. Вика успевает разглядеть ее: фигура обнаженной стройной девушки с немного развитой мускулатурой. Она поворачивает голову с зелеными спутанными волосами и смотрит на них звериными, но благодарными глазами.

Даже одичавшему и агрессивному существу свойственны чувства.

— Все, пора! — в этот раз Артур церемонится не собирается и, держа в одной руке автомат, другой буквально вырвал Вику из сарая и повел.

Пока нет времени обдумывать, кто эта девушка. В машине познакомлюсь... Снова.

Я выбежал с ней из сарая, готовясь к новому сражению, но ничего не происходило. Я просто бежал по тропе к холму, где стоял Майкл, а новые рогачи не нападали.

Может, удалось их застрашать?

Нет. Бросаю беглые взгляды по сторонам: рогатые еще есть на улице, но они просто стоят и наблюдают, словно ждут чего-то.

Или кого-то: из-за деревьев, в треск ломая деревца поменьше, вышла большая мохнатая тварь. Желтые прожектора глаз, рога длинные как бивни мамонта и волосяной покров из мха и лишайников. Пан. Я совсем не учел его при плане штурма селения рогачей, думал, он просто легенда.

Повелитель козлорогов уродливо блеет, завидев нас. Его рот открывается, обнажив камни пожелтевших зубов, с пасти катится маленький ручеек слюны.

Трехпалая рука с коричневой загрубевшей кожей вытягивается в нашу сторону, и внутри нее вырастает бледно оранжевый шар. Он растет с шумом, который издают линии электропередач, а пространство вокруг руки дрожит и превращается в нечеткое марево. Он вбирает в этот шар силы природы, которым хочет шарахнуть нас. Мощностъ такого магического снаряда обещает оставить от нас только угольки.

Увою Вику себе за спину, а сам целюсь в Пана и стреляю из подствольного гранатомета.

Плюх!

Заколдованная граната вылетает в колено твари и разрывается. Не одним взрывом, а целой канонадой маленьких фейерверков. Такое должно оттяпать ногу местному «божку», чтоб куски мяса разлетелись по веткам. Иногда технологии попеременно с магией куда эффективней сильного и древнего колдовства.

Пронзительное козлиное блеяние в ответ, энергетический шар в руке Пана испускает оранжевый луч силы, который прожигает полосу сбоку от нас и заставляет траву вспыхнуть.

Дым после взрыва гранаты рассеивается, а козлиный бог все еще стоит перед нами.

Мох на его ноге как губка пропитался кровью, но Пан все также твердо стоит на земле. Видимо, его магическая защита куда мощнее моего оружия. Да, фокус с тем, как я давно убил огра из пистолета одним выстрелом здесь не прокатит.

Только теперь Пан зол еще больше. И, похоже, автомат в руках теперь бесполезен.

Метнуться к лачугам фавнов — единственный выход, но помощь сверху приходит снова. Проминая заросли папоротника, с холма, прямо к дороге несется моя машина. Брутальная "морда" Доджа рвет растения и выкатывается практически на дорогу сквозь поляну.

Хватаю Вику за руку и бегу прямо на Пана.

— РАСТОПЧУ-У-У! —по-козлиному, но басовито, орет тот и, прихрамывая, бежит навстречу. Пускаю в сторону очередь из автомата. Пули втыкаются в него, исчезая в зарослях лишайника на его бороде. Он прикрывает глаза ладонью, и этих нескольких секунд, пока он отвлекся, хватает, чтобы сбежать от неповоротливого монстра и, пока он разворачивает свою массивную тушу, метнуться к внедорожнику, забросить туда девушку и самому сесть за руль.

Хлопаю дверью и бью по педали газа. Мотор загромыхал, и я веду свою тяжелую машину прямо на Пана.

Тот открыл пасть: не то от удивления, не то, чтобы в очередной раз злобно заблеять.

Я тараню монстра, набрав достаточно скорости. Глухой удар, бампер и капот немного проминаются от столкновения с защитным заклинанием, а чудище с грохотом падает на землю.

В след бьют атакующие заклинания от рогачей, чьего лидера я только что вероломно положил на лопатки, но серьезного урона машине они не наносят.

Уношусь прочь. Через несколько секунд на хвосте уже висит "Ягуар" Майкла.

—Уаааааау!— гордый за себя кричит он. Видать, еще действие коктейлей не прекратились, или заначкой что-то в машине лежало. Его безумное лицо проявляется на лобовом стекле. — Как я придумал, а?! Отснять бы эту сцену и в кино!

Да уж, пустить под откос мою машину, когда это было так необходимо — в этом действительно виден творческий подход.

— Ты великолепный режиссер, Майкл, — хвалю я. — Да и снайпер тоже.

— Вот видишь, чувак! Я тебе необходим.

Не стану спорить. В сегодняшней операции Майкл действительно был очень полезен.

А с меня тем временем не сводит взгляд эта девушка. Она смотрит на меня, пристально и с какими-то чувствами. Будто очень давно меня знает.

И мне от этого не по себе.

Снова...

Я включаю магнитола, чтобы отвлечься.

И в такт моим потаенным мыслям или слабым подобиям ощущений звучит знакомое меланхоличное начало на гитаре.

Эта песня группы Scorpions.

Still loving you.

ГЛАВА 16

Три дня после Битвы за Город Суда...

А ему будто все нипочем...

Символ древнего легендарного величия гномов все также возвышался посреди руин. Обрушение Горы понесло чудовищные потери для всей цивилизации гномов: целые селения были похоронены под братскими надгробными плитами из монолитных каменных кусков.

То, что осталось жить на этих руинах — жалкое подобие того, что у них было совсем недавно.

Теперь гномы еще дальше от того, что было на символе...

Уйдут десятки, а то и сотня лет, чтобы вернуть хотя бы то, что было до разрушения Горы: все их достижения в науке, технике, экономике.

Теперь они еще дальше от своей мечты. Намного дальше...

Ведь именно на Пограничной Горе было сосредоточена львиная доля производства, мастерских и экспериментальных лабораторий. Именно рядом с ней были подобию научных городков, где жили ученые, а также находились архивы с бесценными записями их исследований.

Все пропало...

Но символ древнего величия гномов, их Идол, все продолжает стоять. Словно одним этим фактом призывая гномов не сдаваться, намекая на то, что еще все можно наверстать.

Каким-то чудом скульптура Идола уцелела, и волна разрушения остановилась буквально у его стоп.

Он продолжал сурово взирать на свой народ, окруженный этими вонзившимися в землю осколками, кривыми утесами, которые погребли под собой столько жизней...

Вокруг скульптуры Идола, рядом с бывшим подножием Пограничной Горы, едва уцелели остатки селения. В них на время утих ожесточенный перестук топоров и молотков от тех трудяг, что стремились восстановить свои дома как можно скорее. Коротышки даже остановили уродливые груды железа своих паровых машин, чтобы выйти и посмотреть на странных существ, что стояли рядом с Идолом. Их мускулистые торсы плавно переходят в тела сильных молодых коней.

Народ степи Шекха. Как и гномы, они находятся в состоянии конфликта с эльфами, но маленький народ ради собственной безопасности держался обособленно и не принимал предложения кочевников о сотрудничестве.

Да и "конелюды" как-то не очень хотели связываться с крайне чудным народов, у которого по городам снуют неживые штуки из металла, что вечно пыхают дымом и грохочут.

И теперь эти сильные степные воины что-то делают здесь. Решили воспользоваться тем, что горная крепость гномов ослабла и подчинить их себе?

Но никто из осколков селения у Пограничной горы не паниковал. Ведь рядом с кентаврами на Идола смотрел сам Аргор.

Несмотря на то, что его дворец разнесло на части во время трагедии, король гномов по-прежнему поддерживал "имидж". Он управлял золотистой парадной броней.

Сидя в этом мощном механическом теле, латы которого отливали золотом и простенькими гномьими рисунками, сделанными, в основном, из прямых линий, он ничуть не уступал размерами кентаврам.

Более того, он выглядел практически равным Идолу.

Скульптура очень широкоплечего гнома, так плотно закованного в броню, словно она выросла в его тело, несокрушимо стояла который век.

Никто не знает точно, когда и из какого металла она отлита, но ни дождь, ни ветра, ни время не добавили скульптуре и капли ржавчины.

Та искусность, с которой была сделана броня, вызывала восхищение: она действительно как влитая сидела на теле Идола, имела четкие и плавные линии, а также кучу сложных приспособлений и приборов, которые, по всей видимости, заменяли громоздкий паровой двигатель.

Весь ее вид выдавал в ней совершенную работу, абсолютную, пик парового машиностроения.

Тот уровень, который они, закрывшись в своем горном королевстве, так страстно и фанатично пытались достичь...

Но гробница из осколков горы позади скульптуры предательски напоминала, что им еще придется достичь хотя бы того, что они имели.

Хотя бы...

– Как тебя там зовут? До-Риас? – произнеся имя в два слова спросил Аргор, повернувшись к самому рослому кентавру, полководцу этого народа.

– Все верно, – продолжая изучать скульптуру Идола, ответил Дориас. Его удивляла одна вещь в гномах, которую он не стал им озвучивать. В то время как кентавры сражаются бок обок со своим Идолом, гномы, погрузившись с головой в свои шестеренки и железки, начисто забыли о связи со своим.

Ну как забыли... Они не призывают его каждый год, на Праздник смены времен, а лишь считают его красивой сказкой, которая должна вдохновлять на подвиги. И поклоняются лишь его истукану, просто как примеру, не как божеству.

– Значит, твой Вождь не для войны с эльфами меня хочет встретить?

– Нет, к эльфам он тоже лично явился с тем же предложением.

– Каким же?

Дориас оглядел руины селения гномов, обогнул взглядом величественную статую Идола и ответил королю:

– Поквитаться с мертвецами. За все.

ГЛАВА 17

Наши дни...

Это место называют Утиль.

Глубокая огненная яма в Аду, на дне которой бешено вращается раскаленная воронка. Водоворот пламени бесконечно несет обгоревшие души.

Адская карусель. Аттракцион неслыханной боли.

Утиль стоит на отшибе Ада, за пределами жилых зон и военных полигонов.

Его периметр слабо охраняется несколькими демонами с особо садистскими наклонностями. Это обезображенные создания с тонкими длинными конечностями. Их руки венчают непропорционально большие ладони, что сжимают ружья и временами стреляют в яму. Из-за языков пламени едва-едва видно вопящие там души, но над теми, по кому удастся попадать, уродцы смеются маленькими редкими зубами.

Душам на дне едва ли станет хуже от выстрелов безобразных охранников, потому что хуже, чем уже находиться там, быть не может...

Пропитываясь адским пламенем, они ежесекундно мучаются от невыносимой физической боли, а черные пески воронки насквозь пронизывают их, сметая все, что было хорошего в них. Здесь нет возможности сражаться, разорвать своего товарища или сбежать.

Потому что Утиль не создан для того, чтобы сделать из человеческих душ будущих демонов.

Это место сделано в назидание.

Здесь только мучаются. Самым изощренным способом. Те, кто после Падших ангелов смог или попытался бросить серьезный вызов Богу, Смерти или Дьяволу.

И отсюда нельзя сбежать: души, испытывающие не только физическую, но и душевную боль, совершенно не могут сопротивляться.

Тупорылый смех. Редкие хлопки выстрелов. Омерзительные как гоблины демоны пьют водку с синим пламенем сверху и продолжают всю смену постреливать в и без того измученные души. Так они коротают свои будни.

– Что... – проскрипел как несмазанная дверь, уродливый тощий демон. – Что это за херня вообще?!

Он подошел к краю, чтобы попасть в голову одной из несчастных душ, которую несет в вечном водовороте, но что-то его остановило.

По краю ямы, вгрызаясь пальцами в землю, ползла невиданная тварь. Ее кожа, словно вобрала в себя огненную природу ямы. Оно все, вплоть до лица состоит из пластин черного застывшего песка ужаса, сквозь которые красными нитями мерцает лава.

Оно рычало. Желтые глаза налиты ненавистью и болью.

Демон выкрикнул невнятную матерную фразу, испуганно дернул затвор и попытался открыть огонь, но поздно.

Тварь, собрав волю в кулак, прыгнула к краю ямы, крепко схватила охранника за лодыжку и швырнула прямо в Утиль.

Воронка моментально потащила его тело. Теперь ублюдок навечно испытает те мучения, которые он так любил созерцать.

Охранники обступили То, что вышло из небытия. Оттуда, откуда *никто и никогда* не мог бы выйти.

Это был мужчина, который едва слышно хрипел. Не то от боли, потому что каждый миллиметр его тела пылал, не то от ярости, что застыла в ярко-желтых глазах.

– Вали его! – пискляво вскрикнул один из уродцев и шквал из пуль забарабанил по твердому лавовому телу, не причиняя ему вреда. Человек равнодушно стоит под свинцовым градом и смотрит куда-то в пустоту, но уже не хрипит. Скалится...

Рыкнув, как разъяренный тигр, он кинулся к демону, который был справа от него и схватил его за горло. Винтовка падает на пол, демон хватается за руку и беспомощно дергает ногами, словно стараясь нащупать землю, которая очень-оченьдалеко. Рост лавового человека далеко за два метра.

Скулящий, как у умирающего шакала, всхлип издает демон. Черная, огненная рука сжимается на горле, треская позвонки в труху, а затем швыряет тело в яму.

Навязчивые выстрелы продолжаются. Демоны вопят, продолжая стрелять. Человек молниеносным движением подбегает к каждому и сносит размашистыми ударами рук.

Остается лишь бежать! Демоны как крысы бросаются врассыпную. Один из них отбегает дальше и трясущимися ладонями хватается рацию.

– Тревога! Тревога! – вопит он. – Из Утиля сбежали!

Подумать только, как удивятся на том конце линии. Такое потрясение у них было только, когда из Ада ушло пятьдесят демонов.

Сзади раздается треск пробитого рукой живота и хруст ломающегося позвоночника, который лавовый человек сжал рукой.

Еще с одним жестоко расправились.

Демон с рацией, услышав этот звук, снова бросился бежать, но его затылок пробило ружье, дуло которого вышло изо рта, сломав рацию, которую тот поднес к губам.

С охранниками покончено.

Лавовый беглец быстро зашагал дальше. Туда, где гремел Ад, а небо клубилось вспышками огня.

Из-за барханов с оранжевым раскаленным песком выкатываются вездеходы с пулеметами. Видно, на сигнал тревоги отреагировали быстро.

– За это ты будешь наказан пыткой страшнее Утиля! – закричали в рупор с уродливой бронемашины, но беглец, недовольно фыркнув, схватил огромный валун из застывшей лавы и швырнул в вездеход.

Грохот! Рупор треснул от удара камнем, а сам демон, высунувшийся из люка, повис с переломленными костями.

– Огонь! –вращающиеся пулеметы вездеходов зажужжали, и надоедливые пули заискрились по телу.

Но Лавовый человек продолжал идти.

В ход пошли ракеты. Несколько вспышек затмили Лавового человека, а следом волна подняла ковер из песчинок. От взрывов беглец замедлился и даже отшатнулся, но быстро возобновил путь.

Он ускорил шаг и подбежал к броневику. В металл одного он вонзил руку, словно его прочность была не больше, чем у торта и поднял машину так, что демон, стреляющий из стационарного пулемета, беспомощно вывалился и побежал прочь от этого титана.

В следующий миг вездеход уже пролетел над ним куда-то далеко.

С остальными машинами беглец расправился проще: второй вездеход он просто перевернул на крышу, а третий пнул ногой с силой, хватившей на то, чтобы машина описала несколько кульбитов в воздухе прежде, чем рухнула.

Лавовый неотвратимо идет дальше: на горизонте появляются новые броневики, в небе уже трещит боевой вертолет, но они пока не торопятся атаковать. Занимают оборонительную позицию и ждут.

Беглец останавливается. Перед ним уже собралась приличная армия из военной техники Ада, но все они замерли в ожидании. Почему?

Ответ не заставляет себя ждать. В небе, заглушая треск пропеллеров, поднимают свист и вихри песка крылья исполинского существа.

Дракон.

Это не обычная зубастая ящерица с четырьмя мускулистыми лапами и перепончатыми крыльями: на его бордовой чешуе, вместо шипов гипнотически мерцают внушительные кристаллы, лапы с изумрудными когтями, каждый размером с лавового беглеца вгрызаются в песок. Сзади болтается хвост, увенчанный глобусом драгоценного камня.

Лавовый внимательно смотрит в розовые глаза дракона, не спеша идти дальше. Они словно захватили его взгляд на себе. Над пастью, полной полупрозрачных, словно из кварца зубов, змеями копошатся длинные бордовые усы.

Беглец неотрывно смотрит в глаза дракону и ничего не торопится делать. Он слышит шепот. Сладкий шепот внутри своей головы. Дракон тоже не двигается, его морда уже перед лавовым человеком, раскаленное дыхание дует ему в лицо.

А беглец продолжает стоять и заморожено изучать нежно-розовые глаза.

Он не отрывает от них взгляда, даже когда крылья и лапы дракона вытягиваются, кристаллы уходят в глубину его тела, а бордовый оттенок чешуи меняется на темно-зеленый окрас.

Всего за минуту он превращается в большого змея, похожего на анаконду.

Пифон. Повелитель лжи.

Он нежно обхватывает кольцами могучее тело беглеца, но не давит. Он продолжает смотреть и говорить с ним, гипнотизируя.

ГЛАВА 18

Десять дней после битвы за Город Суда

Гайриалю дурно. Одно дело скакать в кронах деревьев, грациозно порхая с ветки на ветку, легонько отталкиваясь от них кончиками ступней. Или же отрастить пару крыльев и птицей вспорхнуть над Лесом, ощущая, как прохладный ветер тормозит перья.

Но совсем другое дело находиться в этой шумной вонючей колымаге. Она вся скрипит и, кажется, вот-вот развалится под порывами ветра, которые ловит своими стальными перепончатыми крыльями.

Внутри этой ужасной машины чертовски жарко и задыхаешься от дыма, потому что ее механизм работает от парового двигателя, выхлопная труба которого еле держится.

Кими пыталась ее починить во время перевалов, но сильного результата это не возымело. Дым по-прежнему проникал в кабину.

К тому же эта короткая гномья девчонка все время командовала Гайриалем, заставляя его делать совершенно преступные для эльфа вещи.

— Эй, синевласка, закинь-ка еще дров, высоту теряем! — задорно покрикивала она. И эльфу, давая возмущение, приходилось брать эти несчастные куски убитого дерева и, отворачиваясь от него, дабы не видеть, как его кора трескается и обугливается, бросать в печку.

Гадко на душе. Словно младенцев в огонь кидаешь. Треск деревяшек в пламени звучит как крики умирающего ребенка. Эльф сожалеет, что не владеет магией огня, иначе жертв можно было бы избежать.

А Кими ничего не смущает. Маленькая, юркая и весьма женственно-сложенная для коренастых гномов, девушка двигалась в кресле пилота как хорек. Смотрела в окно, попеременно заглядывая в карту и обратно, проворно дергала рычаги, заставляя машину то подниматься выше, то пикировать вниз, доставляя Гайриалю дополнительные страдания.

«И какого лешего мне не позволили отправиться на это задание в одиночку?» — сокрушался эльф, вцепляясь в ручку, которая торчала под правым иллюминатором. Позади него пятном проносилось зеленое море елового леса.

— Держись, Гай! — крикнула ему Кими. Гайриаль и так держался, вот только ручка, в которую он вцепился изо всех сил, не очень-то этого хотела и с треском оторвалась с мясом от корпуса летательного аппарата.

Гайриаль вскрикнул и полетел прямо к Кими. Ловкая девушка уклонилась от неожиданного столкновения, и эльф больно стукнулся головой чуть выше маленьких рычагов, с помощью которых управлялось судно.

— Хахаха, Гай, ну ты смешной, я же тебе говорила пристегиваться, — дружески посмеялась Кими. — Ремни же мы не просто так придумали.

— Ага, говорила ты, да в них только коротышки вроде вас влезут.

— Ну уменьшился бы и поместился, ваша магия вам это позволяет. Или не захотел подчиниться девушке? Ха-ха-ха, а я знаю, ваш народ охотно подчиняется женщинам.

Гайриаль ничего не сказал, подавляя переполняющий его гнев. Его раздражало все, что сейчас происходило с ним. Раздражало, что, когда с гномами заключили перемирие — его отправили как гонца ни одного, а с этой вечно смеющейся глупой девкой.

Он бы мог справиться один, потому что был одним из немногих эльфов, которые знали языки других народов наизусть, а не телепатически подключались к их разуму.

Сейчас он понимал, что это знание заставляет терпеть его многие лишения и унижения. Выучить другие языки его заставили его родители — странствующие эльфы-шаманы. Одни из тех, что экспериментировали с магией на других территориях и создали такие места как Ругачее Болото, Синие Холмы и прочие причудливые локации, ныне заброшенные и забытые эльфами Леса.

И теперь за наследие своих предков Гайриалю приходится платить.

Он вынужден выслушивать, как эта хохотушка-гномиха, краснея пухлыми щеками, называет его «Гай», как ему приходится изъясняться с ней на топорном гномьем языке, и лететь не на своих крыльях, а в отделанном мертвым деревом, аппарате. Потому что руководители сказали, что якобы «так быстрее, и гномы прекрасные картографы».

Только вот они какие-то петляют на этой развалюхе, которую Кими вечно ремонтирует на редких привалах и никак не могут достичь цели, условной столицы гоблинов.

Почему условной?

Дело в том, что стада вонючих, хрюкающих тварей расселились в разных уголках Таогара, а эльф с гномихой летели в самое крупное и древнее их поселение, где по идее должен быть их лидер, которому нужно вручить письмо.

Но смогут ли они с ними договориться?

Помнят ли еще гоблины свой язык? Ведь деградация этих существ происходила так стремительно, что они уже давно разговаривают как животные, коими, в сущности, и являются.

И для чего вообще Ливенфель отправила их за этими свиньями? Чем они могут быть полезны?

Но в такие тайны простых послгов, увы, не посвящают.

— Вот оно! Смотри, вот оно! — заликовала Кими, показывая крошечным пальцем куда-то за лобовое стекло своей проклятой машины. Проклятой машины, на создания которой убили столько живого.

Злость и обида.

Но Гаю было немного лучше от осознания того, что Ливенфель тоже с большим трудом дался этот мирный договор с кентаврами и гномами.

Видно, мертвецы действительно стали настолько большой угрозой, что пришлось объединиться с заклятыми врагами.

— Наконец-то нашли! — снова крикнула Кими, но Гай и не смотрел в ее сторону. Она и вчера также ликовала, когда заметили в кронах деревьев какие-то селения.

Только в первом случае это оказался выжженный и давно брошенный лагерь гоблинов, а во втором и вовсе торчали мертвецы.

Хиленькие, к которым иногда заходят более сильные на черных самоходных телегах. В общем-то безобидные ходячие трупы, которые не покидают своих насиженных мест, но, чувствуется, и их вскоре щадить не будут.

Что же затевает Ливенфель с Идолом кентавров и вождем гномов?

— Снижаемся! — объявила Кими, прежде чем Гай успел что-то сообразить и снова чуть не осуществил непреднамеренную попытку пробить лбом иллюминатор аппарата. — Уиииии! — радостно, как откормленная свинка, не знающая, что скоро пойдет на убой, взвизгнула гнома, и аппарат начал пикировать.

Вернее, падать. Так показалось Гайриалю.

Он удлинил пальцы усилием воли и вцепился во все выступы, какие только были в кабине, лишь бы не расшибиться раньше самого аппарата.

Мельком Гай успевает увидеть, как сплошным зеленым пятном становится приближающийся лес, посреди которого коричневой, неприятной кучей ширится невнятный городишко.

А эта безумная коротышка все также кричит. Только уже тревожным голосом.

— Посадка будет жесткой!

Аппарат тряхнуло снова, Гай отлепился и едва успел отрастить еще несколько щупалец, чтобы зацепиться ими.

В иллюминаторах темное зеленое пятно: они немного отклонились от курса и летят прямо в лес.

Ускорив свое восприятие, эльф успел рассмотреть косматые головы елок.

— Держиииись! — Кими дернула штурвал, в кабину брызнул свет и замерцал бирюзовый саван неба, а Гай прилепился новыми парами щупальцев, потому что его инерцией сносило куда-то назад.

«Как хорошо, что эльфы умеют менять свои тела, как им вздумается», — сквозь страх порадовался он.

Вдруг аппарат шарахнуло так, что тело Гая подкинуло вверх так, что несмотря на крепкие канаты из щупалец, он больно стукнулся о потолок кабины.

— Фух, пронесло, — услышал он через какое-то время голос Кими. Судя по грохоту, который предшествовал удару и последующей тишине, они приземлились.

Трудно пошевелиться, но удастся повернуть голову.

Увидеть вполне себе целую Кими, которая отстегивает ремни безопасности и что за иллюминатором небольшой луг.

Кажется, девушка вырुлила от столкновения с деревьями и как всегда жестко приземлилась на опушке.

— Ахахаахаха, ну ты и чушка! — захохотала она, увидев Гая. Коротышка в летном костюме из коричневой стеганой кожи смеялась так, будто ничего не происходило. Как будто им несколько секунд назад еще не угрожала гибель. — Вот умора!

— Замолчи, — зашипел Гай, пытаясь распутать многочисленные щупальца, которыми из-за толчков в полете, он весь переплелся. Со стороны эльф выглядел как оживший моток пряжи с нелепым напряженным лицом.

Но Кими его уже не слышала. Проворная, как дикая ласка, она не без усилия открыла дверь в задней части кабины и спрыгнула на примятый настил травы, на котором оставил борозды садившийся аппарат.

Следом за ней, разминая ноющие суставы, скрючившись, вышел Гай.

Кими стоит прямо, упирает руки в бока и сосредоточенно смотрит на аппарат.

Со стороны он похож на деревянного дракона: вытянутый корпус, длинный подвижный хвост, который рулит полетом, паруса металлических крыльев с перепонками из ткани и кожи.

Только вместо головы толстое округлое стекло иллюминатора. Из отполированного тела торчат ряды труб, через которые выходит дым.

Также позади над хвостом два крутящихся механизма, создающих потоки воздуха.

— Мда уж, приземление вышло жестче, чем я планировала, — не без разочарования произнесла она. — Крыло одно пробито, шасси надломились, фюзеляж треснул. Гай, нам придется повозиться на обратном пути.

Если под "повозиться" подразумевается еще больший вред природе, чем тот, который они уже нанесли, Гай лучше отрастит крылья и свалит сам.

— Жалко "Жаворонка", — с сожалением произнесла Кими, все еще изучая аппарат взглядом. — Хорошо, что отец не видит, что я с ним вытворяю.

— Тебе жалко это приспособление? — осведомился Гай.

— Для меня это не просто приспособление! — обиженно огрызнулась Кими. — "Жаворонки" — один из лучших крылолетов моего отца, величайшего инженера авиации в истории! Эта машина мне как родная, она хранит память...

— Я не про это, я изучал труды о вашем народе. То, что ты сейчас выражаешь — неестественно. Ваш народ рационально подходит ко всему, что происходит в его жизни. Каждый ваш шаг и действия должны нести логическое объяснение и прикладное значение. Проще говоря, вы стремитесь вообще не делать ничего просто так, на эмоциях. Даже ваше творчество имеет исключительно логические цели: мотивировать гномов лучше трудиться, иметь перед глазами пример того, как можно развить свое мастерство.

— И что? На примере своего отца я становлюсь лучше: как пилот и как инженер, — Кими выглядела оскорбленной.

— Да, но ты жалеешь эту посудину как память, будто она для тебя живое существо, ты эмоционально окрашиваешь его. Для вас это несвойственно.

— Знаешь, что...

Кими вплотную подошла к Гайриалю так, что дышала ему чуть выше пупка и пристально смотрела на него черными красивыми глазами с большими ресницами.

Гаю было не по себе от этого взгляда, но угрозы он не ощущал.

— Ну и зануда же ты, — вдруг снова захохотала она, чем смутила Гая. — Меня все считают чокнутой, так что я отнюдь не лучший объект для изучения гномов, — вытянула руку и краем кулака ткнула его в плечо.

С тем, что она чокнутая, Гай был солидарен всеми атомами своего изменчивого тела.

— Но не будь придирчивым, — она обошла его, достала тяжелый металлический ключ и как ломом стала вскрывать дверь небольшого багажного отсека "Жаворонка". — Наш народ стал таким непросто так. Легенды гласят, — она что-то пытается выковырять из багажного отсека. Видимо, сумку с нужными ей вещами. — Что в древние времена гномы совсем не были похожи на тех, какими мы стали сейчас.

— Да, когда вы поклонялись своему Идолу, Спящему Камню. А затем он исчез. Совсем как наш Дух Леса.

— А мы в чем-то похожи, — усмехнулась девушка. — Так он на самом деле существовал? Мы так привыкли, что это красивые легенды...

— Должен был, но я считаю, что в его исчезновении виноваты вы. Вы перестали поклоняться ему, — с долей неуважения ответил Гай, но Кими пропустила это мимо ушей.

— Слышала, что ваш тоже исчез, — как ни в чем не бывало, продолжила она. — Только говорят, что после этого, вы, наоборот, прыгнули вперед в развитии. В отличие от нас. Гномы утратили свой первоначальный могущественный облик, наши тела перестали быть тверже горной породы, как писали легенды, а наш ум перестал быть способен превратить любую деревяшку в совершенный инструмент.

— Не сказать, что и мы стали владеть всем миром после ухода Духа, — честно, но не без труда выдал Гай.

— Мы-то вообще, согласно легендам, уже начинали строить такие дома из камня, что могли сравняться с горами, а наши аппараты могли долететь до звезд... а потом что-то произошло, и все... Мы стали такими как сейчас, и у нас никак не получается вернуться к тому, что мы потеряли. Как не стараемся, мы словно можем придумать что-то до определенного порога, а дальше у нас... Ну как будто мозгов не хватает, не везет, не получается! Лезем из кожи вон, чтобы приблизиться к тому, что у нас было и все... — в ее голосе слышно неподдельное сожаление. — Никак. Многие даже перестают верить в Спящего Камня. Если бы не его скульптура посреди города, он бы давно забылся.

— Поэтому вы все такие... рациональные? — с незначительной долей презрения поинтересовался он, которую простодушная Кими, как всегда, не заметила.

— Да, — отвечает она, выбегая из кабины. Через плечо у нее висит небольшая сумка из черной чешуйчатой кожи (варварство! живых существ пускать на одежду!), а за поясом штука, металлическая, вытянутая, с рукояткой и каким-то крючком. Судя по едкому запаху, который чует тонкий эльфийский нюх, она забита чем-то взрывоопасным. — Просто идея нашего народа — отбросить все лишнее ради достижения цели.

Гай оглядел место, на которое они приземлились: луг почти утратил свою зелень, покрываясь редким шершавым ковром увядшей листвы. Осень — маленькая смерть природы, незнакомая в Лесу эльфов.

Это и время обновления, когда старый порядок, перестающий блестеть и сиять как прежде, отмирает и сменяется новым.

Но осень все равно ассоциируется у Гая с гибелью живого.

Как и былая мощь древних гномов.

— Хорошо, что вы никак не достигните того, что у вас было, — честно позлорадствовал Гай. — Природа от этого осталась целее. А то ваши постройки из камня и железа вытесняли бы все живое со своего пути.

В этот раз Кими задело. От бывшего простодушия не осталось и следа, она схватила Гая за его малиновый плащ, а карие глаза смотрели так хищно, что эльфю стало не по себе.

— А может нам удалось бы уменьшить вред природе, если бы вы стали сотрудничать с нами, а не постоянно навязывать нам, как жить? Не припомню, чтобы гномы первые сунулись в ваши владения за озером. Это нам пришлось выстроить заслоны из пушек, дабы вы не совали нос в наши дела.

Гай раздраженно убрал ее ладонь со своего плаща:

— И как ты себе представляешь наш союз? Мы совершенно другие! У нас нет с вами ничего общего! Эти две ноги, две руки и голова — всего лишь одно из наших воплощений. Мы можем быть какими угодно. Мы не так смотрим на мир, как все другие разумные существа, мы не так строим его вокруг себя, мы не так думаем.

— А, по-моему, вы просто думаете о себе слишком много, — презрительно заключала Кими. — Считаете себя особенными и хотите, чтобы с вами все считались, а вернее, прогибались под вас! Я слышала, почему эльфы решили вступить в войну с нежитью. Не потому, что у вас погибли тысячи как у нас. Просто они задели ваше самолюбие тем, что сильнее вас и могут хозяйничать на вашей территории.

Она повернулась и, минуя "Жаворонок", зашагала в сторону ограды грубого грязного селения впереди них.

— Как вы не можете понять, что мы едины с природой, а вы идете против нее! — вскричал ей вслед Гайриаль. — Мы не эгоисты, на нашей стороне всего лишь правда, поэтому мы и пытаемся донести ее до всех!

Кими на мгновение остановилась. Ее лицо все еще было серьезным:

— Теперь я понимаю, почему в нашей культуре почти нет понятий добра и зла. Все слишком относительно. И нет хуже зла, чем добро, которое навязывает себя всем, — Кими и Гай какое-то время смотрели в глаза друг другу: ее отважные, карие, словно камешки, омытые бойким горным ручьем и его: нежно-зеленые, как стебли эльфийских цветов, смотрящие сквозь челку небесно-голубого оттенка. — Пойдем. Нам еще придется выковыривать из грязи гоблинского короля, чтобы всучить ему письмо.

Десять минут спустя

Гайриалю дурно. Снова. В этот раз не от полетов на грани того, чтобы разбить голову о борт деревянной «птицы».

А от нахождения в гоблинской "столице", в которую они проникли, представьте себе, через дыру в стене.

Вопиющее разгильдяйство! А если дикое животное проникнет сквозь этот кривой прогнивший и трухлявый частокол?

Но, похоже, животные здесь и обосновались. Гайриалю хотелось тошнить от внутреннего обличия гоблинского города. Улица не то, что не чищена, она обосрана! Со всех сторон воняет так, что можно потерять сознание. Кими отборно выругалась и зажмурила нос.

А вокруг них уже стягиваются вымазанные в грязи тошнотворно-зеленоватые создания. Сами сгорбленные, словно привыкли пресмыкаться, крючковатые носы с большими ноздрями расширяются и сужаются, приносясь к гостям. Глаза не то, чтобы злые, они запредельно тупые и смотрят на визитеров не как на угрозу, а как на что-то крайне занятное.

— Похоже, они нас совсем не боятся, — прогундосила из-за зажатого носа Кими, но достала из-за пояса маленькую пушку с крючком, от которой пахло порохом.

— С чего бы им бояться, у них тут даже брать нечего, — Гай, смотрел как оживает от дневного сна их селение. Далеко не все потянулись поглазеть на гостей, кто-то просто повернул уродливую голову и продолжил жрать помой в примитивных хижинах из веток и хвороста.

"Неудивительно, что мы с небес видели некоторые их селения сожженными, — подумал Гай. — И как только у этих совершенно одичавших созданий хватает ума изготавливать оружие из железа?"

"Вот до чего доводит отсутствие великой цели и дисциплины на пути к ней, — подумала Кими. — Они очень похожи на фавнов и сатиров, которые вроде как тоже примкнули к нашему союзу. Такие же праздные животные".

Но внешнее любопытство гоблинов вдруг начало сменяться на агрессию: они зашипели, обнажая желтые острые клыки, в когтистых скрюченных руках замелькали камни, палки и оружия посерьезней.

"Миссия была изначально провальной. Ну зачем Ливенфель пошла на поводу у Вегаря и заслала меня сюда. Ну какая им может быть помощь от них? Ну какой у них может быть повелитель? Какое нахрен централизованное правление?!" — ныло внутри Гайриалья.

Но тут не без благоговейного ужаса захрюкали уже гоблины и разбежались в стороны, уступая место своему вожаку. Все-таки представитель власти у них тут есть.

"Миссия была изначально провальной!" — еще громче воскликнуло в голове Гая. То, что перед ними был вожак, не вызывало никаких сомнений. Он гораздо крупнее своих сородичей, где-то в половину, и на нем, хоть и поржавевший, но железный панцирь брони.

Вожак смотрел на них с нескрываемой ненавистью, рычал, брызжа слюной сквозь клыки и кряхтел что-то неразборчивое.

А его более мелкие сородичи тоже похрюкивали и посвистывали ему в ответ. Судя по тому, что Гай переводил отдельные слова как: "Чужаки", "Сожрать", "Распотрошить" речь явно не шла о конструктивных переговорах.

Гаю было страшно, воином он никогда не был, но чувствовал, что сбежать не получится.

Двуногие твари, один запах которых уже мог заставить умереть от асфиксии, окружал их.

Какая-то вымученная из страха отвaga начала просыпаться в нем, и он стал трансформировать тело для боя.

Впервые в жизни.

Усилием мысли он повысил прочность своих костей так, что поначалу ему стало сложно стоять на ногах от такой тяжести, а затем он также стал наращивать мышечную ткань. Кими чуть не выронила пистолет от удивления, увидев, как его малиновый плащ трещит по швам, обтягивая выпирающую со всех сторон твердую мускулатуру.

Но на этом процесс не завершился. Гайриаль стал отращивать кости на отдельных участках тела так, что плащ треснул от того, что из груди и спины у него стали отрастать острые белые наросты, а кулаки увеличились вдвое, словно валуны.

Из них, с кровью пробивая кожу, выросли еще и мощные костяные шипы.

Большая часть гоблинов, по-звериному стала пятиться назад, видя столь угрожающее преобразование.

Но не вожак. Он рыкнул еще сильнее и достал секиру, с древком из ствола липы и лезвием из отполированного камня с зазубринками. И ему плевать на то, какой костяной броней покрылся Гайриаль. Отчего у эльфа храбрости явно поубавилось.

Боя не избежать.

У Кими дрожит рука с пистолетом. Похоже, страшный, брызжащий слюной гоблин, лишил смелости и ее...

Вожак все подходит ближе и ближе, и, вдохновленные его решимостью, за ним, хрюкая плетутся его соплеменники. Гай успевает заметить, как что-то выпрыгнуло из мусорной кучи бревен, хвороста и всяких кусков технических приспособлений. Оно прыгнуло так стремительно и с такого большого расстояния, что Гай усомнился, способны ли даже эльфы на подобное.

Тот, кто совершил прыжок, встал прямо между гонцами и вожаком.

Он повернулся к вожаку и на четком гоблинском приказал: "Оставить их!"

Вожак резко изменился в своем блевотно-зеленом лице, он изумленно раскрыл рот, подобострастно закивал и грозно приказал своим соплеменникам разойтись.

Те, в свою очередь, с тем же выражением носатых морд, стали расходиться.

Затем он повернулся к гонцам. Кими и Гай смогли рассмотреть его лицо: не морду, а именно лицо.

Это, несомненно, был гоблин. Но выглядел он так, словно эльф решил шутки ради добавить своей прекрасной внешности в его черты. Высокий, выше Гая, и статный, одетый в относительно чистый черный балахон с металлическими поржавевшими застёжками. От гоблинского в его лице был только немного прямой и вытянутый нос, заостренные кончики ушей, зеленоватый оттенок кожи и землистый цвет глаз.

В остальном же, по всем пропорциям тела он ну никак не походил на сгорбленных уродцев рядом с ним.

Он смерил любопытным взглядом Гая, засмеялся, обнажая острые, но относительно чистые зубы. Гай что-то невразумительное пробормотал зеленокожему на гоблинском, в ответ на что тот кивнул и задал эльфу встречный вопрос.

— Что он сказал? — Кими посмотрела на Гайриалья, который все еще также оцепенело стоял, покрытый угрожающими костяными наростами.

— Я спросил его: "вы от Вегаря?" — зеленокожий обратился к Кими на немного искаженном гномьем языке, чем поверг ее в еще больший ступор.

— Да, — ответил Гай на эльфийском, но зеленый все равно понял его.

Несколько секунд очень странный гоблин стоял, насупившись, словно размышляя.

— По правде говоря, я и не верил, что дождусь этого дня, — сказал он на гномьем, видимо, понял, что Гай переводчик, поэтому понимает и так. — Сын Духа Леса и дочь Спящего Камня... Какое поручение вас привело в мое скромное селение?

Кими смотрела на скалящегося позади собеседника вожака гоблинов, закованного в броню.

— Нам нужно передать письмо... главному! — нашлась девушка, быстро доставая из кожаной сумки, сложенное в свиток, письмо. Она это делала практически машинально. В голове лихорадочно проносились мысли: "Что это сейчас было?" "Откуда явился этот зеленокожий?" "Кто он?" "Откуда знает про союз существ Таогара, и что их направил сюда Вегарь?"

Но почему-то собеседник, несмотря на угрожающую, звериную мощь, которую источал, вызывал и доверие.

— Вы же... он... да? — неуверенно спросила она у существа, который чуть ли не втрое был выше нее.

— Нет, нет, дитя, вождь у этого народа здесь вовсе не я, — простецки отмахнулся он. — С ним вы уже познакомились, — он кивнул на огрызавшегося гоблина в доспехах позади себя. — Но нет необходимости давать ему письмо. В действительности оно предназначается мне.

Кими крепко стиснула свиток. Карие, багряные вокруг зрачка, глаза незнакомца хоть и смотрели дружелюбно, но звериными быть не переставали.

— С чего бы это? — подозрительно осведомилась она.

Гай просто переводил взгляд с нее на собеседника, как он будет реагировать на отказ отдать ему свиток. Но тот был вовсе не в обиде, смотрел понимающе.

— Потому что я знал Спящего Камня, — Кими прищурила глаза. — Знал Духа Леса, — Гай вздрогнул так, что шипы костяной брони застучали друг об друга. — Знаю, что с ними всеми стало, и поэтому знаю, что Вегарь вас прислал.

— У нас приказ: отдать письмо вожаку гоблинов! — отважно воскликнула Кими. — Мы пришли заручиться поддержкой этого народа!

— Дочери Спящего Камня всегда отличались прямоотой и преданностью принципам, — отметил зеленокожий. — Письмо можете оставить себе. Я и так знаю, что в нем написано. Поверьте, Вегарю не нужен мой больной, несчастный с рождения народ, — добавил он, с жалостью обернувшись к стене из немых, тупых, но живых существ позади себя. — Ему нужен Я.

— Но кто ты? — от волнения Гай спросил на эльфийском.

— Я брат Вегаря, Духа Леса, Спящего Камня и других детей Химеры. Меня зовут Чаадр, и я Идол народа гоблинов, — ответил он сначала на гномьем, а затем добавил на эльфийском:

— И не удивляйся, откуда я знаю все ваши языки. Когда дети Химеры еще не рассорились, мы вместе придумывали диалект, каждый для своего молодого, только делающего первые шаги народа.

— Так ты Бог гоблинов! — воскликнул Гай, уже на гномьем, чтобы и Кими было понятно. — Но... почему ты так отличаешься от них?

— Потому что я — Идол, — горько засмеялся Чаадр. — Мой народ был рожден глупым, лишенным культуры и представлений о морали. И я все время нахожусь рядом с ним, потому что они страдают, они гибнут без меня. К сожалению, даже я, Идол, не могу изменить их природу, но могу помочь им выжить: я учу их ремеслам, учу добывать себе пищу и защищать свою территорию. Это моя судьба... И мое проклятье.

Кими начала сначала опускать пистолет, а затем и вытащила руку из сумки со свитком и стала еще внимательней разглядывать Чаадра. Она впервые видела вживую Идола, того, кто знал самого Спящего Камня.

— Вы же начали объединяться, да? — после молчания, с утомленной радостью в голосе спросил Чаадр.

Гай кивнул.

— Честно сказать, я не надеялся на это. Я думал, мы навсегда рассорились, а наши народы еще много веков будут проливать кровь друг друга.

— Нас сплотили... мертвецы из другого мира, — не без злобы сказала Кими.

— До меня дошли слухи, что Пограничная Гора рухнула. Из-под ее подножья освободилась невиданная сила. Мертвецы были к этому причастны?

— Они ее уничтожили!

— Странно, они обычно стараются не соприкасаться с нами, — отметил Чаадр. — Но я предполагаю, из-за кого противостояние мертвецов могло затронуть и наш мир. *Знавал я как-то одного из них, который хотел перевернуть мир с ног на голову...*

Кими и Гай не проронили ни слова. Они не знали, как действовать дальше, поэтому Чаадр взял инициативу в свои руки:

— Раз уж наши народы едины перед общим врагом, и хотят призвать Химеру, то времени я бы не стал терять, — он повернулся к вожаку гоблину и что-то пророкотал ему на их языке. Тот покорно склонил голову, и грязная сгорбленная толпа начала потихоньку расходиться. — Полетели! Я видел вашу «птичку» в небе.

ГЛАВА 19

Наши дни...

Колеса "Доджа" омывались в чистом озере, продолжая рисовать ледяную линию уродливой трещины на его зеркальной поверхности.

Следом по воде поспевал "Ягуар" Майкла.

Я знал, что мне сейчас не придется уклоняться от выстрелов из гномьих орудий. Если коротышки и остались жить здесь, то им уже явно не до проезжающей мимо машины Извозчика.

Дом их горы разрушен, и теперь каменные конечности этого великана разбросаны по всему берегу.

Благо, дорога сохранилась. Я замечаю это, когда колеса машины оставляют свежие следы на берегу.

Но теперь трасса не такая как прежде. Вместо привычной гномьей возни и леса, здесь видны лишь поваленные деревья и ущелье из хаотично разбросанных глыб. Маленькие урод-

ливые горочки, осколки былого величия, теперь обиженно тянут вверх стесанные, недоразвитые вершины, покрытые землей и лишайниками, в окружении разломанных елок и сосен.

Я впился взглядом в извилистую змейку дороги, чтобы не отвлекаться на взгляд справа от меня. Я не хотел поворачивать голову в его сторону. Почему — не знаю. Будто ощущал его на себе, словно он проникал в меня и заставлял что-то... чувствовать?

Дорога выравнивается. Еду спокойно. Обрушение Горы Гномов немного изменило ландшафт местности, но в выигрышную сторону для меня. Освободилось место, и я мог теперь объехать одну из Драконьих Гор, а не подниматься по крайне опасной дороге наверх, рискуя рухнуть с большой высоты к Черному Лесу.

Чувствую. Легкое, осторожное касание тонкими пальцами моей руки. Она словно боялась обжечься о мою холодную мертвую кожу.

— Артур... — она также тихо и с опаской произнесла мое имя. — Артур... Прости меня. Прости, — слышу слезы в ее голосе. — Я не хотела, чтобы так вышло.

Бегло смотрю на девушку. Ее глаза непонятного цвета сейчас блестели как лепестки незабудок после дождя... Но я забыл, кто она.

Снова отворачиваюсь на дорогу. Справа злобно пытается дотянуться до неба черная верхушка Драконьей Горы. Надо мной опасно висит тень ее обитателя. Я вижу, как она непрерывно стелется по пути машины, а сверху, громко, словно хлопают парусами, чудовище машет крыльями.

На лобовом стекле "видеозвонок" от Майкла.

— Кажется, эта тварь тебя заприметила, — спокойно констатировал он. Лицо серьезное, видимо, оставшееся время действий эмоций стремилось к нулю. — У тебя нет пугалки для драконов?

— Пугалки? Таких и не существует даже.

— А жаль, — он всматривался вперед. — Здоровая ублюдина кружит. Как бы не спикировала на тебя.

— Черный?

— Ага. Причем Старший.

Драконы могут расти около тысячи лет. И если Майкл сказал Старший, значит, речь об очень, ооочень крупной зверюге, которая сможет схватить машину в когтистые лапы и потащить в ущелье.

Черный дракон или Тупоролый Горняк по квалификации гномов. Имеет сильные задние лапы с цепкими когтями, благодаря которым он может впиваться в горную поверхность, а длинные передние обладают еще большими когтями, как у крота, для прорывания туннелей. Многие пещеры в Драконьих горах — результаты деятельности черных драконов.

Вижу его голову. Маленькая и короткая, как у черепахи, только с небольшими шипами. Черные крылья большие и перепончатые как летучей мыши, крепятся к передним лапам. На вытянутом брюхе серовато-белые чешуйки, а длинный болтающийся хвост невольно создает ассоциацию его тела с ужом.

Не самый эстетичный дракон, в отличие от лесных, окрасом напоминающих тигров, практически каменных островняков и ловких водных змеев.

Поговаривают, драконы одни из немногих существ, живущих в этом мире еще со времен Титанов.

Я уже хотел сбавить скорость и потянуться за автоматом на заднем сидении, перезарядить подствольный гранатомет и пальнуть по зверюге, чтобы убралась восвояси.

Но дракон, судя по обильным шрамам на брюхе и одному пробитому крылу, явно потрепан жизнью и лишний раз рисковать не станет. Да и мы не представляли для него интереса как добыча. Сделав мощный взмах крыльями, он полетел в сторону горы.

— Зассала, уродина, — с насмешкой констатировал Майкл, и исчез с лобового стекла.

Снова поворачиваюсь к девушке. Дракон отвлек от ненужных мыслей, и я, снова ощущая привычную мертвую тишину внутри своей души, сказал:

— Что бы вы мне ни сделали и, кто бы вы ни были, я вас прощаю.

В ее жестах и лице что-то изменилось. Плечи вроде как расслабились и опустились, словно она облегченно выдохнула, а на лице проявилось еще больше беспокойства:

— Артур... Ты меня совсем не помнишь?

Не вглядываюсь в ее лицо. Мне это неинтересно.

Там что-то есть...

— Нет, — резко поворачиваюсь на дорогу. — И вам настоятельно рекомендую забыть. В любом случае это воспоминания о вашей жизни, и после смерти они будут приносить вам психологические неудобства, — официально отбарабанил ей.

Мы едем молча всего несколько секунд. Несмотря на приличную скорость, горный хребет все также возвышается справа.

— Артур, но это же я! Вика. Мы любим друг друга, — она вцепляется мне в руку, а другой аккуратно касается щеки. Словно хочет повернуть мою голову и еще раз заглянуть в глаза.

— Отвали, — я с силой отталкиваю ее правой рукой.

Она вскрикивает, отброшенная к двери.

— Артур... Что... Что с тобой случилось?

Он смотрел на нее. Этот взгляд его холодных глаз. Эта непоколебимая решимость и злость. Таким она видела его в последний раз. В Ту роковую ночь.

— Я не тот, кто вам нужен, — снова механически говорю ей. И что это за секундный порыв на меня нашел?

— Но ведь ты любил меня... И... любишь до сих пор, — ее голос словно обрывается. Такое бывает, когда человек перестает верить в то, что он говорит. Не завершив фразу. Будто она висела над пропастью, хватаясь за тонкую веревку, и вдруг я ее обрезаю.

— Больше нет, — произношу нарочито уверенней. — И вам рекомендую отказаться от прошлого. Оно... вам больше не нужно.

Вот только Вика, смотря на него, такого грубого и совершенно невозмутимого сейчас, не могла отказаться от прошлого.

Напротив, она вспоминала Артура.

Таким, какой он был в ее детстве. Таким, когда все между ними только начиналось...

ГЛАВА 20

22 года назад...

Самый отстойный праздник, который только может случиться со школой — это День Святого Валентина.

Вся эта мишура, эти розовые сопливые сердечки, этот тошнотворный ящик с надписью: "Почта для влюбленных".

—Фу, — поморщился Артур, глядя на все это.

—Согласна, мерзость, — поддержала его Вика. Конечно, она не настолько презирала романтику, как Артур, но все же этот праздник, и вся эта атмосфера всеобщего умиления ее тоже раздражали.

Они оба учились в третьем классе элитной школы, в которую ходили дети чиновников, звезд и прочих состоятельных людей.

Отцу Артура постоянно жаловались разукрашенные мамочки в дорогих шубах на то, что его сын побил их мальчика и просили с ним разобраться. Конечно, отец кивал и говорил, что выплет ему, но ничего такого не происходило.

Во-первых, Артур не был задиристым мальчиком и, как правило, распускал руки, видя несправедливость. К тому же военный отец поддерживал, что сын ведет себя по-мужски. Мать была категорически против такого подхода.

"Пусть он учится и ведет себя прилично, только и может, что кулаками махать! —причитала она.—Валера, ну зачем ты его на борьбу отдал? Мозги себе последние отобьет."

"Ничего он не отобьет, борьба — это не бокс. А ты чего хочешь? Чтобы он сопляком вырос? А так за себя постоять умеет, молодец".

Короче, учился Артур не очень, и поэтому как со стороны отца, так и со стороны матери, дружба с Викой поощрялась. Дескать, хорошо на него влияет и с учебой помогает.

Да и Артур особняком держался среди школьных мальчишек. В основном, все его друзья были из спортивной секции, а в классе он общался только с Викторией. Так что в школу, и из нее они ходили тоже вместе.

В тот день они как обычно просидели пять уроков, наблюдая отвратительное зрелище на переменах. Эти толпы школяров, которые несут в руках открытки в виде сердечек и, прижимая их к рукам, чтобы никто не видел, складывают в ящик, эти восторженные вопли одноклассниц, которые получили валентинку от анонимного поклонника — все это удручало двух друзей.

А еще под конец эта сцена...

—Господи, почему это делает он, а стыдно мне? —Артур хотел закрыть лицо ладонью, глядя на то, что произошло в конце предпоследней перемены.

—Хихихи, —посмеялась Вика, закрывая рот ладошкой. —А, по-моему, очень даже мило.

Их одноклассник, низкий типичнейший худощавый ботаник в очках, Димка Миронов, весь день ходил какой-то напряженный. И прятал что-то в дрожащих руках. Словно хотел от этого поскорее избавиться, но никак не мог отважиться.

И вот, когда звонок уже прозвенел, в классе все собрались, а здешняя красавица Даша Кузнецова объявила учительнице, что ей нужно уйти с последнего урока, тогда Димка решился.

Сделав такую суровую гримасу, что, казалось, на нем треснут очки, он подошел к девочке. Она была не по годам взрослой и на голову выше мальчугана, что отважно шагнул к ней как Давид к Голиафу. Он скованной от напряжения рукой, протянул однокласснице валентинку.

—Это тебе, —не смотря на нее, выпалил он. Одноклассники смеялись, Артур все-таки прикрыл лицо ладонью, а душевная учительница литературы Мария Николаевна с невероятно добрыми глазами и тихим голосом, скрестив ладони, сказала:

—Какая прелесть!

Девочка тоже посмеялась и подарок приняла, но оставшийся день, да и последующие тоже дети были героями насмешек в духе: "тили-тили-тесто".

Артур же был рад после последнего урока, что этот проклятый день наконец-то закончился.

Естественно, он никому валентинку не подарил, а, получив красный конвертик от толстенькой одноклассницы в брекетах (он это понял, по тому, как хитро она улыбалась ему стальными зубами, глядя на него с предпоследней парты), тут же спрятал подарок и как можно быстрее побрел с Викторией из школы.

И тут...

—Так, Артур Валерьевич, это ты куда барышню повел, а как же праздничный концерт?

Буквально в дверях их поймала классная руководительница. Невысокая позитивная энергичная женщина. Несмотря на бальзаковский возраст, выглядела лучше многих двадца-

тилетних. А из-за того, что она еще и носила юбку, на нее влюблено заглядывались старшеклассники.

Но Артуру до таких впечатлений от внешности женщины оставалось еще много лет полового созревания. Сейчас же миловидная учительница, которая практически никогда не повышала голос и в целом имела хорошее расположение у своих учеников, казалась ему лишь непреодолимым и досадным препятствием...

На пути к свободе.

Родители в курсе, что сегодня у ребят после уроков будет праздничный концерт, поэтому личные водители должны были заехать за Артуром и Викторией в 16 часов.

А это значит, что у ребят была бы возможность еще два с половиной часа посидеть в кафе, тратя на вкусности карманные деньги и болтая о том о сем.

Но увы. Им придется ждать его начала.

Хоть в чем-то им и удалось выразить протест. Они хотя бы не пошли участвовать в последних приготовлениях: доклеивать сердечки с ангелочками и рассылать почту для влюбленных.

"Херней в вашей школе любят заниматься, — вспомнил Артур не очень культурное высказывание своего отца. — Лучше б с автомата стрелять учили!"

И он с ним был в этот момент, как никогда, согласен.

Пока одноклассники занимались этой скучной работой во время шестого урока, Артур с Викторией сидели на скамейке в пустом коридоре.

Они сидели и неловко молчали. Обычно им было, о чем болтать, но Вика смотрела куда-то себе под ноги.

Артур тоже нахохлился и скрестил руки на груди, о чем-то серьезно задумавшись.

—Как ты думаешь... что такое любовь? — вдруг спросила девочка и посмотрела на него своими серо-зелеными глазами.

Артур напряженно пожал плечами.

— Да... Да я и не задумывался, — буркнул он.

Вика не сводила с него глаз. Она смотрела на него с тем же выражением, с каким Димка Миронов на Дашку Кузнецову.

Артур оцепенел, когда ощутил на своих губах вкус ее губ.

Сердце замерло.

Это было новое, пугающее и в то же время, такое манящее ощущение. Прикосновение к чему-то очень... волнующему и приятному.

Вика резко отстранилась, оставив Артура в глупом положении: наклонившегося и как бы с протянутыми губами. На ее лице была уже новая эмоция: стыд и испуг.

—Эээ... Мне понравилось, — не зная, что сказать, выдал Артур.

Вика заплакала и быстро убежала. Мальчик опешил и еще долго смотрел в ее сторону, не зная, что делать. Слыша только удаляющийся стук ее башмаков.

После произошедшего в День влюбленных, дети еще какое-то время не общались друг с другом. А когда начали, то многие годы не обсуждали это.

Но они оба навсегда запомнили этот миг.

Их первый поцелуй.

Первый в жизни и самый запоминающийся.

Для них двоих.

Сейчас...

—Артур, — снова повторяет она дрожащим голосом.

Я не отвечаю. Моя рука почему-то хочет потянуться за ножом и пригрозить ей, чтобы она замолчала. Очень странная мысль.

Майкл снова появляется на экране. Похоже, не болтать он не может. Особенность его личности.

—А милашка выглядит напугано, —его лицо на экране лобового стекла наклоняется, словно хочет получше разглядеть пассажирку. —Утешил бы ты ее. Если понимаешь, о чем я, хехе.

— Она —пассажир из опасной категории.

— Ну и что? Не набросится же на тебя с клыками.

—За ними все равно глаз да глаз нужен.

—Мне бы ее в машину закинул, я бы присмотрел, —Майкл посмеивается. —А ты слышал, что на коротких трассах к Аду охотник на водил завелся?

— Нас вообще местные не любят. Особенно, гномы.

—Нет, этот целенаправленно Извозчиков отлавливает, но не наносит летальных повреждений. Только грабит.

—Может, какие-то зомби из разрушенных городков мертвецов? Пытаются себе на пропитание заработать.

—Нееет. Говорят, что это вообще эльф. И что в отличие от местных, которые просто решают стрелами машины и забивают Извозчиков палками и камнями, он работает чисто. Грабит и все. Все, кто с ним встречались — оставались посреди Мира Мертвых в одном черном костюме. Никто не может сбежать от него.

—И от себя не сбежать, —мрачно добавил я. Не знаю, к чему это.

Не по отношению же к той особе, что сидит справа и говорит, что знает меня и даже имела со мной какие-то связи?

Ничего, вскоре я привезу ее в Ад и отделаюсь от нее и больше не услышу и не увижу ее. Никогда.

Смотрю на пассажирку. Она поникла и опустила взгляд вниз. Больше не пыталась вызывать ко мне.

—Майкл, ты тут еще?

— Да, что такое?

—Ты прав. Дорога в Ад вообще стала небезопасна. Я вспомнил. После крушения Гномьей Горы, не то с испугу, не то баланс энергии нарушился, но куча тварей из Черного Леса сбежала в Огненную Пустыню.

—Серьезно? Не слышал ничего об этом.

—Поверь мне на слово. Сейчас обогнем Драконьи Горы и сворачиваем направо.

—На Основную? Мы же кучу времени потратим.

—Зато тебя не расплющит взгляд какого-нибудь циклопа, — вспомнил случай, который произошел в Черном лесу. Когда еще мальчишка схватил за руль и сбросил мою машину со скалы.

—Окей, босс. Только странно, чего это ты о безопасности сейчас задумался. Сегодня же один пошел мочить толпу рогачей.

Не отвечаю.

Трасса относительно ровная, а у машины такая фантастическая подвеска, что создается ощущение, будто еду по асфальту.

250 километров в час, 300, 400. Мотор тихо рычит, из-под колес пулями выскакивают обледенелые камешки и комки вырванной земли. Уже мертвой от прикосновения колес.

Когда путь превращается в сплошное кручение рулем влево-вправо, чтобы не влететь в валун или одинокостоящие деревья, замедляюсь.

Справа все еще угрюмо колют небо обугленными лезвиями вершин Драконьи Горы, а слева мелькает золотом увядшей листвы, истекая кровью багровых листьев, смешанный лес. Где по пояс у понурых елок грустно осыпаются липы и осины, неумолимо теряя свой наряд.

Осень дошла до отдельных участков Мира Мертвых. Пора окончания старого времени, за которым идет долгая зима. Застой природы.

Дважды приходится уклоняться от столкновения с мифическими козерогами.

От обычных их отличает размер и цвет рогов. Увесистые закрученные голубоватые раковины вырастают из серой могучей головы. Кроме того, конечности у них куда мясистей, нежели у земных сородичей.

Завидев машину, один из козлов прыгает на такую высоту, что запросто достиг бы верхушки березы, рядом с которой слизывал какой-то лишайник.

Лес у подножья горы все больше походил на золотую сокровищницу с изрядной примесью рубинов.

Таких же алых как небо на горизонте. Небо Ада. Дракониий хребет скоро закончится.

ГЛАВА 21

Две недели после Битвы за Город Суда...

Лита и Атил...

Свет и тьма.

Две противоположности друг другу и вместе с тем так похожие...

Как дневная луна и солнце, которые сейчас застыли друг напротив друга на пестром куполе небосклона.

Эльфийки Лита и Атил также стоят друг перед другом, по колено в холодных водах Темного Моря.

День и ночь, свет и тьма.

Волосы Литы серебрятся, словно жидкая, стекающая по ее спине и плечам жемчужина, локоны Атил, словно вобрали в себя вечернюю, переливающуюся тьму моря.

Они оставляют свои одеяния: нежные и вместе с тем прочные, сотканые из опавших лепестков лиловых роз, которых специально вывели для того, чтобы из их бутонов получались дивные, благоухающие наряды.

Платья плавно скользят по очертаниям их одинаковых тел, точных копий друг друга, обнажая блестящую бронзовую кожу сестер. По их мысленному велению, платья, рисуя на воде рисунок спирали, пересекаясь зигзагами своих путей, плывут обратно к берегу.

Лита не отрывала взгляд от очей своей сестры, которые точно повторяли топазы ее глаз: и цветом, и разрезом.

Они опускаются все ближе к воде. Единоновременно, их тела двигаются как зеркальные отражения. Каждый миллиметр их тела, грация каждого движения— точная копия сестры...

Они стремились к этому с самого детства: Лита и Атил желали, чтобы всю жизнь их сопровождало создание, в котором каждая будет видеть себя, которое будет понимать их так, как не поймет никто другой, которое никогда не предаст, и будет дышать в такт их дыханию.

И видеть мир теми же глазами...

Лишь в цвете волос они сохранили различия, чтобы окончательно не слиться друг с другом и оставить небольшой кусочек индивидуальности. Лита окрасила себя в свет, присягая на верность дневным проявлениям сил природы, а Атил во тьму, отдавая себя ночным эгрегорам.

Но в остальном их единство было совершенным. Они синхронно превращались, не теряя из виду сестриных глаз.

Их тела меняли форму, бронзовая кожа серебрилась: ее гладкий как шелк покров становился жестче, а затем по ним прошла волна симметричных трещин, сформировав очертания чешуек.

Следом отличия между ними стерлись: роскошные россыпи волос утонули в чешуйчатых доспехах, уступив место острому перепончатому гребню плавника, протянувшемуся от головы до низа спины, голубые топазы глаз погасли, и их заполнила холодная, мутная чернота рыбьего взгляда.

Прошло мгновение, прежде чем их тела юрко слились с водой, исчезнув в ее темной бездне, оставив после себя лишь всполохи.

Плывя под водой, прогоняя через жабры соленую бесконечность, они впервые чувствовали такое необычное, сильное единение. Не такое как с природой в их родном лесу и даже не такое как между душами друг друга...

Ощущение того, как они проносятся сквозь неизмеримую тяжесть океана, сравнимо с полетом, но здесь сестры ощущали полную свободу: свободу от ветра, с которым нужно бороться, свободу от притяжения...

Вода поддерживала их тела, не давая упасть и разбиться, вода оберегала их, вода говорила с ними на языке запахов и ощущений, рассказывая о том, как по следу раненого морского животного стремительно несутся хищники.

Вода говорила о том, как меняет свое направление облако сверкающего косяка тунцов, седлая течение. Посвящала в секреты того, как скрываются в кораллах крабы и выглядывают рыбки ослепительной красоты, похожие на плавающие цветы.

Хоть океан и таил в себе столько опасностей, но ощущение спокойствия и безмятежности не отпускали Литу и Атил.

Словно они были дома...

В колыбели жизни на планете! Так четко у них промелькнула эта мысль, когда под ними, сияя мягким, не ослепляющим сквозь воду, солнечным светом, открывалось дно.

Покрытое коралловым ковром, оно умоляло забыть обо всем и окунуться в эту сокровищницу ярких губок, многочисленных мягких листьев, мерцающих как светлячки жгутиков.

Это так напоминало эльфийскую ночь... Когда все расцветает, наполняет пространство музыкой и ароматами...

Но журчащая песнь океана и роскошь жизни, которой он перед ними хвастал, не должны были отвлечь их от задания. Им нужно было плыть еще дальше. Вглубь. Там, где среди беззаботных коралловых рыб и живущих охотой чудовищ, процветал разум.

Такие слабые и неудобные для передвижения, две ноги, даже в чешуйках и плавниках совершенно не помогали двигаться быстрее в воде.

Тогда сестры соединили их. Ноги превратились в юркий, подвижный хвост, которым так легко было расталкивать толщи воды и все быстрее уноситься к цели. По запахам, растворенным в воде и вибрациям, что слышались в урчащем шепоте океана, Лита и Атил поняли, куда направляться.

Туда, где океан словно обрушивается в темную бескрайнюю бездну.

Тьма и сила холодной давящей воды властвует здесь.

Чтобы ориентироваться, сестры сосредоточились на вибрациях, запустив внутри себя нечто вроде механизма эхолокации.

И океан снова заговорил с ними. Еще громче, еще отчетливей, в деталях рассказывая и даже показывая в их головах, что ждет впереди.

То, что заполняло собой дно, сначала напомнило скопление из рифов.

Сестры пристальней вслушивались в голос океана, всматривались в образы, которые он им рисовал и видели, что каждый этот риф, глубоко под слоем грунта и тысяч, нарастающих друг на друга поколений кораллов, является точной копией другого рифа, рядом с ним.

Лита и Атил, быстро расталкивая воду плавниками, приблизились еще и поняли, что каждый риф в глубине своей закручен в центр и полый внутри. Совсем как исполинские ракушки! Коими они и являлись.

Это были панцири древнейших аммонитов, что во времена Титанов вели долгий путь под водой.

Память океана нашептывала образы:

Вот они несокрушимой подводной эскадрильей, невозмутимо и неспешно двигались от одного материка к другому в вечном безмолвном плавании.

Вокруг них разворачивалась жизнь, прилипающая к их несокрушимым необъятным панцирям, боролась вокруг них в лице вечной погони хищников и жертв, а им все равно...

Они двигались безучастно, словно рифы, которыми стали после жизни.

Без добрых и злых намерений, без разума, став одним движением. Движением абсолютной, но совершенно бесполезной мощи.

Лита и Атил подплывают еще ближе, и океан вибрирует ворохом беззвучных голосов.

Это не глупые голоса рыб, способных лишь на три слова: "опасно", "питаться" и "размножаться", эти голоса состоят пусть и из искаженных, но предложений. Словно слышишь трудно различимый за стеной разговор.

Голоса раздавались совсем немного снаружи ракушек, но больше всего резонировали в их округлых коридорах.

Туда сестрам и нужно...

Только, едва они начали подплывать к ракушкам ближе, с каждым метром океан шептал все угрожающе, все более страшные и злые образы рисовал он сестрам.

Океан предупреждал их.

"Уходите!" — журчал он, рисуя в головах Литы и Атил образы того, как существа из другой реальности подчинили его.

Существа, которые в своем родном мире незримо присутствуют и влияют на обстоятельства, на настроения людей и силы природы. А в Таогаре...

Они зовут себя богами...

Шепчет вода.

Повелителями воды...

Обиженно вторит океан.

Владыками морей...

Звучит голос океана, словно разбитый на несколько маленьких, более слабых голосов. Голосов морей.

И весь живой обширный массив воды показывает им образы.

Человеческие образы, сильных мужчин и женщин, живущих под водой.

Их руки сжимают трезубцы.

Подплывая к подводному городу, скрытому внутри опавших на дно окаменевших раковин, Лита и Атил видят их.

Нет, не подводных людей, трезубцы. Даже в такой тьме, где солнечный свет лишь легонько касается очертаний водного города, видны их острые лезвия, видны руки, которые их держат.

Видны глаза: большие и круглые, как у акул, и лица, обрамленные шлемами чешуи, но не лишенные красоты.

К ним плывут двое. В лицах водяных обитателей, вытянутых, но все равно сохраняющих необыкновенную гармонию и аккуратность черт, они узнают прекрасную девушку с маленьким носом и выпуклыми, зелеными, как прибрежные водоросли губами.

В другом они узнают юношу. Его мощные надбровные дуги склонились над черными кругляшами остекленевших глаз, а синие тонкие губы, такие светлые, что будто светятся под водой, двигаются, выпуская пузыри.

Позади каждого из них рулит влево-вправо сильный чешуйчатый хвост. Он гораздо больше и сильнее, чем то, что вырастили Лита и Атил из своих ног.

Через рябь океана до них дошло, что пробулькал юноша с трезубцем.

Он приказал: "Стоять!"

Лита и Атил и рады были бы сбежать, но миссия и тяжесть ответственности не дадут им отступить. Да и куда уплывешь от тех, кто с рождения в воде?

Прошло несколько минут...

Их мягко ведут под руки сквозь коридор, бесконечно поворачивающий направо.

Они плывут сквозь мелодично журчащую, теплую воду внутри раковины.

Лита и Атил вспоминают о доме, смотря, как покачиваются под неспешным ласковым течением подводные цветы.

Пульсируют неоновыми щупальцами актинии, заполняющие круглый туннель стены, неспешно двигаются мерцающие морские черви, подрагивая мириадами щетинок.

Рыбы, которые проплывают им навстречу, словно царские сокровища: в их окрасе можно увидеть, как солнце плавно погружается в океан во время заката, растворяя свою ярко-розовую жаркую сущность в холодном жидком молчании.

Розовый коридор переливается перламутром. Так, словно его полировали, стирая о стены жемчужины.

Жемчужины здесь тоже имеются. Они выглядывают из-под створок больших ребристых раковин, которые хлопают, задавая ритм умиротворяющей водной песни. Наполняющей собой весь древний аммонит.

Его внутренняя красота, что видят Лита с Атил остается по бокам розовых стен, а коридор закручивается все чаще, проход становится уже.

В нем все меньше диковинных морских животных и все больше прекрасных поющих русалок, чья кожа и хвосты по яркости рисунков на своей чешуе ничем не уступают цветастому одеянию коралловых рыбешек.

Резкий завершающий виток панциря аммонита приводит пленных к королевскому трону.

На отполированном панцире давно умершей гигантской черепахи из ребристых бежевых кораллов соткано кресло, на котором восседает Наг, чей массивный полосатый хвост змеи заполняет собой половину тронного зала.

Лица короля не видно. Его скрывает ни то маска, ни то корона из алой пупырчатой морской звезды.

Его дюжие руки серебрятся как чешуя на змеином хвосте. От кистей до локтя парусами покачиваются в хилом течении полупрозрачные ткани плавников.

Наг. Наполовину — гуманоид, наполовину — змея. Литу и Атил перед заданием ввели в краткий курс истории подводной расы: наги были первыми разумными существами, сотворенными для жизни в океане.

А если быть точнее, те, другие разумные виды, населяющие океан, по происхождению являются теми же самыми нагами.

Просто в какой-то момент развития цивилизаций эльфы и подводная раса состояли в союзе, в ходе которого первые научили их менять свой облик, а вторые дали им секрет долголетия.

Так появились те, кто желал обрести себе части тел рыб: русалки, тритоны, наяды и другие создания.

Затем по какой-то неясной причине контакт двух рас прекратился и до сегодняшнего дня эльфы не появлялись в их краях.

Лишь на земле можно было встретить одичавших изгоев подводного мира. Например, хищных ламий.

Используя магию эльфов для изменения тела, владыки водного царства насильно отращивали им ноги и легкие как у людей и выбрасывали на берег.

От жизни на суше эти существа быстро сходили с ума, становились озлобленными и агрессивными. Поэтому по сей день встреча с ламией не сулит путнику ничего хорошего.

Наг открыл рот. Из-под морской звезды, практически полностью скрывающей лицо, завиднелись острые клыки. «Эльфы?» — журчанием донесся до Литы и Атил его вопрос.

Сестры утвердительно ответили ему.

В ответ наг пустил губами по воде вибрацию. В ней была слышна насмешка.

Следом наг, скрестив длинные чешуйчатые пальцы, между которыми проглядывали перепонки, осведомился о цели их визита.

Лита и Атил рассказали им о том, что происходило на поверхности. О том, как их соседство с мертвецами стало опасно. О том, как эльфы и остальные обитатели Таогара потеряли тысячи представителей своих народов в разборках мертвецов и как активно стало их вмешательство в жизнь всех рас.

Совершенно неясно, какие чувства испытывал наг, слушая их.

Морская звезда, покрывающая его лицо, не выражала эмоций.

Наг помолчал, держа скрещенные пальцы перед собой и неподвижно сидел, словно уснул в такой позе.

Лишь золотистая, с темно-синими полосками вдоль тела, маленькая акула кружила вокруг него. Словно собачка, просившая поиграть с ней.

Наконец, он пробормотал что-то непонятное. В духе: «Ваша проблема неправильна».

«Что это значит?» — одновременно спросили сестры.

«Что вы заблуждаетесь. Тех, кого вы клеймите нежитью и темной силой — это наши боги. Они вдохнули в нас жизнь, дали нам разум и вечно цветущий дом, — он подвинул к себе поближе внушительный, отделанный узором из ракушек, трезубец. В памяти эльфиек сразу вспыхнули тревожные образы, который им показывал океан. И трезубцы в них означали угрозу, неминуемую гибель. — Мы приобщились к нашему богу раньше всех вас, и теперь он руководит нашей жизнью. Он решает, как будет для нас лучше».

Затем наг положил левую руку на голову акулы, которая послушно начала тереться о нее, словно ласкающийся зверек.

А правую поднял. В этот момент Атил выпустила сдавленное журчание, а из ее живота выпрыгнул, покрытый твердым чехлом из веток, свиток. Она скрывала его в своем чреве, чтобы выпустить, когда это будет нужно.

Но, похоже, подводный царь решил взять его сам. Рана быстро заросла, Атил поместила свиток так, чтобы он не задевал органы при извлечении.

Судя по тому, как наг сразу увидел скрытый свиток, он обладает магическим зрением, которому многие эльфы позавидуют.

Наг взял свиток в руки, легким движением загнутого когтя разрезал чехол и развернул его.

Свиток был сделан из эластичной коры, чтобы не намокнуть. Король недолго читал символы, вырезанные на ней прежде, чем выбросил развернутый документ.

Он еще плавно качался в воде, не спеша опускаться вниз, на усеянный созвездиями жемчужин пол.

«Вы призываете к ереси, — гневно констатировал наг, стукнув шестом трезубца об пол так, что акула испуганно заметалась вокруг трона. — Вы хотите, чтобы мы объединились с

наземными существами, с теми, кто по-прежнему верят в своих старых варварских идиолов и приносят им жертвы! И ради чего? Чтобы свергнуть тех, кто любит и оберегает нас?!»

Литу и Атил готовили к разным исходам миссии, но не к такому, где союзник встанет на защиту врага.

Поэтому они даже не могли ему ничего возразить, а лишь безмозгло покачивались в воде, словно медузы.

«Когда мы поклонялись старым языческим идолам, братались с такими как вы, наши народы постоянно раздирали войны! Все хотели быть эгоистами и жить в океане по своим законам! Но, когда пришел Посейдон, Величайший Бог из другого мира, он прекратил это и сделал всех нас одной семьей! Вода стала нашим общим домом, где никто вроде вас не учил нас жить, где никто нас не тронет и не потревожит. Мы отказались от всей вашей магии, что развращал наш народ. Чтобы ни у кого не было более искушения изменить свой облик и уйти от нашей семьи. А те, кто не хотел жить в мире, жестоко наказывались: мы стали изгонять еретиков и не пускать их обратно в океан. Теперь большая часть из них довольствуется жизнью в ваших мутных реках и болотах».

Лита и Атил узнали в этой истории речных русалок и водяных.

«Что теперь будет с нами?» — смело осведомилась Атил.

«Нас отпустят?» — осторожно поинтересовалась Лита.

Наг откинулся на троне. Вода прерывисто забулькала. Он смеялся.

«Мы не приемлем убийств себе подобных. Даже если они провинились, мы наказываем их изгнанием на поверхность. Но для вас, сухопутных, это не будет наказанием. К тому же и вы не из наших. Поэтому вас ждет показательная казнь. Чтобы все члены нашей подводной семьи узрели, что бывает с еретиками».

Прошло три часа...

Большая тень закрывает тот кусок света, что сочится сквозь толщи воды ко дну.

Живой тяжеловесный занавес кита проплывает над ними, погружая во тьму все, что находится под ним.

Два больших полосатых плавника неторопливо поднимаются и опускаются, как два крыла, что позволяет этому неподъемному существу чувствовать себя орлом, рассекающим небосвод.

Лита и Атил обмотаны тяжелой цепью так, что никакое превращение не позволит им вырваться.

Они как маятник качаются, привязанные этой цепью к неподъемному корабельному якорю, что зарос водорослями и кораллами.

Вокруг них, между колонией дворцов-аммонитов, проглядывают угрюмые, остроносые очертания затонувших кораблей.

Судя по тому, как плотно они обросли океанской жизнью, на дне они нашли свой приют очень давно. Новых кораблей не прибавлялось. Видимо, их не топили из-за дружбы с их новым покровителем — Посейдоном.

Когда мимо, важно взмахивая крыльями, пролетает стая скатов, рядом с сестрами оказываются два существа. Судя по прозрачной юбке из крыльев, вырастающих из основания хвоста — это легендарные летучие русалки. Лите и Атил рассказывали о них.

Те, что нападают на всех, кто оскверняет кораблями гладь океана.

А значит, они точно не на стороне Посейдона, которому подчинилась вся подводная цивилизация.

Они из тех, кого прогоняют прочь из океана, поближе к берегу, заставляют жить в реках и водоемах континента.

Выглядели они даже пострашнее нага: по их лицам сложно определить, кто какого пола, потому что челюсти и скулы закрыты твердыми пластинами чешуи, а изо рта выглядывают треугольные хищные зубы. На руках длинные загнутые, как сабли когти...

Но цепи дикие русалки перекусывают зубами, а затем быстро уносят Литу и Атил прочь...

Они плавают настолько стремительно, что нескольких секунд, пока охранники-тритоны отвернулись от своих пленниц достаточно, чтобы исчезнуть во тьме океана.

Прошел час...

Подводные обитатели никогда не спят в привычном для наземных обитателей смысле.

Они живут в вечном плавании, а их мозг отдыхает, попеременно переключаясь между левым и правым полушарием. И когда единственным источником света для океана остается серебристое мерцание луны и размытые тонкие полосы звезд, они начинают говорить иначе.

Вокруг сестер бешеным вихрем кружатся крылатые русалки, что вызволили их из плена.

Они наперебой рассказывают эльфийкам то, чем хотели поделиться целые поколения их народа. Воодушевленно и страстно они делятся с ними самым сокровенным. Их лица страшны, глаза выпучены, и взгляд их вряд ли можно назвать осмысленным.

Их логический разум спал, но зато бурлил творческий, и подводный народ-изгой, отвергнутый морской страной, живущей в аммонитах, говорил с Литой и Атил через образы...

Они шли бокобок сразу как встретились на пути исследования жизни, которая окружала их.

Эльфы и наги.

Остроухие прекрасные создания, способные ласково и нежно, едва касаясь природы, править ею, и те, у кого каждый миллиметр дома, где они обитали, был пропитан жизнью, которой они дышали, процеживая через жабры. И ощущая немыслимую силу под чешуей, жили в вечной борьбе с течением.

Их объединяло любопытство, исследование природы и стремление к гармонии с ней.

Сестры взяли за руки. Им было страшно от того, с какой мощью сознание русалок проникает в их разум. Их яркие образы, казалось, могли объять весь их ум словно щупальца осьминога и поглотить его.

Но вместе с тем Лита и Атил ощущали радость, от которой хотелось плакать: когда они видели, как вместе развивались эти два непохожих друг на друга народа, каких высот они достигали вместе, как становились единым целым...

Сестры крепче стиснули ладони, когда следующий поток тревожных образов волной проник в их сознание.

Ощущение очень похоже было на то, когда океан предупреждал их перед тем, как они спускались к дворцам в аммонитах....

Трезубцы... Высокий мускулистый человеческий мужчина, чья борода лентами развеивается под водой как листья водорослей.

Трезубцы... У его свиты, гордых и сильных мужчин и женщин, что следуют за ним...

Он пришел в тот момент, когда подводная раса достигла своего рассвета, когда эльфы научили их бережно, но радикально менять природу вокруг себя.

Он пришел в тот момент, когда подводные города были похожи на сокровища из сияющих кораллов, водоросли и рыбы росли так, как это нужно было жителям для их нужд, а сами жители находились в достатке и ни в чем себе не отказывали.

Океан, в котором они вечно боролись за жизнь с бесчисленным множеством хищников, стал уютным домом вместо вечного поля боя.

Но человеческий бог пришел и забрал это все, разом обрубив все связи с наземным народом. С теми, кто много подарил обитателям океана.

Лита и Атил беззвучно закричали.

Они ощутили боль. Боль всех разумных жителей океана, что бросались на могучего захватчика и гибли в неравном бою с ним.

Затем боль сестер стала стихать, как стихал жар сопротивления подводной расы, чью борьбу они созерцали.

И вот уже коралловые замки рушатся, а в туннель аммонитового дворца садится новый король. Взявший в руки трезубец. Но не чтобы сражаться им с Посейдоном, а чтобы вершить его волю.

Не прошло и пары поколений, как Посейдону присягнули на верность практически все подводные жители. Они уже не помнили и не знали тех волшебных дней вместе с эльфами, то время изобилия и всепроникающей красоты.

Новых очагов сопротивления не возникало.

Все, кто хоть как-то пытался противостоять новому порядку подводного мира, были потомками тех, кого не добились во время вторжения Посейдона.

Однако их было настолько мало, что они даже не подвергались особому преследованию. А редкие диверсии, что творили крылатые русалки и другие "разбойники" не могли причинить новому государству серьезного вреда.

Кроме этой...

С похищением Литы и Атил.

Крылатые хвосты вокруг них так активно затряслись, что волны причудливым узором нарисовали новый, самый важный эпизод их повествования.

Множество чудищ дремало на дне океана.

Это были, как простые, очень крупные и сильные хищники, так и реликтовые монстры, которых можно разбудить только магией.

Но тот, кого им хотели показать, был уникальным.

Он был не просто силен и опасен: все его естество дышало неутомимой стихией возмездия.

Он дремал в темноте с тех самых пор, как Посейдон явился сюда с войной.

Он был тем, кто бился с ним наравных, как бог сражается с богом и даже почти победил могучего захватчика.

Но Посейдон все же одолел его хитростью и серьезно ранил трезубцем.

Перед глазами Литы и Атил был только голый по пояс суровый владыка морей, искусно вращающий трезубцем, и тень напротив него. Необъятная тень того чудовища, что бросило ему вызов.

Русалки продолжали танцевать, все ускоряясь и ускоряясь, пока сестры не попали в водоворот.

Им уже становилось тяжело понять, о чем говорят эти воинственные создания, но все же какой-то смысл доходил до них.

Расщелина...

Трещина в разломе...

На дне...

*Печать эльфов...
Навеки...
Заперт...
В вечном сне...*

ИДОЛ...

*Печать эльфов...
Не взломать...
Никогда-никогда...
Нет эльфов...
Нет магии...*

Складывая обрывки образов в единое целое, сестры поняли, что произошло.

Чудовище, что сразилось с захватчиком-Посейдоном — это Идол подводной расы, каким для эльфов был Дух Леса.

Человеческий бог океана и владыка морей заточили его раненого в ловушку, в которой Идол пребывает в вечном сне, скрытый от своего народа.

Подобраться к нему нельзя. Его темницу закрыли с помощью магии эльфов, которую потом запретили в подводном мире.

И теперь никто больше не может выпустить Идола на свободу.

Ситуация вышла из-под контроля.

Лита и Атил выполнили свою задачу: отнесли письмо королю подводного мира.

На этом их миссия закончена.

Но глобальная цель же была привезти армию для их королевы... Эти бесстрашные летучие русалки готовы пойти на все, если эльфийки освободят их Идола. Но стоит ли принимать такое решение без приказа?

Об этом думала Лита, сомневаясь, стараясь взвешивать все «за» и «против».

Атил же была как натянутая струна. Она уже готова была ринуться в бой и сказать бунтовщикам «да!», но сестры всегда стремились принимать совместные решения. Они мало, что делали, не согласовывая это друг с другом.

И вот сейчас они принимали совместное решение. Вынырнуть на поверхность и применить магическую технику ментальной связи.

Они поделились своими намерениями с хвостатыми спасителями, но те отказались отпускать их вдвоем на поверхность. Уж очень сильно они держались за надежду освободить своего Идола, и девушки прекрасно понимали это.

Лита осталась с освободителями, а на поверхность отправилась отважная Атил. Ночь опустилась над Темным морем, подражая своей темной гладью звездному небу и как в зеркале копируя все богатство, что являл бескрайний Космос.

Атил безжалостно резала своим плавником притворный костюм океана. Она размазывала созвездия на нем, заставляя отраженный Космос колыхаться и дрожать. Эльфийка своим плаванием будто показывала все несовершенство этой безумной попытки ограниченного океана стать похожим на бесконечный простор Вселенной...

Атил мчалась к берегу, постепенно убавляя ход, втягивая жабры и избавляясь от чешуи. Затем хвост раздвоился, обернувшись парами длинных стройных ног, мутные рыбы глаза засияли голубизной ее истинного взора.

Обнаженная эльфийка выходила из воды. С изгибов ее тела жидким серебром стекала морская вода.

Атил шагала так легко, что едва оставляла следы босых ног на мокром холодном песке. Ее ладонь нежно взяла за ветку тонкое, но очень сильное и гибкое деревце, растущее на берегу моря. Его корни узлами впивались в землю, как натруженные мускулы поработанного гребца, которые изо дня в день борются с течением.

Техника ментальной связи сложна, и доступна отнюдь немногим. За исключением Литы и Атил лишь пара-тройка эльфов разведчиков владеет ей в такой мере, чтобы отправлять сигнал на большие расстояния.

Самое сложное в этой технике — это «расчистить канал», чтобы сигнал со скоростью смог устремиться в нужное место. Для этого Атил берет в руки ветку, устанавливает связь с ней, затем со стволом дерева, затем своим сознанием пробивается к его корням, под землю и устремляет разум по корневой системе еще дальше, переплетаясь с корнями других деревьев пробивает путь сигналу в сторону эльфийского леса.

Выполнение этой техники требует недюжинных сил, но у Атил был один секрет. Ее любимая сестра. Она прямо сейчас, со дна океана отдавала ей часть своих сил, помогая прорывать этот туннель.

И когда ее сознание ощутило тепло родного леса, затем мощь и стать эльфийских строений, и наконец, сиреневый взор Ливенфель, ветка в руках Атил засияла, и сигнал, со скоростью света достиг разума их госпожи.

Она думала недолго.

Несколько секунд.

Затем сигнал вернулся обратно.

В сердце Атил пугающе зашевелился бесформенный образ громадного, озлобленного Идола жителей океана.

«Вы должны освободить это божество и добыть его кровь», — велела Ливенфель.

ГЛАВА 22

ПОЛОВИНА СЕБЯ

Удивительно.

Наверное, это была судьба.

Печать, с помощью которой Идол был заточен в подводной скале, покрытой шевелящимися нитями водорослей, открывалась именно техникой ментальной связи.

Слишком сомнительное совпадение, что на задание отправились именно эльфийки, владевшие этой техникой. Если бы Дух Леса был жив, то наверняка это было бы его рук дело.

Печать размыкается, в воде отчетливо слышна вибрация механизмов, которые приводят в движение ворота скалы.

Идол подводных существ не создан для того, чтобы править народом и участвовать в его жизни. Он создан для того, чтобы мстить его обидчикам.

Четыре черных бездушных глаза по бокам от острого вытянутого носа. Рот существа, впервые вышедшего на свободу за столько лет, будто бы раскрывается в ухмылке, обнажая несколько рядов треугольных зубов.

Вытянутое длинное тело медленно покидает место своего заточения, постепенно раскрывая для наблюдателей свою форму. Несколько пар одинаковых плавников, полосатый гладкий корпус с тремя шрамами вдоль него (след от трезубца Посейдона) и взгляд, в котором нет ничего, кроме желания жрать.

Идол подводников — гигантская реликтовая акула.

Под водой не слышно шума битвы.

Под водой не видно и слез.

Две сестры — отражения друг друга, две половины одного целого, объединились.

Им никогда не была нужна близость ни с кем, кроме друг друга. И это касалось, как не странно, именно духовной составляющей.

В единении они обретали себя, лишь в единении друг с другом они были собой.

И их близость не имела ничего общего с пошлыми представлениями человека об этом.

В момент близости, они в буквальном смысле становились одним существом: их разум и магические силы удваивались, а тело воплощало inferнальное единство мужского и женского начала. Это был прекрасный гермафродит, в котором идеально сочетались признаки обоих полов.

Но сейчас под водой, это была всего лишь крупная русалка, одна из рук которых превратилась в длинный, с человеческий рост костяной клинок.

В него вложила все свои силы Атил, чтобы проткнуть им выпущенного на свободу Идола...

Под водой не слышно шума битвы.

Идол, чья ненависть зрела столетиями, оскалил бесчисленные ряды зубов и, взбудоражив воду, хвостом бросился вперед. Как бык на матадора.

Под водой не видно слез.

Лита и Атил не боги и, если Посейдон едва одолел это чудовище, то они прекрасно знали, что им не уйти от него живыми.

Им было доступно всего одно движение прежде, чем челюсти сомкнутся на их общем теле.

Это был сильный укол в нос чудовища: по маленькой щели в клинке, кровь по кровотоку должна стечь в специальную камеру, которую отрастила Атил.

Движение получилось. Кровь чудовища попала в эту камеру, заполнив ее доверху, а челюсти спустя секунду сомкнулись на теле...

Под водой не видно слез...

...на теле Атил.

В последнюю долю секунды они разорвали свое единение, и Лита, забрав в свое нутро камеру с кровью, бросилась прочь.

Кто-то должен доставить кровь Идола Ливенфель.

Кто-то должен дать надежду народам Таогара на реванш с мертвецами...

Под водой не видно слез Литы.

...потеряв свой смысл жизни.

Затем все случилось так, как задумали крылатые русалки.

Они массово влетели в город, уже сотни лет управляемый слугами Посейдона.

Армия из нагов сильно удивилась, увидев, как те, что веками скрывались и лишь изредка попадались к ним на глаза, пришли сюда всем своим народом.

На верную гибель?

Булькнуло что-то в воде. Так громко, что сотрясло дно. Это был призыв. Призыв взять ножи и разрезать кожу на запястье.

Наги тревожно зашевелились, видя, как это одновременно делают тысячи крылатых русалок, вместо того, чтобы атаковать их.

Что-то напоминало их движение. Что-то давно забытое и сакральное.

А затем вода забурлила еще сильнее. Ее разрезало тело. Массивное и очень стремительное тело. Движимое яростью возмездия.

И уже армия нагов и русалок Посейдона бросились в неравный бой с воскресшим Идолом, к приходу которого они были явно неготовы.

Именно на такой же исход будут надеяться Ливенфель и Вегарь, когда воскресят Химеру.

ГЛАВА 23

Наши дни, Ад

Демоница Алиса умело сочетает разные должности в Аду. Одна из них — извращенная надзирательница, что творчески подходит к каждой пытке. Вторая — хладнокровная охотница, способная настичь почти любого беглеца из Пекла.

Но также необычные сочетания она любила и в постели. Причем это касалось не только способов удовлетворения, но и пола партнера.

Роскошная демоница Алиса развалилась в кресле. Багровые кудри рассыпались по плечам.

Она смотрела в угол своей комнаты, где стояло нечто диковинное. В полумраке помещения, он казался ожившим вулканом. Сквозь его каменное, цвета чернозема тело, венами текли ручьи лавы, а в лампах желтых глаз будто мерцали уменьшенные в тысячи раз копии солнца.

Его мощь, его непоколебимость каменного утеса, а главное, его героическое прошлое...

Ей хотелось немного растянуть момент перед тем, как она исполнит все задуманное с ним. Как только он освободился из Утиля, Пифон тут же сумел загипнотизировать его еще ничего не осознающую душу и сразу же вручить ей в пользование.

Пифон отдал Алисе его в качестве боевой единицы и дал ей ключи от его сознания.

Тот, кто стоял перед ней во всей своей красе, с внушительным телом и таким же выдающимся достоинством, готов подчиняться любому ее приказу...

И это не какой-то там рядовой демон. Это выдающийся представитель Свободного Легиона. А сейчас смело можно сказать, что он новый Вольный демон.

Не успели еще остыть демонические орудия после битвы с ними, а их воин уже у нее в рабстве. Какая честь от Пифона вручить ей в пользование того, кто чуть не разрушил Ад.

Странно, что верховный демон так расщедрился. Может, он просто передал беглеца своему другу Аскаре, ее командиру в отряде охотников, а он уже передал его ей?

Неважно. Важно, что он теперь принадлежит ей.

Она неспешно подошла к нему и погладила раскаленные пластины, пропитанные лавой на его теле. Такой горячий! Однако желтые глаза прячутся куда-то в пустоту. Да, теперь он лишь памятник. Всей его безграничной внутренней силы хватило лишь на то, чтобы покинуть Утиль, но не сохранить разум.

Алиса вскакивает с кресла и уверенно движется к нему...

Драконий хребет по-прежнему оставался справа. Мы свернули по направлению к Основной трассе, но последняя серая стесанная гора, которую нужно было обогнуть, все еще маячила сбоку.

Местность здесь совсем уж каменистая, поэтому пришлось перейти в режим внедорожника, и, как горные козлы, скакать по этим ухабам.

Но пару невеселых часов по камням того стоили.

По карте на дисплее панели управления злобещий Черный Лес остался сначала справа, а потом и вовсе сползал вниз. За пределы экрана.

Девушка все также молчала. Сидит мрачная, глубоко утонувшая в депрессии. Это пока что еще ее настоящая, человеческая депрессия. Не та, что происходит у меня, вызванная эмоциональным голодом.

Ухабов становится меньше. По крайней мере мою голову постоянно не трясет, и можно спокойно разговаривать.

— Прости, — начинаю разговор с пассажиркой. Она словно оживает, глаза поднимаются и с долей надежды смотрят на меня. — Я вел себя... непрофессионально.

— Что...

— Как вас... Тебя зовут? — я могу вызвать информацию на экране, но лучше проявлю что-то вроде дружелюбия. Пассажира, даже по дороге в Ад, нужно держать на стабильном эмоциональном уровне. Ведь где депрессия, там и страх, где страх, там агрессия, а мне проблемы ни к чему.

— Ты ведь знаешь, — с обидой в голосе бросила она.

— Возможно. Но пойми, я пережил некоторые изменения в этом мире, и лишняя память покинула меня. Поэтому, кроме внешней оболочки, от того меня, которого ты могла знать, практически ничего не осталось...

— И так со всеми?

— В целом да. У кого-то больше, у кого-то меньше. Но, — я стараюсь слепить из своего мертвого лица какое-то подобие сочувствующей маски. — Это не страшно. Просто нужно понять, что, когда мы умираем — это касается не только тела. Все наши мечты, чувства, чем мы дорожили при жизни, тоже превращается в пепел. Не только мы умираем для Мира Живых, но и он умирает для нас. Поэтому не стоит пытаться воскресить мертвеца, рассказывая о том, что было при жизни. Ему все равно. Этого больше нет. И его, живого, тоже больше нет.

— Печально, — холодно ответила она.

— Это не печально, это правильно. Представь, как люди бы жили, когда все мертвецы ломились бы обратно, за своими мечтами, за тем, чем они дорожили. И возможна ли была жизнь на Земле, если бы каждый человек стремился как можно скорее шагнуть в вечность? Люди живут, творят добро и грешат, люди умирают и люди сражаются за то, чему отдавали предпочтения при жизни. Это баланс, так мир пребывает в равновесии.

Красивый философский бред часто успокаивает пассажира. Заставляет его задуматься и отвлечься от остаточных эмоциональных реакций.

— Я поняла, — она снова отворачивается.

— Так как тебя зовут? — я пытаюсь скривить улыбку.

— Вика.

— Артур, — протягиваю ей руку. Она пожимает. Ритуал знакомства. Тоже психологическая уловка. Как будто бы она не знала меня раньше и сейчас знакомится уже с совершенно другим человеком.

— Ты везешь меня в Ад, да? — слышу вопрос. Так, она уже не пытается воззвать к моим воспоминаниям, а начинает думать о себе. Я на правильном пути.

— Конечно. Я не буду тебе врать, говорить, якобы в Аду классно и вовсе не так страшно, как описывают. Там страшно и неудобно, да, но это вовсе не вечные муки, как его описывают. Там приходится выживать, грызть глотки себе подобным, добиваться своего места под солнцем. Совсем как в жизни, только жестче.

Она кивнула. И больше ничего не сказала.

Я тоже молча и неподвижно уставился перед собой.

Не мигая и лишь изредка двигая руками руль, я, наверное, выглядел как манекен, управляющий машиной.

Неудивительно, что мне так быстро удалось убедить Вику прекратить попытки "растопить" меня.

Вика. Кто она и когда мы познакомились? Уже собираюсь аккуратно открыть досье на дисплее в панели управления, как вдруг на экране лобового стекла снова появляется Майкл.

— Чувак... — вяло говорит он. Глаза устало смотрят куда-то в пустоту. — Мне это... Жрать пора. Привал, может, устроим?

Открываю карту. Проехав Черный Лес и обогнув Дракониий хребет, мы оказались на Холмах Древних.

Нажимаю пальцем на наименование локации на карте — "опции" — "дополнительно", бегаю глазами по тексту. По сути, эта возвышенность между Черным Лесом и Огненной Пустыней нечто вроде оазиса. Никаких угроз со стороны разумных форм жизни не встречается.

Оглядываюсь — метрах в тридцати убегает (видимо, завидев машину) стая шерстяных бычков. У каждого растет по одному рогу из лба. Справа (примерно на таком же расстоянии) под двумя одиноко стоящими ивами видно огромных черных волков. Но для "единорогов" они пока не опасны. Уже поедают какую-то тушу.

Вроде да. Как и написано в аннотации, тут только обычные животные. Машине с заколдованной броней они ничего не сделают.

Дочитываю. Пару слов о разумных существах. По неподтвержденным данным, тут еще обитает в норках какая-то раса не то карликовых гуманоидов размером с ладонь, не то подобия людей, не то разумных мышей.

Неинтересно.

Так. "Аномалии: в полночь возможно появление огромных бесплотных духов. Возможен выброс атакующих заклинаний..."

Отголоски обитания Титанов тут, что ли?

"Справка". Нажимаю, разворачиваю.

"Холмы Древних названы в честь массового захоронения Титанов. Предположительно, здесь покоятся кости представителей знати. На это указывает огромное количество украшений и одежд, отделанных драгоценными камнями..."

Интересно, кто из мертвых занимался этими исследованиями и для чего?

"... О том, что это кладбище знати, свидетельствует также скульптура у предполагаемого входа..."

Не дочитывая описания, поднимаю взгляд. То, что я сначала принял за причудливую скалу, действительно походило на скульптуру королевского размаха.

Несмотря на годы под дождями и ветрами, в ней еще угадывались очертания человекоподобной фигуры, которая мрачно склонила голову с вытянутым подобием лица. Удивительно, как строения Титанов переживают миллионы лет.

— Ну чего там? — не унимался мрачный Майкл.

—Отдыхаем.

Место спокойное. Можно сделать привал.

Останавливаю джип на возвышенности. Снизу крутой спуск, усеянный редкими деревьями с пожелтевшими листьями. За ним новый подъем, из вершины которого и выступает статуя Титана.

Футуристический внедорожник "Ягуар" с тонкими, похожими на прищуренные недовольные глаза, фарами встает чуть позади.

Из него выскакивает Майкл, подходит к "Доджу" и бесцеремонно прыгает на заднее сиденье.

В руках он зачем-то держит снайперскую винтовку. Непонятно, зачем: то ли опасается, что на него могут напасть, пока он переходит из машины в машину, то ли покрасоваться.

Последнее — очень странная потребность для мертвеца.

—Чувак... Выручай.

Лицо у него как у человека, который отравился. Болезненно белое с остекленевшим взором.

— Держи, не мучайся, — протягиваю ему таблетницу. Он откладывает винтовку, жадно хватая баночку, высыпает на ладонь вроде как несколько таблеток и глотает. Похоже, он явно не хочет довольствоваться одной эмоцией.

Серость. Серость просачивается ко мне в окружающий мир. И уже небо, статуя, холмы все больше похожи на снимок в негативе. Беру таблетницу и тоже принимаю одну. По привычке высыпаю именно таблетку радости, проглатываю. Все как всегда: тепло по телу, возвращение цветов, мимические мышцы в уголках рта растягиваются до улыбки.

Украдкой смотрю на пассажирку. Вика едва сдерживает испуг. Еще бы. Я, наверное, сейчас похож на Джокера из комиксов.

Ничего более не испытываю. Даже тупого подобия радости.

Мне уже знакомо это состояние во время приема эмоций. Я уже чувствовал нечто подобное. Перед сражением в Городе Суда...

— Уххх, чувак, это афигенно! — сзади уже сидел какой-то бес. Он мотал головой и рычал. Зрачки расширены, а взгляд мечется, как жилец в горящем доме.

Его накрыло.

Закрываю замки на машине. Еще не хватало, чтобы Вика попыталась сбежать, видя это безумие.

Майкл протяжно захрипел, опустив голову, а затем резко поднимает ее. Зрачки стали чуть меньше.

— Превышая дозировку, ты можешь сойти с ума, — констатирую ему.

— Я? — он демонически заулыбался. — Яяяя? Я нет. Не я безумен. Все вы безумны! Ахахахаха! — он запрокинул голову. — А знаешь почему? Знаешь?!

— Нет.

— Потому что вы все, черт подери, продолжаете делать эту работу! Все вы продолжаете идти на поводу у Смерти! Вы все носитесь перевозить эти души за кусочки эмоций, а могли бы просто грабануть завод и раздать эти таблетки! Сделать всех счастливыми! — он обильно жестикулирует. — Но нет же! Никто из вас не хочет сплотиться, никто не хочет быть, как я! — он замолкает и разочарованно опускает глаза. Дальше его голос дрожит. Майкл будто готов заплакать. — Ну почему все не такие как я? Мир бы стал свободен, будь все как я, мир бы стал счастливым!

— У людей есть индивидуальность.

— Нет у них никакой индивидуальности! — он был готов впасть в истерику. — Вы все одинаковы! Все до единого! Все! Вы не имеете никакой личности, — что-то щелкает в моей голове. — Не можете распоряжаться своей судьбой и делать, что хотите. Вот ты, ты, Артур, ты хочешь вести эту девушку в Ад? — еще один "щелчок" в голове. Погромче. — ХОЧЕШЬ???

— Это моя работа. Без нее я не получу эмоций.

— Вот именно! Ты делаешь, то, чего не хочешь. Ты несвободен! И все вы такие же. Все несчастны, все в рабстве! — он швырнул винтовку на пол и стал бить себя в грудь.

— Ты говорил, что при жизни не наслаждался так, как сейчас.

— Да, но это все не то! Мне все равно приходится побираться эмоциями, чтобы испытывать удовольствия. Перебиваться и терпеть, ограничивать себя! При жизни мы должны это делать, подавлять себя, перебарывать, чтобы не сдохнуть, не попасть в тюрьму, не остаться в нищете!

Смотрю на баранку руля, чтобы немного отвлечься и не вслушиваться в его вопли.

— Я же старался не ограничивать себя, жить каждый день на полную катушку, пробовать все и всех, рисковать и, в конечном итоге, я умер от СПИДа! Я мучительно умирал несколько месяцев и думал, что когда я умру и там, после смерти, есть жизнь, я больше никогда не буду мучиться... Но нет! И здесь нас наебали, Артур! Я уже не боюсь потерять жизнь или оказаться в тюрьме за свои поступки, но мне по-прежнему не хватает средств, чтобы по-настоящему кайфовать, мне приходится мучиться от депрессии. А чтобы чаще получать то, чего я хочу — я должен работать! Зарабатывать эти монетки. Ничего не поменялось.

Похоже, гремучая смесь эмоций сильно проперла Майкла на откровения.

— Может, тебе стоило попасть в Рай...

Зря я продолжил разговор. Майкла опять понесло.

— В Рай? Я ненавижу богов! Они создали несправедливый мир, что разрывают войны, болезни и неравенство. В этом мире нельзя быть счастливым и свободным! В его мирке достойные люди страдают и перебиваются, а всякие паскуды живут и здравствуют. Он не помогает людям, стоит в стороне, когда творится несправедливость, а в его обоссанный Рай попадают только те, кто верил в него и своевременно носил деньги в церковь, замаливая свои грешки!

Он на секунду перевел дух, и снова продолжил:

— Все мои друзья в Аду, слышишь?! Все, кем я дорожил. Что я буду делать в этом Раю? Кайфовать, а потом бежать в Зону Войны воевать с теми, кто был мне другом при жизни? Пойми, наши повелители – это редкостные твари, которых я бы лично расстрелял из автомата. Они в сговоре с дьяволом и со Смертью. Все они, все ублюдки, для которых мы — пушечное мясо. И ты тоже, Артур! Слышишь меня, ты тоже пушечное мясо!

На небе все больше ярко-розовых и красных тонов. Солнце садилось на Западе, в Аду, и окрашивало почти весь небосвод в его цвета. Скала памятника почернела и мрачным стражем стояла на пути.

— Майкл, солнце садится, — обрываю его. — Нам стоит попасть к Степи Шекха до того, как тут начнут шагать призраки Титанов.

— А это безопасно? — с насмешкой спросил он. — Ночью гонять через Степь?

— А почему нет?

— Ну, существа там.

— Степь опоясана горами, и климат теплее, только динозавры пасутся. А там, где динозавры, мало, кто еще опасный ходит.

— А как же кентавры?

— Они не помешают на открытом пространстве.

— Я тебя понял, — Майкл снова пустил смешок и выпрыгнул из машины. Напоследок он открыл левую переднюю дверь, поднялся на ступеньку и, наклонившись над моим ухом, прошептал: — Я знаю, нахрена мы такой крюк сделали. Ты хочешь подольше с этой телочкой побыть, да?

Подмигнув и продолжая хитро улыбаться, он спрыгнул и пошел к своей машине.

Я еще раз посмотрел на Вику. Все равно не могу вспомнить, кто она. Может, одна из бывших девушек, с которой я расстался давным-давно и теперь, по дороге в Ад, она хватается за соломинку, чтобы спастись?

А может...

Сосны, лесной ручей, лицо влюбленной девушки... ее лицо.

Бью по педали газа. Вырывая куски земли, джип срывается по склону вниз. Майкл, тоже резко газанув, едва поспевает за мной.

Все не то. Какие-то странные ощущения, эта рефлексия по девушке, размышления, мучительное непонимание, отсутствие впечатлений от эмоций.

Что со мной произошло?

Но ответы сами вспыхивали в голове. Голосом Луция.

Личность блокируют, а не стирают, ее нельзя стереть, а если она очень сильная, как у тебя, то будет проситься наружу...

Вот куда исчезла та безмятежность бытия и наслаждение беспамятством, которое я приобрел? Приобрел после удаления личности.

И мысль о том, что мое "я" попытались стереть из моей души, сейчас не казалось безумной.

Потому что затылок пробила острая боль. Всего на мгновение, но вслед за этим вспыхнули образы.

Госпиталь. Скальпель. Смерть.

Все встало на свои места.

Эти наваждения начались после того, как Анька сказала, что мне удалили личность. Видно, барьер в моей голове итак еле держался, и слова подруги пробили в нем брешь.

Что было дальше?

Так. Я сразу пошел в бар, чтобы забыть об ее словах, и тут на Майкла напал Шкипер.

И я вступился за него. Вступился, хотя еще два дня назад просто бы молча смотрел на то, как его избивают. Потому что еще два дня назад мне было все равно...

Я дал пистолет пленному Извозчику, потому что решил ему помочь отбиться. Проявил сочувствие, хотя еще два дня назад даже не стал бы его освобождать.

И теперь личность, со всеми вытекающими последствиями стала стремительно возвращаться ко мне в сознание. Словно скатываясь с горки.

Громыхая и неистово напирая тяжелой бронированной массой. Совсем как моя машина.

А впереди все приближалась эта потемневшая грозная статуя. Кажется, что это статуя воина, который оперся на меч. Он вроде расслаблен, но готов взмахнуть им. Разом выпустить скрытый дремлющий в нем океан силы.

ГЛАВА 24

Спустя три недели после Битвы За Город Суда

Холодный океан лизал, отделанные сталью, подошвы Вождя Айрэса.

Волны напирали и напирали, словно пытаясь сбить его с ног, но холодный ветер с юга не мог пошатнуть ни его, ни цветы, что гордо вытягивали шлемы своих бутонов из-под волн.

Цветки Воли. Они совсем как тюльпаны, только нежно-голубые и растут на самом берегу. Мощные потоки воды стараются смять их, но они лишь покачиваются и не сдаются.

Как не сдавался и могучий Орочий Рейх, продолжая строить и воевать. Воевать и строить. Строить корабли.

Один из таких сейчас возводили рядом с Айрэсом. Длинный драккар, с изогнутым носом в виде медного оскаленного дракона.

"Лицо" корабля сделано по образу и подобию того дракона, которого Вождь, еще будучи юношей, сумел изловить и приручить. Шайт. Он до сих пор охраняет его Дворец, а почестей достоин не меньше, чем лучшие военачальники Рейха.

Драккар вот-вот будет готов.

Его строили руками лучших инженеров. Тех, чьи крепкие тела, за многие поколения селекции, выработали способность железно держать в руках инструменты, выдерживать невероятные нагрузки, а их ум с самого детства затачивали под специальность.

— Корабль будет готов через час, — прогремыхал Врык. Сплошная мощь, под каждым миллиметром его серой, как скала кожи играет рельефный, прочный как камушек, мускул.

Одни его только руки похожи на стволы дерева, не говоря о ногах, которые в обхвате даже шире могучего торса Айрэса. Немудрено: мышечное чудовище непомерной силы и ростом за три метра тоже результат селекции.

Врык по специализации тяжелый пехотинец. А это значит, что его мать была могучей женщиной из касты кузнецов или тяжелых лучниц. А это значит, что его отец тоже был тяжелым пехотинцем и тоже был высокого роста и богатырского телосложения. А это значит, что и их отцы, и деды, и прадеды тоже были именно таких габаритов и женились исключительно на таких же больших орчихах, чтобы и дальше производить богатырей.

Эволюция и генетика.

Еще до этих открытий ученых Рейха орки женились и рожали детей так, чтобы культивировать отдельный физический или умственный признак. Если мы хотим вырастить разведчика, то стройные и тонкие орки должны жениться друг на друге, если мы хотим громадного тяжелого воина, то пару громиле нужно искать по размеру. Если же культивируется умственный признак, то ученый не может жениться на глупышке, а поэтесса должна выйти замуж тоже за творческую натуру, а не за могучего воина.

Из поколения в поколение, преумножая генетический потенциал каждого орка.

Сильное должно жить, слабое должно умереть, поэтому больные дети отдавались на корм волкам сразу после родов.

Также горе тому, кто ослушается Правила Рода и явит на свет ребенка от орка другой специализации.

За такой проступок оба грешника сменяют касту и отправятся на рудники, и там их "неполноценный" ребенок продолжит уже новую династию их семьи. Династию рабов.

Однако Врык до мозга костей тяжелый пехотинец и стоит сейчас рядом с Вождем в деловом костюме из шкуры мегалодона. Он главный инженер и министр строительства Рейха. Как такое возможно?

Все дело в Айрэсе.

Он дал дорогу социальным лифтам в обществе орков, но, чтобы не нарушить вековые расовые традиции, пошел на компромисс. Любой орк или орчиха может сменить свою специализацию, если у них родится хотя бы один ребенок от представителя своей социальной группы. И даже построить отношения с членом другой касты, если родит двух детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.